

Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

МАТЕРИАЛЫ V Международной научной конференции

**Донецкие чтения 2020:
образование, наука, инновации,
культура и вызовы современности**

Том 8

**Донецк
17 – 18 ноября 2020 г.**

Юридические науки. Часть 1

Уважаемые коллеги!

Ставшая уже регулярной политематическая V Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности», которая в нынешнем 2020 году проводится Донецким национальным университетом в дистанционной форме, приобретает все больший интерес в отечественном и зарубежном научно-образовательном пространстве. Постоянно расширяется состав ее участников, перечень выносимых на обсуждение проблем, тематика научных презентаций.

Спектр представляемых на конференции исследований позволяет констатировать дальнейшее расширение областей сотрудничества, творческого взаимодействия и научных обменов, а также качественное углубление интеграционных связей ученых и педагогов университета, научных организаций – участников академического консорциума «Научно-образовательный и инновационный комплекс ДонНУ», а также всей отрасли науки и образования Донецкой Народной Республики с научно-образовательным сообществом Русского Мира. Все более интенсивными, насыщенными и плодотворными становятся наши творческие контакты с учеными множества зарубежных государств.

Сборник трудов конференции является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Свои доклады на конференцию по результатам выполненных фундаментальных и прикладных исследований в области актуальных проблем естественно-математических, технических и социально-гуманитарных наук прислали известные специалисты и молодые ученые из многочисленных научно-образовательных организаций, представляющие помимо Донецкой и Луганской Народных Республик – Российскую Федерацию, Республику Южная Осетия, Приднестровскую Молдавскую Республику, Республику Узбекистан, Социалистическую Республику Вьетнам. Как и в предшествующие годы, значительная часть освещаемых в докладах результатов является плодом совместных исследований международных научных коллективов.

Обращаясь с пожеланиями успешной работы конференции хочу выразить мнение, что ее проведение бесспорно будет способствовать решению новых важнейших фундаментальных и прикладных задач научного познания, внесет свой вклад в инновационное развитие, в дальнейшее укрепление творческих контактов ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства стран-участниц!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

V Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 8

ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Часть 1

Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
17-18 ноября 2020 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2020

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, Н.В. Асеева, Н.А. Тимошенко

Д672 Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 8: *Юридические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – 300 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В восьмой том материалов V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного и финансового права, конституционного и международного права, уголовного и гражданского права и процесса, теории и истории государства и права, а также теории и практики евразийского сотрудничества.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2020

© Донецкий национальный университет, 2020

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Андреев Д.А., канд. ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета (г. Москва)

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк)

Беспалова Т.В., д-р филос. наук, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка)

Качалов Р.Н., и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кшикань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

Ковалев А.М., д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)

Минаев А.И., д-р ист. наук, профессор, ректор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк)

Половян А.В., д-р экон. наук, профессор, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк)

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск)

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)

Скафа Е.И., д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта)

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал)

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета (г. Москва)

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

Административное и финансовое право

УДК 346.6 (075.8)

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Балакай О. Б., канд. экон. наук, доц., ***Гаврилюк А. Ю.***

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

k.balackai@yandex.ua, Asya.osadchaia@gmail.com

Вопросы правового регулирования бюджетных отношений являются актуальными в современной юриспруденции. Бюджет является центральным элементом финансовой системы любого государства и одновременно инструментом экономической и социальной политики. В то же время бюджет – это правовая категория, которая является нормативным актом и имеет силу закона. Актуальность данной темы связана с формированием бюджетных правоотношений в Донецкой Народной Республике (далее ДНР), необходимостью изучения и совершенствования существующей нормативно-правовой базы.

Целью исследования является изучение правового обеспечения бюджетного процесса в ДНР.

Бюджетные правоотношения возникли в ДНР в мае 2015 года, с этого момента республиканский бюджет принимался поквартально в связи со сложностью условий, вызванных военными действиями на территории республики. В 2014 г. была принята бюджетная классификация доходов и расходов, действующая для всех бюджетных учреждений. В 2015 году принято Временное положение о бюджетной системе Донецкой Народной Республики, в настоящее время утратившее силу. За последние пять лет в области нормативно-правового обеспечения бюджетного процесса в ДНР произошли важные изменения. Сформирована единая система бюджетной классификации, утвержденная приказом Министерства финансов от 27.12.2017 № 193. Выработан единый подход по применению кодов экономической классификации расходов бюджета, утвержденный приказом Министерства финансов ДНР от 19.06.2018 № 65. Бюджетная классификация ДНР на настоящий момент предусматривает следующее: классификацию доходов бюджета; функциональную классификацию расходов и кредитования бюджета; экономическую классификацию расходов бюджета; ведомственную классификацию расходов и кредитования республиканского бюджета [1].

В 2019 году принят Закон об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в ДНР (далее Закон), который действует в настоящее

время и является основным нормативным актом регулирующим бюджетные правоотношения в республике. Утверждены основополагающие нормативные правовые акты, используемые в процессе планирования и исполнения бюджета.

Необходимо отметить, что бюджетная система ДНР согласно действующему законодательству является двухуровневой, и включает: первый уровень – республиканский бюджет, а так же внебюджетные фонды и второй уровень – местные бюджеты. Республиканский бюджет ДНР, бюджеты государственных внебюджетных фондов ДНР разрабатываются и утверждаются в форме законов, местные бюджеты разрабатываются и утверждаются в форме нормативных правовых актов (решений) органов местного самоуправления.

Определение бюджетного процесса основывается на действующем законодательстве государства. Согласно Закону ДНР, бюджетный процесс это «регламентированная Законом и иными актами бюджетного законодательства Донецкой Народной Республики деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных участников бюджетного процесса по составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению бюджетов бюджетной системы Донецкой Народной Республики, контролю их исполнения, осуществлению бюджетного учета, составлению, рассмотрению и утверждению бюджетной отчетности» [2].

Участниками бюджетного процесса являются: Глава ДНР; Народный Совет ДНР и представительные органы местного самоуправления; Правительство ДНР, Министерство финансов ДНР, Республиканское казначейство ДНР, иные органы исполнительной власти и исполнительные органы местного самоуправления; органы государственного финансового контроля; органы управления государственными внебюджетными фондами; Центральный Республиканский Банк ДНР; главные распорядители (распорядители) бюджетных средств; главные администраторы (администраторы) доходов бюджета; главные администраторы (администраторы) источников финансирования дефицита бюджета; получатели бюджетных средств [2].

Министерство финансов ДНР составляет проект бюджета, определяет основные организационно-методические положения бюджетного планирования, которые используются при подготовке бюджетных запросов. Проект бюджета ДНР разрабатывается в соответствии с утвержденной бюджетной классификацией, указанной выше.

Для формирования проекта бюджета Министерство финансов ДНР информирует главных распорядителей средств республиканского бюджета и местные финансовые органы об основных требованиях к подготовке бюджетных запросов, а также устанавливает сроки их представления в Министерство финансов ДНР. Органы доходов и сборов ДНР, Таможенная

служба и другие органы исполнительной власти направляют прогнозы поступлений налогов и сборов и других обязательных платежей в Министерство финансов ДНР.

Министерство финансов ДНР на стадии составления проекта бюджета проводит анализ бюджетных запросов, предоставленных главными распорядителями средств республиканского бюджета, местными финансовыми органами, на предмет их соответствия целям, приоритетности, установленным нормам и нормативам, а также эффективности использования бюджетных средств.

По результатам рассмотрения бюджетных запросов с учетом прогнозных показателей доходов и иных доходов бюджета на плановый бюджетный период Министерство финансов ДНР готовит проект бюджета ДНР и представляет его в Совет Министров ДНР. Совет Министров ДНР рассматривает вопрос об утверждении проекта бюджета Донецкой Народной Республики на соответствующий бюджетный период.

Министерство финансов ДНР реализует следующие функции: осуществляет контроль за исполнением бюджета, принимает и формирует отчеты об исполнении бюджета, а также вносит предложения по изменению бюджета на рассмотрение Совета Министров ДНР. Республиканское казначейство ДНР осуществляет правоприменительные функции по обеспечению исполнения республиканского бюджета и кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы ДНР, предварительный и текущий контроль за проведением операций со средствами республиканского бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств республиканского бюджета.

Таким образом, можно выделить основные стадии бюджетного процесса ДНР: составления проекта бюджета, утверждения и исполнения бюджета, контроля за исполнением бюджета, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности. Необходимо отметить, что бюджетный процесс в ДНР нормативно урегулирован и имеет четкую нормативную основу в виде Закона об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в Донецкой Народной Республике, и других нормативных актов. В качестве недостатков можно отметить большое количество изменений действующего бюджетного законодательства, что обусловлено сложностью экономического и правового статуса Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Приказ Министерства финансов донецкой Народной Республики № 193 от 27.12.2017 «Об утверждении бюджетной классификации» – URL: <https://minfindnr.ru/metod-kabinet/byudzhetnaya-klassifikaciya/>
2. Закон об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в Донецкой Народной Республике / Принят Постановлением Народного Совета 28 июня 2019 года. – URL: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osnovah-byudzhetnogo-ustrojstva-i-byudzhetnogo-protssesa-v-donetskoj-narodnoj-respublike/>

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ НАЛОГОВОЙ ТАЙНЫ

Балакай О. Б., канд. экон. наук, доц., *Романенко К. А.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
k.balackai@yandex.ua, kristinaromanenko99@gmail.com

В современном научном обществе уже давно не вызывает дискуссии вопрос о месте информации в жизни общества и государства, поскольку именно информационные технологии и информационно-коммуникативные системы в условиях глобального цивилизационного развития являются ключевым ресурсом любой сферы деятельности. Особое значение информация имеет для функционирования органов государственной власти, ведь успешное выполнение возложенных на них задач и функций невозможно без получения, поиска, хранения, использования информации.

В полной мере изложенное касается деятельности налоговых органов, ведь их деятельность связана со сбором, поиском и проверкой информации, которая в основном носит конфиденциальный характер и требует обеспечения ее безопасности, предотвращения несанкционированного доступа посторонних лиц или разглашения.

Институт налоговой тайны не нов, но все еще недостаточно исследован. Долгое время налоговая тайна рассматривалась исключительно в контексте особенностей правового режима публичной информации и информации с ограниченным доступом, а не в качестве самостоятельного вида государственной тайны.

А потому, целью исследования является определение понятия налоговой тайны в законодательстве Донецкой Народной Республике на основании исследования теоретических подходов и нормативно-правовых актов Донецкой Народной Республики.

Необходимо отметить, что в 2017 году были внесены изменения в Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» № 99-ІНС от 25.12.2015 г. (далее – Закон) и в п. 1 ст. 9¹ определено понятие налоговой тайны. Ее составляют любые полученные органами доходов и сборов сведения о налогоплательщике, за исключением сведений: 1) которые являются общедоступными, в том числе с согласия их обладателя – налогоплательщика; 2) предоставленных налоговым, таможенным или правоохранительным органам других государств на основании международных договоров (соглашений), стороной которых является Донецкая Народная Республика; 3) к которым свободный доступ установлен нормативными правовыми актами ДНР [1].

Органы доходов и сборов могут предоставить информацию, содержащую налоговую тайну, органам государственной власти, а также

физическим и юридическим лицам на основании письменного обоснованного запроса, который должен содержать ссылки на конкретный пункт, часть и статью нормативного акта, обеспечивающего право на истребование информации. Ответ предоставляется в срок не менее 10 и не позднее 30 календарных дней после получения запроса.

Незаконное разглашение сведений, составляющих налоговую тайну, в соответствии с ч. 2 ст. 199 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, предусматривает такие наказания:

– штраф в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы, иного дохода за период до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет;

– исправительные работы на срок до двух лет;

– принудительные работы – до трех лет;

– лишение свободы – на тот же срок.

Разглашение налоговой тайны, повлекшее наступление тяжких последствий, наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы – до семи лет [2].

Поэтому формулировка Закона требует уточнения понятия налоговой тайны. Отметим, что налоговая тайна представляется отчасти информацией с ограниченным доступом. Липкан В. А. относит к последней «любые сведения и / или данные, сохраненные на материальных носителях или отраженные в электронном виде, доступ к которым ограничен на законных основаниях ее владельцем или добросовестным пользователем (субъектом властных полномочий, физическим или юридическим лицом) в связи с ее особой ценностью для них» [3, с. 264].

Дедовец В. Е. под налоговой тайной понимает информацию, признаваемую кодифицированным законом не общедоступной, соответствующей установленным законом условиям охраноспособности в целях защиты прав и интересов лица, общества и государства [4, с. 14].

Отличительным признаком такой информации является получение ее органом доходов и сборов при выполнении своих полномочий. То есть информация о налогоплательщике, полученная должностным лицом не в связи с осуществлением своих полномочий, не может считаться налоговой тайной. Эта позиция прослеживается в рассуждениях Збинского Е. Ф. – налоговой тайной признается совокупность конфиденциальной, а не общедоступной информации налогоплательщика, ставшей известной сотруднику налогового органа в связи с выполнением возложенных на него служебных обязанностей, предусмотренных налоговым законодательством [5, с. 8].

Схожее толкование предлагает Мандзюк О. М. По его мнению, ее составляют общественно значимые сведения и/или данные, которые могут быть сохранены на материальных носителях или отражены в электронном

виде, созданные или полученные налоговыми органами в пределах полномочий, предусмотренных законодательством, в целях обеспечения эффективного функционирования системы налогообложения, доступ к которым ограничен в соответствии с законодательством в связи с особой ценностью для их владельцев или добросовестных пользователей [6].

Принимая во внимание изложенные точки зрения, представляется возможным определить налоговую тайну как сведения и / или данные, обладающие в соответствии с законодательством особой ценностью для их владельцев или добросовестных пользователей, которые могут быть сохранены на материальных носителях или отражены в электронном виде и получены должностными лицами органов доходов и сборов в пределах их полномочий. Правовой режим налоговой тайны является сложной юридической конструкцией, особым порядком правового регулирования общественных отношений, осуществляемым с помощью системы специальных юридических средств. Именно разработка проблемных вопросов изучаемого правового явления является актуальным направлением научной деятельности, требующим дальнейшего научного осмысления.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики №99-ІНС от 25.12.2015 г. «О налоговой системе», действующая редакция по состоянию на 07.09.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mdsdnr.ru/images/zakon/z99_210220.doc, свободный;
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014г., действующая редакция по состоянию на 07.09.2020г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
3. Ліпкан В. А. Адміністративно-правовий режим інформації з обмеженим доступом в Україні : Монографія / В. А. Ліпкан, В. Ю. Баскаков / За заг. ред. В. А. Ліпкана. – К.: ФОП О. С. Ліпкан, 2013. – 344 с.
4. Дедовец Е. В Юридическая ответственность за разглашение налоговой тайны: вып. квалиф. раб. / Е. В. Дедовец. – Челябинск, 2017. – 97 с.
5. Збінський Є. Ф. Правовий режим податкової таємниці в Україні [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Збінський Євген Федорович; Держ. ВНЗ «Запорізь. нац. ун-т» М-ва освіти і науки України. – Запоріжжя, 2016. – 17 с.
6. Мандзюк О. А. Правовий режим податкової інформації в Україні : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» / О. А. Мандзюк. – Запоріжжя, 2014. – 19 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goal-int.org/pravovij-rezhim-podatkovoi-informacii-v-ukraini/>.

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В ДНР

Балакай О. Б., канд. экон. наук, доц., *Удахина К. А.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
k.balackai@yandex.ua

Введение. Во многих государствах с развитой рыночной экономикой защита прав и законных интересов налогоплательщиков, обеспечивается закреплением в нормах права их статуса. Необходимость в защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, обусловлена разногласиями и спорами сторон, соответствующих правоотношений, по поводу применения законодательства, в том числе и налогового. В широком смысле система защиты прав налогоплательщиков и иных участников налоговых правоотношений определяет наличие четких правил налогового законодательства, строгого надзора за деятельностью налоговых органов, простых и эффективных способов разрешения конфликтов. В узком понимании подразумевается возможность обратиться к соответствующему должностному лицу для рассмотрения законности и обоснованности требований, предъявленных к налогоплательщику налоговыми органами. Если у налогоплательщика отсутствует реальная возможность защитить свои права и законные интересы, такую налоговую систему невозможно охарактеризовать как демократичную, так как в данном случае не гарантируется принцип неприкосновенности и равной защищенности всех видов собственности, лежащий в основе правопорядка.

Основная часть. Защита прав является главенствующим элементом права. В соответствии со ст. 3 Конституции ДНР предусмотрено, что: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц» [1].

Защита прав и законных интересов является одним из институтов гражданского права, который направлен на предупреждение возникновения правонарушений и устранение последствий данного нарушения, а также определяет формы, сроки и способы восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан. В понятие защиты прав и законных интересов налогоплательщиков входит правовая возможность реализации законодательных гарантий, которые обеспечивают права граждан, являющихся субъектами налоговых отношений [2, с. 154].

В Донецкой Народной Республике права и законные интересы налогоплательщиков обеспечиваются Конституцией ДНР, Законом ДНР «О налоговой системе» № 99 – ІНС от 25.12.2015 г. (далее Закон), а также иными нормативно-правовыми актами, которые направлены на обеспечение прав граждан, выступающих в качестве субъектов налоговых правоотношений.

В соответствии со ст. 15 Закона налогоплательщиками являются юридические лица, физические лица-предприниматели, филиалы юридических лиц – нерезидентов, налоговые агенты, физические лица, на которых в соответствии с Законом возложена обязанность уплачивать налоги и (или) сборы.

Права налогоплательщиков выступают важной составляющей их правового статуса, во взаимодействии с обязанностями они определяют меру возможного и должного поведения субъектов налоговых правоотношений. В Донецкой Народной Республике права налогоплательщиков определены ст. 16 Закона[3].

Законным интересом налогоплательщика является правовое дозволение реализации стремлений налогоплательщика использовать свое благо в сфере налоговых отношений в рамках, не противоречащих закону. К легитимным интересам налогоплательщика можно отнести: возможность осуществления налогового планирования и оптимизации налогообложения, стабильность налогового регулирования в определенный налоговый период, минимизацию издержек, связанных с налоговым контролем [2, с. 157].

Права и законные интересы налогоплательщиков защищаются определенными способами, к числу которых можно отнести:

– административный порядок защиты налогоплательщиков, который заключается в том, что разрешение спора проходит исключительно в рамках деятельности налоговых органов, без дальнейшего вынесения дела в суд. Положения главы 9 Закона определяют, что процедура административного обжалования выступает досудебным порядком разрешения спора. Не подлежат административному обжалованию денежные обязательства, которые были самостоятельно определены налогоплательщиком;

– судебный порядок защиты прав налогоплательщиков определяется оспариванием своих прав и законных интересов с помощью судопроизводства. Глава 9 Закона регламентирует положения судебного обжалования, в результате которого решения органа доходов и сборов, действия или бездействия их должностных лиц могут быть обжалованы в судебном порядке [2].

Также защита прав налогоплательщиков возможна с помощью органов прокуратуры, которые обеспечивают надзор за правильностью применения законодательства, в том числе и налогового.

Применение данных мер позволит налогоплательщикам не только защищать свои права, когда они нарушены, но и охранять их, используя все разрешенные законом способы, чтобы не допустить нарушения своих прав [3, с. 159].

Заключение. Стороны налоговых правоотношений в самом начале находятся в неравном положении. Налоговое правоотношение обладает односторонним характером, который предполагает подробную юридическую регламентацию поведения и минимизацию свободы субъектов самостоятельно определять свое поведение. В данных условиях, одной из важнейших гарантий справедливости налоговой системы государства является наличие организационных и правовых гарантий защиты прав и законных интересов субъектов налоговых правоотношений, которыми выступают налогоплательщики.

Для защиты прав и законных интересов налогоплательщиков предусмотрены различные способы их защиты, к которым можно отнести: административный и судебный порядок защиты. Данные меры, с одной стороны, позволяют обеспечить защиту прав и законных интересов налогоплательщиков от неправомерных действий со стороны органов государственного управления или финансовых органов, а с другой стороны, обеспечивают финансовые интересы государства и муниципальных образований.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики: [принята Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики 14.05.2014]. — URL : <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/>
2. Викторова Н. Г. Налоговое право Краткий курс / Н. Г. Викторова – Питер, 2018. – 224 с.
3. Закон Донецкой Народной Республики № 99 – ИНС от 25.12.2015 г. «О налоговой системе», действующая редакция по состоянию на 07.09.2020г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Боренштейн А. Л., канд. юрид. наук, доц., *Борзенкова К. Ю.*
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, РФ
kristinaborzenckova@yandex.

Введение. В настоящее время отмечается серьезное практическое противоречие работы правосудия и неисполнения актов суда. Это подрывает авторитет судебной власти, защиту правопорядка, влечет постоянное нарушение прав и свобод человека.

Специализированные государственные органы, реализующие полномочия в административной сфере, имеют право применения мер административного принуждения. К мерам относятся контроль документов, дача исполнительных поручений, арест имущества, осуществления взысканий и иных карательных мер.

Все это позволяет решить государственные задачи, но и, в свою очередь, нарушает права человека в сфере незаконного применения. Отсюда остро стоит вопрос о необходимости, социальной оправданности указанных мер, о совершенствовании их сферы действия [4].

Основная часть. Меры административного принуждения призваны обеспечить правильность и законность их реализации и применения. Эффективность мер административного принуждения предполагает получение наименьших издержек при осуществлении их целей и задач. Цели определяют конечный результат принуждения, степень достижения раскрывает их эффективность.

Объект административного принуждения получает ограничения его прав различного характера, и чтобы устранить их, ему необходимо выполнять требования государства.

Эффективность административного принуждения определяется через соотношение между факторами обеспечения, объектом и субъектом принуждения, конечным результатом [3]. Значительную роль оказывают такие факторы, как научные и доктринальные взгляды, законодательные меры принуждения, свойства мер реализации. В настоящий момент законодательство не совершенно и нуждается в обновлении.

Практика реализации мер административного принуждения противоречива и формируется очень медленно. Необходимы новые подходы к применению мер административного принуждения.

Доктрина права, хотя и имеет неофициальный характер, предполагает информационно-побудительное воздействие на законодателя и правоприменителя. Оформление института административного

принуждения предполагает контакт между теоретиками и практиками, который до сих пор не происходит [1].

Также, чтобы меры административного принуждения были реализованы, необходимо наличие стабильного законодательства и информирование исполнительных субъектов о реализации мер принуждения.

Создаваться законодательство должно на основании принципа верховенства закона, коллизии и проблемы права должны быть устранены как на федеральном, так и региональном уровнях [2].

Говоря о реализации мер административного принуждения нужно отметить, что осуществлять они должны реально, оперативно и стабильно, иметь репрессивный характер. Основанием мер реализации должны быть принципы законности и справедливости, связь с судебной деятельностью, авторитет правоприменения.

Низкий уровень правосознания граждан значительно осложняет применения мер административного принуждения. Необходимо обеспечить, чтобы карательный потенциал применяемой меры соответствовал правонарушению, закрепить четкие пределы ответственности. Они зависят от отдельных законодательных актов, и адресатов применения. Любой нормативный акт устанавливает общую модель поведения, а правоприменитель накладывает его действие на конкретную ситуацию. Так, например, штраф для злостных нарушителей установлен значительно больше, чем тот, который устанавливается для лица, совершившего правонарушение в первый раз. Процесс реализации мер административного принуждения должен быть стабильным, чтобы обеспечить реализацию норм принуждения [6; 7].

Заключение. Реализация мер административного принуждения должна осуществляться в рамках своей интенсивности и законодательных требований. Все эти требования входят в понятие законности, так как принуждение должно быть справедливым и законным.

Трудности в достижении справедливости при применении мер административного принуждения объясняются отсутствием нравственных ориентиров. Важно ужесточение применения мер административного принуждения с учетом низкой правовой дисциплины и наличия правового нигилизма, при этом, необходимо ужесточать меры с учетом оправданности, справедливости применяемых мер.

Список литературы

1. Бахрах Д. Н. Административная ответственность: учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – М., 2019. – 500 с.
2. Карпухин Д. В. Проблемы применения мер административного принуждения субъектами административной юрисдикции / Д. В. Карпухин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 8. – С. 12-14.

3. Логвиненко И. Применение мер административного принуждения в особых правовых режимах / И. Логвиненко // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 485-488.
4. Попов Л. П. Административное право / Л. П. Попов. – М., 2019. – 414 с.
5. Ракша Н. С. Административное принуждение в государственном аспекте / Н. С. Ракша, Л. А. Колосов, А. М. Шишков // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 210-214.
6. Севрюгин В. Е. Проблемы административного права: учебное пособие / В. Е. Севрюгин. – Тюмень: ТВИШ МВД РФ, ТГУ, 2018. – 147 с.

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЛИЦАМ И ИХ ЗАКОННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ

Ветчинова Ю. И., Селезнева М. Ю.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, РФ
marinaselezneva2016@yandex.ru

Введение. В настоящее время актуальными считаются проблемы в сфере применения мер административного принуждения к несовершеннолетним лицам и их законным представителям. Профилактическим методом воспитания несовершеннолетних правонарушителей является административно-юрисдикционная деятельность, а борьба с правонарушениями совершаемых несовершеннолетними является методом профилактики правонарушений, совершаемых такими лицами.

Основная часть. Следует заметить, что в КоАП РФ нет специальной статьи, которая касалась бы административной ответственности несовершеннолетних. В нем лишь перечислены правонарушения, за которые несовершеннолетние несут административную ответственности [1].

К ним относится, прежде всего, мелкое хулиганство, которое предусматривает неуважение к обществу, оскорбительное отношение к окружающим. Совершение хулиганства несовершеннолетними лицами влечет наложение штрафа или ареста.

Норма ст. 5.35 КоАП РФ не подразумевает ответственности родителей за хулиганство, совершенное несовершеннолетними (кроме нормы ст. 20.22 КоАП РФ). Ответственность родителей или представителей определяется наличием следственно-причинной связи между правонарушением, совершенным ребенком и действиями родителей, указанных в нормах ст. 5.35 КоАП РФ [6; 7].

Состав правонарушения отсутствует, если родители предприняли действия по воспитанию ребенка. Согласно п. 1 ст. 18 Конвенции ООН о правах ребенка, ответственность за воспитание ребенка лежит на обоих родителях или опекунах.

Пункт 1 ст. 63 СК РФ не раскрывает суть такой ответственности. Она может быть как нравственной, так и отраслевой. Нормы Гражданского кодекса РФ (ч. 3 ст. 1073) указывают, что если несовершеннолетний, который причинил вред, находясь под надзором образовательного или иного учреждения, то администрация учреждения несет за данный вред ответственность. Считается, что если ребенок в этом случае находится под надзором перечисленных учреждений, то ответственности родителей нет [3].

В ст. 5.35 КоАП РФ возникает неправильная квалификация деяния, что искажает суть данной статьи. Сюда можно отнести неполный сбор доказательств по делу, стремление правоохранительных органов не оставить правонарушение несовершеннолетних без наказания.

Нормы КоАП РФ не содержат процедуры привлечения к ответственности по ст. 5.35, если виновные лица проживают в других местах. Составленные протоколы о правонарушениях передаются в комиссию по делам несовершеннолетних по месту жительства виновных лиц. Все эти действия затрудняют наступление ответственности. Привлечение к ответственности происходит на основании только составленного протокола, а не справок или иных документов. Вопрос о правонарушениях рассматривают районные (городские) комиссии по делам несовершеннолетних [8].

Перечисленные выше документы также могут рассматриваться на заседании комиссии и быть основанием для применения к несовершеннолетнему мер воздействия, согласно Положению о комиссиях по делам несовершеннолетних. Воздействие также может применяться и в отношении родителей, которые уклоняются от воспитания детей. С ними проводятся профилактические беседы, которые, к сожалению, не всегда дают положительного результата [5].

Также сложности возникают и при реализации административных наказаний за правонарушения, при исполнении решений по делам об административных правонарушениях, совершенными несовершеннолетними. КоАП не содержит ответа, какие комиссии должны рассматривать дела об административных правонарушениях несовершеннолетних. В следствие этого и возникает безнаказанность.

На основании анализа рассмотренных административно-правовых норм, представляется возможным предусмотреть в ст. 5.35 КоАП РФ административную ответственность родителей за совершение правонарушений (которые не затрагивают воспитание) несовершеннолетними до 16 лет [2].

Сложности касаются и возраста привлечения к административной ответственности. Административная ответственность наступает с 16 лет. В связи с ростом подростковой преступности, необходимо установление нового возраста наступления мер административной ответственности. Считаем, что за наиболее тяжкие правонарушения необходимо закрепить административную ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет.

При установлении ответственности с 14 лет за некоторые административные правонарушения, в КоАП РФ нужно установить меры административной ответственности. Некоторые из них указаны в нормах ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, где указано, что к несовершеннолетним не применяется арест. Так как с 14 до 16 лет дети не имеют своего дохода, необходимо изменить норму ст. 2.3 КоАП РФ, чтобы административное наказание в виде административного штрафа не было наложено, за исключением случаев наличия личного заработка [4].

При установлении административной ответственности с 14 лет может накладываться как штраф, так и арест. В закон необходимо внести следующую норму: «на несовершеннолетних с 14 до 16 лет может быть наложено наказание в виде предупреждения, независимо от того, предусмотрено ли оно для того или иного правонарушения». Проблемным является понижение возрастной ответственности за убийство до 12–13-летнего возраста. Норма ст. 2.3 КоАП Российской Федерации связана с нормами иных отраслей права. Уголовная ответственность, как и трудовая, наступает с 16-летнего возраста, так как с этого возраста лицо уже может осознавать свои действия. В настоящее время в 14 лет дети больше эмансипированы, чем несколько десятилетий назад [9].

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что проблема мер административной ответственности несовершеннолетних и их законных представителей должна осуществляться комплексно, с условием определения рамок ответственности каждого из указанных субъектов.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 256.
2. Ирлицин В. И. Проблемы применения мер административного принуждения к несовершеннолетним лицам и их законным представителям / В. И. Ирлицын, Г. Н. Сулова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 12 (декабрь). – С. 66–70.
3. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н. Г. Салищевой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 312 с.
4. Козлов Ю. М. Административное право: учебник / Ю. М. Козлов, Л. Л. Попов. – М.: Норма, 2018. – 414 с.
5. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник для вузов / В. Д. Перевалов. – М.: Норма, 2015. – 496 с.

6. Павлова А. В. Проблемы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности и пути их решения // Молодой ученый. – 2020. – № 5 (295). – С. 224-226.
7. Ракша Н. С. Административное принуждение в государственном аспекте / Н. С. Ракша, Л. А. Колосов, А. М. Шишков // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы. сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 210-214.
8. Российское административное право: учебник / под ред. В. М. Манохин, Ю. С. Адушкин, З. А. Багишаев. – М.: Юрист. – 2016. – 500 с.
9. Севрюгин В. Е. Проблемы административного права: учебное пособие / В. Е. Севрюгин. – Тюмень: ТВШ МВД РФ, ТГУ, 2018. – 611 с.

УДК 336.22

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Грабельников В. А., канд. юрид. наук, доц., ***Лесковец М. А.***

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

leskovets.maksim@mail.ru

Введение. Налогово-правовая политика активно влияет на экономические и социальные процессы, происходящие в масштабах государства. Налоги служат основным источником пополнения бюджета государства и механизмом перераспределения национального дохода страны, направляясь на развитие непроеизводственной сферы и социальной инфраструктуры страны. Таким образом, налогообложение выступает в качестве элемента организации и управления процессами общественного производства и играет важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности государства.

Донецкая Народная Республика, налоговая система которой начала формироваться с нуля в 2015 году, столкнулась с проблемой необходимости повышения эффективности управления финансово-налоговой сферой. Особое значение эффективное совершенствование финансово-правового механизма обеспечения развития налоговой системы приобретает в условиях глобальной и региональной финансовой нестабильности.

Целью исследования является определение способов обеспечения совершенствования нормативно-правового регулирования системы налогообложения Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

Основная часть. Понятие «налоговая система» относится к дискуссионным вопросам налогового права. С одной стороны, термин

«налоговая система» является широко распространенным и постоянно используется в нормативных актах, постановлениях судов, научных исследованиях, учебной литературе. С другой стороны, авторы редко объясняют, что они подразумевают под налоговой системой. Так, четкого понятия налоговой системы не содержится ни в Законе ДНР «О налоговой системе» [1], ни в Налоговом кодексе РФ [2], несмотря на наличие соответствующих разделов в указанных актах. Без выработки единой теоретической точки зрения на понятие «налоговая система» нет смысла легитимировать его с помощью закрепления в законодательном акте.

Налоговая система включает в себя три основных взаимосвязанных, взаимопроникающих и, в то же время, независимых подсистемы – экономическую, правовую и политическую.

Правовая подсистема налоговой системы включает:

1) порядок установления и введения в действие налогов, а также правового статуса. Задач и полномочий налогового органа;

2) юридическое построение налога, исчерпывающий перечень платежей, считающихся налогами, и порядок исполнения обязательств по уплате налогов (общих и специальных);

3) положения, отражающие и фиксирующие специфику правового регулирования в сфере налогов: нормативные принципы налогообложения (в размере, необходимом для разрешения конфликтов и заполнения пробелов с целью оценки фактических обстоятельств при разрешении конкретных споров), нормативно-правовая база (в том числе система источников налогового права, особые условия и т. д.), а также некоторые особенности налоговой системы (например, процедура налогового преследования, система организации налогового органа);

4) правовой статус физических и юридических лиц – налогоплательщиков;

5) формы и методы налогового контроля и порядок контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах (в том числе правового статуса налоговых администраторов), полномочия государственных правоохранительных органов в части налоговой безопасности;

6) штрафные санкции за нарушение законодательства о налогах и сборах.

Необходимыми правовыми условиями обеспечения развития налоговой системы выступает четкое определение пределов вмешательства органов налогового администрирования в экономическую деятельность субъектов налоговых отношений (предприятий, учреждений, организаций) посредством расширения властно-распорядительных полномочий Народного Совета ДНР, органов доходов и сборов ДНР. Предлагается принятие нового законодательного акта, касающегося расширения полномочий Народного Совета ДНР с учетом выдвинутого предложения по усовершенствованию налоговой системы, норм закона «О налоговой

системе» ДНР и положений п. 13 ст. 69 и ч. 3 ст. 72 Конституции ДНР [3]. В целях обеспечения развития налоговой системы представляется необходимым наделение Народного Совета ДНР правом издания нормативных правовых актов по тем вопросам налогового регулирования, которые прямо не урегулированы законодательством ДНР о налогах и сборах, но предусмотрены Конституцией, в частности, в отношении установления республиканских налогов Народным Советом ДНР [1, 3].

Также в целях обеспечения развития налоговой системы представляется целесообразным наделение фискальных органов ДНР правом издания нормативно-правовых актов о налоговом регулировании, конкретизирующих и детализирующих положения законодательства ДНР о налогах и сборах, но не дополняющих его.

Целесообразно рассмотреть предложение о наделении органов налогового администрирования правом давать общеобязательные указания и разъяснения по поводу применения норм законодательства ДНР о налогах и сборах.

Особое значение в современных условиях приобретает категория налоговой ответственности, которая представляет собой возникающее из факта нарушения нормы налогового законодательства особое правоотношение по поводу принудительного исполнения налогоплательщиком-правонарушителем своих обязанностей, предусмотренных налоговым законом. Особенности налоговой ответственности позволяют отнести ее к самостоятельному виду финансово-правовой ответственности. С другой стороны, в целях обеспечения совершенствования нормативно-правового регулирования системы налогообложения необходимо внести изменения в положения закона ДНР «О налоговой системе», дополнив ее специальным налоговым режимом, предусматривающим льготное налогообложение организаций, осуществляющих инновационную деятельность в сфере высоких технологий, в части освобождения от налогообложения той части прибыли организаций, которая направляется на развитие инновационной производственной деятельности.

Заключение. Совершенствование нормативно-правового регулирования системы налогообложения в ДНР целесообразно осуществлять по нескольким направлениям. Это выработка законодательного определения понятия налоговой системы, наделение фискальных органов ДНР правом разработки и принятия нормативно-правовых актов, конкретизирующих и развивающих положения действующего налогового законодательства, а также издания документов разъяснительного характера. Кроме того, необходимо провести согласование правотворческой деятельности Народного Совета ДНР и фискальных органов Республики. Кроме того, представляется важной

задачей разработка нормативно-правовых оснований для применения льготных режимов налогообложения, в частности, для инновационной деятельности промышленных предприятий.

Список литературы

1. О налоговой системе [Электронный ресурс] : Закон ДНР № 99-ИНС от 25 дек. 2015 г.: действующ. ред. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Электрон. дан. – Донецк, 2017. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskojnarodnoj-respubliki/>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 08.09.2020.
2. Российская Федерация. Налоговый кодекс РФ. Федеральный закон от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 1.
3. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> – Загл. с экрана.

УДК 347.73

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Емельянова И. Ф., канд. экон. наук, *Викулин Я. Ю.*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
irina.emelaynova1975@inbox.ru, werwox@gmail.com

Введение. В современных политических и социально-экономических условиях становления Донецкой Народной Республики одной из самых главных и актуальных проблем является проблема эффективности управления государственными финансами. Система управления государственными финансами путем их централизованной аккумуляции и перераспределения требуют наличия эффективной системы финансового контроля. Государственный финансовый контроль – обязательная составляющая процесса управления, так как выполнение решений государственного управления, так или иначе, обуславливает контроль над финансовыми потоками государства. В этой связи, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с теоретическим осмыслением понятия «финансовый контроль» и созданием эффективной системы его организации. Несмотря на значительные наработки ученых относительно сущности финансового контроля как экономической и правовой категории единой позиции среди ученых не существует. В условиях становления нормативно-правовой базы Донецкой Народной Республики, регулирующей отношения в сфере осуществления

государственного финансового контроля, этот вопрос требует дальнейших исследований.

Целью исследования является рассмотрение современных тенденций и подходов к понятию финансового контроля как финансово-правовой категории.

Основной материал. Категория «финансовый контроль» в любом государстве является стержневой системы правоотношений, составляющих предмет финансового права и финансово-правовой науки.

Следует отметить, что на первый взгляд, понятие «финансовый контроль» кажется достаточно понятным, однако анализ научных подходов к определению сущности данного термина, позволяет констатировать его сложность и многогранность. Понятие финансового контроля в науке финансового права не имеет устоявшегося смыслового и содержательного наполнения. Значительное количество отечественных и зарубежных исследователей трактуют данное понятие часто неоднозначно.

Результаты проведенного анализа существующих в экономико-правовой литературе теоретических взглядов на сущность дефиниции «финансовый контроль» позволяет систематизировать различные научных подходы авторов в отношении данной категорий (таблица 1).

Таблица 1

Определение сущности дефиниции «финансовый контроль»

Автор	Определение
Л. Л. Арзуманова О. В. Болтинова, О. Ю. Бубнова, Е. Ю. Грачева [1]	контроль за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства в целях эффективного социально-экономического развития страны
А. Ю. Ильин, М. А. Моисеенко [2]	особая форма деятельности специально уполномоченных государственных органов и хозяйствующих субъектов, основанную на властных предписаниях правовых норм, направленную на проверку своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования, установление оснований для применения мер ответственности за нарушение финансового законодательства
А. Г. Грязнова, Е. В. Маркина [3]	совокупность действий, осуществляемых специально уполномоченными органами, основной целью которых выступает контроль над соблюдением органами государственной власти и местного самоуправления норм права в процессе образования, распределения и использования финансовых ресурсов

И. М. Юркова [4]	предусмотренная на законодательном уровне деятельность государственных контрольных органов с целью обеспечения законности, целесообразности и эффективности формирования, распределения и использования государственных финансовых ресурсов
Г. В. Станкевич [5]	деятельность органов государственной власти и управления по выявлению, предупреждению и пресечению ошибок и злоупотреблений в управлении государственными денежными и материальными ресурсами, несоблюдения финансового законодательства; недостатков в организации систем управления финансово-хозяйственной деятельностью государственных организаций и их объединений, организаций с государственным участием или связанных с деятельностью государства

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что каждый автор в зависимости от целей и задач исследования дает свое определение данной категории. Вместе с тем, результаты проведенного анализа, несмотря на различия в подходах к определению сущности «финансового контроля» позволяют выделить ряд основополагающих аспектов, безусловно, важных для определения данного понятия.

Заключение. Учитывая вышеприведенные научные подходы к трактовке понятия «финансовый контроль» можно выделить основные смысловые характеристики данного понятия.

1. Финансовый контроль – это сложная экономико-правовая категория, характеризующая финансовые отношения, которые возникают при постепенном накоплении, распределении и использовании фондов денежных средств.

2. Является составной частью государственного контроля, основной целью которого выступает осуществление эффективной финансовой политики, а также контроль над соблюдением органами государственной власти и местного самоуправления норм права в процессе образования, распределения и использования финансовых ресурсов.

3. Это деятельность контрольных органов, которая осуществляется с помощью специальных методов и приемов с целью обеспечения законности и эффективности формирования, распределения и использования бюджетных средств, направленная на выявление и предупреждение нарушений, связанных с несоблюдением законодательства, ошибками, злоупотреблениями и недостатками в управлении государственными ресурсами, угроз финансовой безопасности государства.

Таким образом, финансовый контроль – это урегулированная нормами права деятельность государственных органов, целью которого выступает контроль над соблюдением финансовой дисциплины, выражающейся в проверке законности и рациональности денежных затрат. Значение финансового контроля заключается в том, что при его проведении проверяются соблюдение установленного правопорядка в процессе образования, распределения и использования финансовых ресурсов, а также экономическая эффективность осуществляемых действий, соответствие их задачам государства.

Список литературы

1. Правовое регулирование финансового контроля в российской федерации: проблемы и перспективы / Арзуманова Л. Л., Болтинова О. В., Бубнова О. Ю. и др.; Отв. ред.: Грачева Е. Ю.; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. – 2-е изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 383 с.
2. Ильин А. Ю. Правовая доктрина финансового контроля / А. Ю. Ильин, М. А. Моисеенко // Финансовое право. – 2014. – №4. – С. 14–23.
3. Грязнова А. Г. Финансы / А. Г. Грязнова, Е. В. Маркина ; под редакцией А. Г. Грязновой, Е. В. Маркиной. – Москва : Финансы и статистика, 2004. – 504 с
4. Юркова И. М. Сущность и значение государственного финансового контроля и аудита / И. М. Юркова // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2019. – №3(30). – С. 44-50.
5. Станкевич Г. В. Современные подходы к пониманию института финансового контроля / Г. В. Станкевич // Инновационная наука. – 2015. – № 8–2. – С. 123–126.

УДК 336:347.73

ФИНАНСОВАЯ ДИСЦИПЛИНА И ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Емельянова И. Ф., канд. экон. наук, доц., *Козлов Д. А.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
irina.emelaynova1975@inbox.ru, sonika.soni80@mail.ru

Введение. В современных политических и социально-экономических условиях становления Донецкой Народной Республики большой научный интерес представляет изучение теоретико-методологических основ финансовой дисциплины и комплекса мер по ее обеспечению. Преобразования, происходящие в нашей Республике, обусловили существенные изменения в механизме финансово-правового регулирования. Новые подходы к реформированию системы публичных финансов и формированию новой государственной финансовой политики требуют обоснованности, целесообразности, законности и эффективности

при формировании, распределении, перераспределении и использовании государственных и муниципальных денежных фондов. В связи с этим на современном этапе актуальным и перспективным направлением финансово-правовых исследований становится проблема сущности финансовой дисциплины и финансово-правовых меры ее обеспечения.

Целью исследования является рассмотрение понятия и сущности финансовой дисциплины и финансово-правовых мер ее обеспечения.

Основная часть. Понятие финансовой дисциплины является одной из важнейших и значимых категорий финансового права. Однако до настоящего времени в юридической и экономической науке единого подхода к пониманию сущности и правовой природе финансовой дисциплины не выработано.

Данной научной проблеме посвящены исследования ученых, чьи научные интересы лежат в сфере финансового права и экономики. Среди них О. Н. Горбунова, А. З. Дадашев, С. В. Запольский, М. М. Ивлиева, А. Ю. Линшин, Ю. Л. Смирникова, С. О. Шохин, А. М. Экмалян, Л. С. Явич, А. А. Ялбулганов, И. И. Янжул и некоторые другие. Анализ научной литературы по данной проблематике позволяет констатировать, что финансовая дисциплина является сложным и многоаспектным понятием, находящемся в тесной связи с законностью в области государственного управления, осуществлением деятельности государственной службы, правовым регулированием отношений в бюджетной, налоговой, кредитной сферах и области валютного обращения.

Правовой характер категории финансовой дисциплины находит проявление в том, что в ходе ее поддержания участники финансовых правоотношений наделяются рядом прав и, одновременно, на них возлагаются обязанности, зафиксированные в нормативно-правовых актах. В результате возникает одна их форм социальной связи между субъектами финансового права, которая затем реализуется в процессе публичной (связанной с функционированием государства) финансовой деятельности.

Юридический характер финансовой дисциплины находит проявление в конституционно-правовом закреплении прав высших органов государственной власти (главы государства, законодательного органа страны, правительства) в области составления проекта, принятия государственного бюджета и контроля за его исполнением. Государство, реализуя экономическую функцию, создает властные органы, осуществляющие распределение и перераспределение национального богатства, проводящие фискальную политику, контролирующую предоставление кредитных средств предпринимательскому сектору и физическим лицам. В силу этого, на основании конституции страны формируется система нормативно-правовых актов, регламентирующих общественные отношения в финансовой сфере.

Для поддержания стабильности экономического порядка, в государстве применяется комплекс финансово-правовых мер соблюдения финансовой дисциплины, необходимых для обеспечения правильного функционирования, передвижения и пополнения денежных средств [1, с. 101].

Существование разветвленного аппарата, реализующего управление в финансовой сфере, различная ведомственная подчиненность его звеньев, регулирование их деятельности разными нормативно-правовыми актами привела к появлению в финансово-правовой науке концепции создания единого органа, контролирующего соблюдение финансовой дисциплины [2; с. 188]. По мнению автора Булгакова Е. Г., в этом случае будет целесообразной кодификация массива нормативно-правового материала в финансовой сфере в единый акт.

Существование финансовой дисциплины предполагает наличие особой формы юридической ответственности, выражающейся, в том числе, в применении санкций.

Для поддержания и укрепления финансовой дисциплины, применения в необходимых случаях мер ответственности правового характера на практике осуществляют действия надзорного характера, получившие название финансового контроля. Финансовый контроль чаще всего определяется как надзорная деятельность, осуществляемая в целях исполнения предписаний бюджетного законодательства. На наш взгляд в такой формулировке проявляется не вполне обоснованное сведение финансового контроля лишь к сфере правового регулирования бюджетного права. Кроме того, зачастую происходит смысловое смешение понятий «финансовый контроль» и «аудит».

Экономическая составляющая рассматриваемой категории проявляется в том, что эффективность функционирования экономики государства находится в зависимости от уровня финансовой дисциплины, проявляемой хозяйствующими субъектами всех форм собственности. Следовательно, финансовая дисциплина предполагает законность в налоговой, банковской и бюджетной сферах, этим определяется её структура. Она включает три взаимосвязанных составляющих:

1) Налоговую дисциплину – полное, добросовестное и своевременное исполнение налогоплательщиками предписаний и норм действующего налогового законодательства [3, с. 89].

2) Банковскую дисциплину – соблюдение субъектами финансово-кредитных отношений юридических норм, регулирующих банковскую деятельность, включая регистрацию, лицензирование, осуществление банковских операций, исполнение обязательств перед вкладчиками и государством [4, с. 70].

3) Бюджетную дисциплину, представляющую неукоснительное соблюдение обязательного для всех субъектов хозяйственной деятельности

порядка перечисления установленных платежей в бюджет и расходования средств, выделенных из государственного или муниципальных и местных бюджетов [5, с. 1578].

Главным и наиболее традиционным правовым инструментом поддержания финансовой дисциплины в условиях рыночной экономики является государственный финансовый контроль. Его сутью можно считать проведение уполномоченными государством специализированными органами постоянного или периодического надзора за формированием, распределением и последующим целевым использованием финансовых ресурсов всех видов. Кроме того, к числу мероприятий по поддержанию финансовой дисциплины принадлежит аналитическая деятельность, направленная на повышение эффективности использования имеющихся финансовых средств. Немаловажным аспектом является также обеспечение своевременности, полноты и достоверности финансовой отчетности хозяйствующих субъектов [5, с. 14].

Заключение. Таким образом, категория финансовой дисциплины обладает дуалистичной, юридической и экономической природой, обусловленной спецификой финансов как главного объекта регулирования. Наличие норм финансовой дисциплины, а также их соблюдение предполагает проведение финансового контроля. Реализация данного вида контрольной деятельности положительно отражается на характере осуществления государственной политики в сфере финансов. В конечном итоге, укрепление финансовой дисциплины оказывает непосредственное влияние на сохранение стабильного характера макроэкономических показателей в стране.

Список литературы

1. Гольдфарб А. А. Финансовое право. Конспект лекций. – М.: Проспект, 2015. – 128 с.
2. Булгаков Е. Г. Макроэкономическая стабилизация и финансовая дисциплина как ее фактор. – Дис... канд. экон. наук: 08.00.05. – Новосибирск, 2006. – 217 с.
3. Иванов В. В. Методологические аспекты оценки налоговой дисциплины / В. В. Иванов // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – № 3. – С. 89-92.
4. Соловцова Е. А. Права и обязанности кредитных организаций в административно-правовой сфере / Е. А. Соловцова // Базис. – 2018. – № 2 (4). – С. 69-76.
5. Алехин Б. И. Бюджетная децентрализация и бюджетная дисциплина / Б. И. Алехин // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 8. – С. 1557-1576.
6. Качалин Д. С. Комплекс мер укрепления финансовой дисциплины и противодействия необоснованному дроблению предприятий с использованием специальных налоговых режимов / Д. С. Качалин // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – № 30. – С. 13-22.

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Забаренко Ю. А., канд. экон. наук

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР

ZabarenkoYunona@yandex.ru

Введение. В силу своего сущностного предназначения налоговое право является одной из наиболее приоритетных отраслей публичного права, поскольку регулирует общественные властно-правовые отношения по формированию материального финансового базиса существования государства – системы его доходов. Поэтому налоговое право как наиболее императивная отрасль публичного права наделено целым рядом норм и принципов, императивно закрепляющих господство государства в налоговой сфере, что выражается в существенном дисбалансе правового статуса государства и налогоплательщика, принципе приоритета интереса государственного над интересом частным.

Налоговые правоотношения, основанные на властном подчинении одной стороны другой, предполагают субординацию сторон, одной из которых – налоговому органу, действующему от имени государства, принадлежит властное полномочие, а другой – налогоплательщику – обязанность повиновения. В то же время источником образования финансовых ресурсов в государстве является его национальный доход как совокупность первичных доходов членов общества, перераспределяемых посредством налогов в государственные денежные фонды. Поэтому в правовом государстве необходимо существование действенного механизма защиты прав лиц, труд которых образует основную часть доходов любого государства, – налогоплательщиков.

Целью исследования является рассмотрение принципа презумпции невиновности, который является важнейшим обстоятельством, влияющим на порядок возложения налоговой ответственности. В условиях императивного примата властных государственных полномочий в налоговой сфере институт презумпции может стать для налогоплательщика правовой гарантией от его необоснованного привлечения к юридической ответственности.

Основная часть. Принципы налоговой ответственности как самостоятельного института налогового права закреплены положениями главы 26 Закона Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР) «О налоговой системе» и включают требование законности (ст. 205 п. 1), однократность (ст. 205 п. 2), презумпцию невиновности (ст. 205 п. 3), индивидуализацию наказания (ст. 205 п. 4) и другие.

Рассмотрим принцип презумпции невиновности, являющийся правовой гарантией налогоплательщиков в спорных взаимоотношениях с наделенными властными государственными полномочиями налоговыми органами.

Принцип презумпции невиновности последовательно отражен в важнейших международных актах в сфере прав человека и правосудия. Впервые презумпция невиновности была закреплена в 1789 г. во французской Декларации прав человека и гражданина. В дальнейшем этот принцип был провозглашен в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в ст. 14 Международного пакта ООН от 16 декабря 1966 г. о гражданских и политических правах, в ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в Американской (межамериканской) конвенции по правам человека 1969 г., в Африканской хартии прав человека и прав народов 1981 г., в Конвенции о правах ребенка 1989 г., в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г., а также в ст. 6 Конвенции СНГ от 26 мая 1995 г. «О правах и основных свободах человека». В указанных международно-правовых источниках данная презумпция определяется как принцип правосудия.

Презумпция невиновности является конституционно-правовым принципом универсального действия. Статья 42 Конституции ДНР устанавливает: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (п. 1); обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (п. 2); неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (п. 3)» [1]. В Конституции ДНР не указываются конкретные правоотношения, на которые распространяется этот принцип. Соответственно, можно полагать, презумпция невиновности является конституционно-правовым принципом общеправового действия.

Рецепция презумпции невиновности на налогово-правовые отношения в ДНР задекларирована в Законе ДНР «О налоговой системе». Так, п. 3 ст. 205 данного Закона гласит: «Основанием для привлечения к ответственности за нарушение настоящего Закона, других законов, постановлений Правительства, указов Главы Донецкой Народной Республики, контроль за исполнением которого возложен на органы доходов и сборов, является установление факта совершения данного нарушения и принятие по результатам установления такого факта соответствующего решения» [2].

Более того, в п. 6 ст. 3 Закона ДНР «О налоговой системе» специально предусмотрено правило, защищающее права и имущественные интересы налогоплательщиков от различных законодательных несовершенств: все неустранимые сомнения, противоречия и неясности

актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика, налогового агента». Соответственно, любая коллизия, неопределенность норм налогового законодательства должны разрешаться в интересах налогоплательщиков. Данный принцип определяется известным латинским выражением «in dubio contra fiscum» (любые сомнения следует толковать против интересов фиска, т.е. казны).

На наш взгляд, насущная необходимость в реализации принципа презумпции невиновности в налоговых правоотношениях определяется тем фактом, что с правовой точки зрения налогообложение является ограничением права собственности налогоплательщика в установленной законом мере. Поэтому справедливой полагаем компенсацию такого ограничения наличием в законодательстве дополнительных правовых норм, обеспечивающих защиту имущественных интересов налогоплательщика как более уязвимого участника налоговых отношений. В этом на первый взгляд незначительном вопросе лежит разрешение не только многих проблем предпринимателей Республики, но и создание благоприятного климата для иностранных инвестиций.

Заключение. Презумпция невиновности – конституционно-правовой принцип универсального действия и общеправового применения. В налоговом законодательстве ДНР его содержание видится раскрываемым следующим образом:

во-первых, каждый налогоплательщик должен считаться невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу решением суда;

во-вторых, обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности налогоплательщика, должно возлагаться на налоговые органы;

в-третьих, все неустранимые сомнения в виновности налогоплательщика должны толковаться в его пользу.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики. С изменениями и дополнениями, внесенными Законами от 27.02.2015 г. № 17-ІНС, от 29.06.2015 г. № 63-ІНС, от 11.09.2015 г. № 92-ІНС, от 29.12.2017 г. № 2015-ІНС, от 30.11.2018 г. № 01-ІНС, от 06.03.2020 года № 106-ІНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/download/konstitutsiya-donetskoj-narodnoj-respubliki-dejstvuyushhaya-redaktsiya-po-sostoyaniyu-na-30-11-2018g/>
2. Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» № 99-ІНС от 25.12.2015 г. (в действующей редакции по состоянию на 07.09.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, *Ермоленко В. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

d.kablov@donnu.ru, viktoriyaermolenko13@yandex.ua

Введение. На современном этапе развития общества возникла необходимость пересмотра значительного количества существующих до последнего времени представлений о правовых и научных категориях.

Актуальность заключается в том, что курс на построение демократического, социального и правового государства требует критического конструктивного анализа достижений и просчетов общетеоретической юридической науки в прошлом и ее формирование на совершенно иной, более совершенной, методологической основе.

Основная часть. Необходимость усовершенствования системы принципов производства по делам об административных правонарушениях объясняется тем, что развитие гражданского общества требует создания правового государства. Это возможно только при условии комплексного, системного реформирования всех сфер общественной жизни. Составной частью такого реформирования является правовая реформа, которая должна охватить большинство правовых отношений. Так, в частности для эффективного правового сопровождения административной реформы в дальнейшем необходимо систематизировать административные нормы, используя новое видение и подходы, прежде всего, их систематизации путем кодификации. Поскольку осуществить кодификацию норм административного законодательства одновременно и в одном акте объективно невозможно, целесообразно осуществить поэтапную кодификацию по отдельным сферам и институтами административно-правового регулирования [1].

Каждый этап этого процесса должен завершаться подготовкой отдельных частей будущего обобщающего кодекса, который должен иметь кодифицированный характер.

Реализуя основные направления административного законодательства ДНР, необходимо выяснить пути совершенствования системы принципов производства по делам об административных правонарушениях.

Оптимизированная система принципов производства по делам об административных правонарушениях должна найти особое место в Кодексе об административных правонарушениях ДНР. Работа над Кодексом ДНР позволит решить ряд проблемных вопросов производства по делам об административных правонарушениях.

Сейчас нужны методы оптимизации системы принципов производства по делам об административных правонарушениях, прежде всего тех, которые обеспечивают защиту прав граждан и других субъектов при привлечении их к административной ответственности. В связи с этим, принятию Кодекса об административных правонарушениях ДНР должна предшествовать разработка научно обоснованных и четко сформулированных положений, направленных на защиту граждан и юридических лиц от необоснованного привлечения к административной ответственности.

Отдельного совершенствования требует принцип публичности. Его роль заключается не только в том, что государство самостоятельно, за свой счет принимает все необходимые меры для пресечения административных правонарушений, рассмотрения дела, привлечения виновных к ответственности и исполнения постановлений по делу, но и в том, что он закрепляет обязанность представителя государства возбуждать дела об административных правонарушениях во всех случаях их совершения.

Согласно действующему КУоАП, в случае получения сведений о совершенном правонарушении, органы исполнительной власти имеют право самостоятельно решать – возбуждать административное производство или нет. Принятие и проверка сообщения об административном правонарушении, возбуждение и рассмотрение дела, вынесение постановления должно стать обязанностью органов государства, что будет выступать гарантией рассмотрения дел, исключит произвол со стороны чиновников, позволит предотвратить игнорирование административных правонарушений.

Закрепление в КоАП принципа публичности производства по делам об административных правонарушениях обеспечит неотвратимость административной ответственности, позволит усилить охрану прав и свобод граждан и других субъектов права.

В свою очередь, не в полном объеме в КоАП представлен и принцип гласности производства по делам об административных правонарушениях. В ст. 249 КУоАП указано только на открытость рассмотрения дела об административном правонарушении. То же самое касается и принципа презумпции невиновности, который является одним из важнейших самостоятельных принципов производства, что имеет существенное значение для обеспечения прав и свобод граждан, привлекаемых к административной ответственности [2].

Заключение. Исходя из вышесказанного констатируется, что в действующем КоАП принципы четко не определены. Практика судов свидетельствует, что суд обращается к принципам процессуальных отраслей права, к конституционным и общеправовым принципам в целях устранения правовых пробелов в законодательстве об административных правонарушениях. Закрепление в КоАП этих принципов позволит защитить граждан от необоснованных вмешательств в их личную жизнь.

Список литературы

1. Доброхотов М. Ю., Дерюга А. Н. Кодификация административного законодательства: проблемы и перспективы // Legal Concept. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodifikatsiya-administrativnogo-zakonodatelstva-problemy-i-perspektivy> – Дата обращения: 03.10.2020
2. Кодекс України про адміністративні правопорушення // Відомості Верховної Ради УРСР від 18.12.1984/1984 р., № 51, стаття 1122

УДК 351

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В АСПЕКТЕ ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, *Федосеева Я. О.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

d.kablov@donnu.ru, fedoseeva2408@mail.ru

Введение. Как Основной закон государства, Конституция регламентирует в качестве основных положений обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина. В то же время, главным для человека является обеспечение состояния защищенности, как от внешних, так и от внутренних угроз.

Организованный механизм обеспечения национальной безопасности позволяет в полной мере реализовывать права и свободы человека в правовом государстве. При современном развитии и становлении государства достижение именно этой задачи становится наиболее сложной. Данное положение связано с различными факторами, в том числе и правовыми.

Основная часть. Государственная служба считается одним из основных механизмом государственного управления [1, с. 101]. Исходя из этого, целесообразно отметить, что государственная служба в лице служащих непосредственно выступает в виде инструмента обеспечения национальной безопасности.

По мнению М. Г. Алибекова под национальной безопасностью следует понимать систему взглядов на обеспечение в каждом государстве безопасности личности, общества и самого государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В такой системе сформулированы важнейшие направления государственной политики, а также меры по поводу динамичного развития государства [2, с. 111].

В то же время А. А. Стремоухов и А. С. Лунгу отмечают, что национальная безопасность – это состояние общества (государства), при котором оно, являясь сложной социальной системой, сохраняет свою

целостность, устойчивость и способность к эффективному функционированию и развитию, а также возможность надежной защиты своих интересов от любых внутренних и внешних воздействий, как антропогенного, так и техногенного характера [3, с.81].

Вместе с тем, легально закрепленное понятие национальной безопасности в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) отсутствует. Закон ДНР «О безопасности» от 12.12.2014 года закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяет систему безопасности и ее функции, устанавливает порядок организации и финансирования органов обеспечения безопасности, а также контроля и надзора за законностью их деятельности [4]. В рамках построения правового государства, на территории ДНР Закон ДНР «О безопасности» от 12.12.2014 года был принят четвертым по счету, что определяет его значимость в современных условиях.

Эффективность системы обеспечения безопасности определяется показателями того, насколько она способна содействовать эволюционному развитию государства, преодолевать политические, военные, экономические кризисы, а также насколько реальные условия соответствуют для полноценной жизни граждан. Указанные положения необходимо считать, как основополагающую цель и обязательное требование реализации положений национальной безопасности [5, с.83].

В то же время, под механизмом обеспечения национальной безопасности следует понимать особую систему, в состав которой входят такие виды безопасности как внутренняя, внешняя, политическая, экономическая, социальная и так далее. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что национальная безопасность имеет комплексный и многогранный характер [6, с.65].

Приведение в действие и постоянное развитие системы национальной безопасности напрямую зависит от государственной службы. Для повышения эффективности работы необходимо, чтобы эффективно действовал каждый конкретный служащий.

Государственная служба является важнейшим механизмом государственного управления, а занятые в ней работники обеспечивают выполнение задач и функций органов государственной власти [1, с.100-101]. В свою очередь, каждый вид такой службы обеспечивает правопорядок в той или иной сфере правового государства и гражданского общества.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона ДНР «О системе государственной службы ДНР» от 03.04.2015 года система государственной службы включает в себя такие виды, как государственная гражданская, военная, правоохранительная, а также государственная оперативно-спасательная служба [7].

Обозначенные в законодательстве виды дают основания полагать, что главной обязанностью государственного служащего в профессиональной служебной деятельности принято считать соблюдение Конституции ДНР и Законов ДНР, поддержание конституционного строя, что обусловлено непосредственной связью с государством и национальной безопасностью [8, с. 29].

Важно отметить, что в большей степени национальную безопасность обеспечивает военная и правоохранительная государственная служба. В связи с отсутствием правовой регламентации понятия национальной безопасности – усложняется профессиональная деятельность государственных служащих. Как результат, это приводит к многочисленному и субъективному толкованию данного понятия в практической деятельности

Заключение. Таким образом, можно сказать, что система государственной службы в полной мере является инструментом, который обеспечивает национальную безопасность. Вместе с тем, целесообразно Закон ДНР «О безопасности» от 12.12.2014 года дополнить статьей 1¹, которая бы закрепляла понятие национальной безопасности. Указанную статью необходимо изложить в следящей редакции: «Национальная безопасность – совокупность мер, направленных на обеспечение защищенности человека, общества и государства, от внутренних и внешних угроз с тем, чтобы создать благоприятные условия для устойчивого развития правового демократического государства».

Как результат, подобного рода решение исследуемой проблемы будет способствовать дальнейшему совершенствованию государственной службы, что является важным элементом функционирования правового государства.

Список литературы

1. Смоленцева Э. Н. Особенности труда государственных служащих / Э. Н. Смоленцева // Особенности труда государственных служащих. Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 2. – С.100-102.
2. Алибеков М. Г. Понятие национальной безопасности / М. Г. Алибеков // Социология власти. – 2009. – №8. – С. 110-114.
3. Стремоухов А. А. «Национальная безопасность»: содержание понятия / А. А. Стремоухов, А. С. Лунгу // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – №2. – С. 78-84.
4. О безопасности: Закон ДНР принят Постановлением Народного Совета ДНР от 12.12.2014 г. № 04-ІНС [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-bezopasnoste/>. – Дата обращения: 04.12.2019 г. – Загл. с экрана.
5. Кузнецова Е. И. Формирование системы институтов обеспечения национальной безопасности государства / Е. И. Кузнецова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – №2. – С. 79-83.

6. Аветисян А. А. Гражданская оборона как институт обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / А. А. Аветисян // Государственная служба и кадры. – 2019. – №3. – С. 64-66.
7. О системе государственной службы ДНР: Закон ДНР принят Постановлением Народного Совета ДНР от 03.04.2015 г. № 32-ІНС [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-sluzhbe/>. – Дата обращения: 04.12.2019 г. – Загл. с экрана.
8. Трифонов В. А. Конституционно-правовые основы приема граждан на государственную службу в Российской Федерации / В. А. Трифонов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 28-30.

УДК 342.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Косач Н. Е., канд. юрид. наук, доц., ***Протасова В. А.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kosach@donnu.ru, protasova_1997@mail.ua

Введение. В современных условиях институт делегирования полномочий является одним из наиболее перспективных направлений повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти. Данный институт способствует децентрализации управления, обеспечивает передачу полномочий на уровень, на котором возможна их полная реализация.

Делегирование в исполнительной власти – это инструмент, который выполняет двойную роль. С одной стороны, это способствует децентрализации управления за счет передачи компетенций и способности грамотно решать проблемы или задачи на местном уровне. С другой стороны, в случае передачи полномочий от исполнительных органов на местах к республиканским органам исполнительной власти центр принятия решений по определенным вопросам перемещается вверх и создает необходимую централизацию и предоставление ресурсов.

Использование делегирования приводит к формулированию новых задач, среди которых особенно важной становится роль координации деятельности различных частей исполнительной системы.

Целью данной работы является сформулировать понятие «делегирование полномочий в органах исполнительной власти».

Основная часть. Термин «делегация» – это акт делегирования полномочий от одного органа власти к другому. «Делегирование полномочий» – это общий термин, который отражает способность и

возможность субъекта, которому оно делегировано, осуществлять полномочия в определенной области (например, делегирование законодательной власти). Что касается делегирования власти, то «делеги́рование полномочий» носит «частный» характер. Не все, а только отдельные полномочия могут быть переданы в рамках одного государственного компонента (законодательного или исполнительного) [3, с. 20].

«Делегированное законодательство» можно рассматривать как результат деятельности органов, которым были делегированы законодательные полномочия. Делегированный акт является вторичным источником права, и акты исполнительных органов (министерств, ведомств) также могут иметь делегированный характер.

Мы выступаем за необходимость использования категории «делеги́рование полномочий» как обобщенного понятия, охватывающего все виды делегирования полномочий – законодательной, исполнительной и должностной, но также допускаем разработку отдельной нормы, которая бы точно охарактеризовала понятие «делеги́рование полномочий в органах исполнительной власти».

Содержание законодательства о делегировании полномочий в исполнительной системе включает правовую базу, принципы делегирования, процедуру делегирования, пределы делегирования.

Правовые основы делегирования в системе исполнительной власти образуют положения Конституции Донецкой Народной Республики, республиканского законодательства и некоторые подзаконные акты.

В Донецкой Народной Республике установлены конституционные механизмы делегирования полномочий в системе исполнительной власти – ст. 6, 57, 60, 77, 78 Конституции ДНР [2].

Делегирование «по вертикали» распространяется на все республиканские органы исполнительной власти. И Правительство ДНР здесь не исключение. Согласно ст. 12 Закона Донецкой Народной Республики «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Правительство ДНР по соглашению с иными органами исполнительной власти может передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции ДНР, настоящему закону и республиканским законам. И наоборот, высший орган исполнительной власти ДНР осуществляет полномочия, переданные ему иными органами исполнительной власти на основании соответствующих соглашений, приказов, постановлений [1].

Делегирование в исполнительной власти также имеет определенные ограничения. Целью этих ограничений является поддержание баланса во взаимоотношениях между законодательными и исполнительными органами и сохранение основ конституционной системы страны.

Согласно действующему законодательству нами также установлены «общие» и «специальные» лимиты делегирования:

1) «общие» ограничения делегирования – это соблюдение Конституции и законодательства ДНР. Это означает, что нарушения конституционных прав и свобод граждан, основ конституционного строя страны, конституционной системы власти, территориальной целостности и других принципов конституционного строя недопустимы в процессе делегирования полномочий.

2) «особые» лимиты делегирования определяются уровнем делегирования. Например, если мы говорим о передаче определенных полномочий от Правительства ДНР к другим органам исполнительной власти, то такое делегирование не должно противоречить Конституции ДНР, Закону «О Правительстве Донецкой Народной Республики», Закону «О системе органов исполнительной власти в Донецкой Народной Республике» и другим законам. Эти законы определяют принципы делегирования полномочий и порядок заключения соответствующих соглашений в системе исполнительных органов.

Заключение. Делегирование в системе исполнительной власти – это специализированная государственная деятельность, основанная на правовых принципах, ограниченная определенными ограничениями, осуществляемая с целью передачи полномочий на тот уровень власти, на котором они в настоящее время могут осуществляться наиболее эффективно.

Эффективное делегирование полномочий как организационная часть механизма управления не должно нарушать баланс властей и иметь неблагоприятные социально-экономические последствия для населения. Конституция и законодательство устанавливают «общие» и «специальные» ограничения на делегирование полномочий.

На сегодняшний день делегирование в системе исполнительной власти ДНР включает в себя, в первую очередь, «вертикальный уровень» – делегирование полномочий от высшего органа исполнительной власти к низшему органу исполнительной власти.

Согласно вышесказанному, для дальнейшего успешного осуществления делегирования полномочий в органах исполнительной власти ДНР предлагается установить чёткое содержание такого понятия как «делегирование полномочий в органах исполнительной власти» на законодательном уровне: «Делегирование полномочий в органах исполнительной власти – это процесс передачи части функций высшего органа исполнительной власти к низшему, для достижения конкретных целей и решения задач».

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О Правительстве Донецкой Народной Республики» от 31.11.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitelstve-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Загл. с экрана.

2. Зыков Р.О. Система исполнительной власти в современном государстве: конституционно-правовой и функциональный аспекты: автореф. дис ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002. – 26 с.
3. Конституция ДНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnronline.ru/konstituciya-dnr/> – Загл. с экрана.

УДК 340

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАНИНА РФ

Крутова А. В., Смелов И. В.

НАНЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий»,
г. Краснодар, РФ

Alexandra.gr@yandex.ru, ilya.smelov21@gmail.com

Введение. В современном мире, значение представительства имеет высокую роль в плане гарантии защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Главным источником защиты прав и свобод каждого гражданина РФ является Конституция РФ, которая предусматривает положения, исходя из которых можно понять, что права и свобода человека являются высшей ценностью, а их защитой является обязанностью государства.

Основная часть. Определение представительства неоднозначно, многие правоведы выдвигают свои версии этого слова, но в конце концов всё ведёт к тому, что большинство рассматривало представительство, как институт гражданского права и чаще всего используется такое толкование, представительство – это юридическая сделка, которая даёт право производить юридические действия от имени другого лица. Представительство проявляется в юридической деятельности, которая осуществляется в рамках гражданского судопроизводства и по предусмотренной законом процедуре.

В системе сделок, представительство является не только гарантом материальных прав, но и процессуальных. Исходя из этих двух взаимосвязанных отраслей законодательства и права, институт представительства можно смело назвать межотраслевой деятельностью. Как упоминалось ранее, представительство имеет множество определений, но все они имеют единство в некоторых аспектах. Так, например, правоведы отмечают, что вся деятельность представителя должна производиться только в пределах договора. А также, представитель, выполняя свою работу, вступает в процессуальные правоотношения, как с доверителем, так и с самим судом. И так далее.

Представительство могут осуществлять должностные лица, штатные юристы, либо адвокаты. Среди всех перечисленных, адвокаты имеют целый ряд особенностей, которые выделяют их при осуществлении представительства.

В Российской Федерации отраслевой гражданско-процессуальный статус сторон един во всех аспектах. То есть, каждый имеет право на защиту своих прав, интересов и так далее. Также, отраслевой гражданско-процессуальный статус стороны имеет право на выбор осуществления процесса, либо лично, либо с помощью представителей. Всё это и многое другое предусмотрено ГПК РФ.

В Российской Федерации Конституцией установлены все права и свободы человека, которые являются высшей ценностью и независимо от расовой, языковой, религиозной и других принадлежностей, государство обязано защищать права и свободы людей. Именно государство выступило в роли главного защитника всех прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ. Человек имеет права и несёт обязанности, начиная с момента рождения и заканчивая смертью. Правоспособность хоть и возникает у всех с самого рождения, но полная дееспособность – способность осуществлять гражданские права, возникает лишь с наступлением 18 лет. При полной дееспособности начинает действовать механизм судебной защиты гражданских прав, свобод и интересов. Дееспособность человека может быть ограничена, но в редких случаях по решению суда.

Конституция также гласит, что запрещены ограничения прав граждан независимо от признаков принадлежности, в том числе и ограничивающие законы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми законными способами, но не ограничивая права и свободы других людей. Некоторые права могут быть ограничены лишь в случае отсутствия гражданства, например, избирательное право.

Субъективное гражданское процессуальное право – это нормы, позволяющие участнику процесса совершать определённые действия по отношению к суду, либо через суд от других участников процесса.

Также, российские учёные – юристы сошлись на мнении, что субъективным процессуальным правом стороны можно считать возможность требовать определённых действий от суда, а также установили меры возможного поведения стороны в гражданском процессе.

Диспозитивность гражданского процесса подразумевает под собой возможность лица распоряжаться своими правами по собственному желанию, лицо может отказаться от реализации субъективного процессуального права. Но даже несмотря на это, процессуальная обязанность в любом случае должна быть выполнена стороной в установленные законом сроки.

Процессуальные интересы является одной из разновидностей правовых интересов и делятся они на законные и незаконные. К законным относятся интересы сторон, не нарушающие права других лиц при защите своих. Данные интересы принято называть правовыми, именно они являются объектом защиты суда и законов.

Юридическая ответственность является неотъемлемой частью гражданского судопроизводства. Стороны и их представители несут разную ответственность, в зависимости от совершаемых ими действий. Стороны и третьи лица несут гражданскую ответственность, а их представитель имеет ещё и профессиональную ответственность.

Адвокат-представитель является законным представителем стороны, основываясь на таких документах, как:

- соглашение доверителя с конкретной юридической консультацией об оказании юридической помощи;
- ордер, выданный и удостоверенный юридической консультацией;
- доверенность, выдаваемая адвокату представителем по причине невозможности клиента лично участвовать.

Заключение. Исходя из выше написанного, можно сделать вывод, что изначальным гарантом и основоположником защиты прав и свобод гражданина является Конституция РФ, исходя из которой Государство РФ является защитником и обязано выполнять установленные Конституцией гарантии.

Представителем государства являются адвокаты, служебные лица и другие лица, оказывающие юридическую помощь по гражданским делам.

Далее было установлено, что адвокат-представитель признается законным представителем исходя из перечня документов, необходимых для передачи доверенности клиента адвокату-представителю.

В наше время имеется система правоотношений на уровне, где сначала идёт государство, потом гражданин и в конце человек.

Юридическая помощь, оказываемая адвокатом-представителем, основывается на установленных законом процедурами.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.).
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002г. №63-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Николаев А. А., канд. юрид. наук, доц., *Самбулова Е. Л.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
nikolaev_alex02@mail.ru, sonika.soni80@mail.ru

Введение. Осуществление управленческой деятельности, регулируемой нормами административного права, не исключает возникновения между органами государственной власти с одной стороны и гражданами, организациями – с другой споров, имеющих юридический характер. Это привело к формированию особого вида правосудия, производящегося в специфическом, только ему присущем процессуальном порядке – административного правосудия. Вместе с тем, совершение административного правонарушения влечёт разбирательство, включающее рассмотрение сути дела судьёй, органами власти или их подразделениями (например, комиссиями по делам несовершеннолетних) или должностными лицами. Такая ситуация породила понятийно-смысловую двойственность, ставшую научной и практической проблемой современной правовой науки.

Актуальность темы. Административно-правовые нормы и практическое применение административного законодательства отличаются динамичным характером. Считается, что ещё в середине минувшего столетия, в советских условиях развития государства и права началась административная реформа. Её проведение было значительно ускорено рыночными преобразованиями в условиях постсоветской действительности. Однако одновременно в области административного права и административного судопроизводства появились и стали накапливаться явления смысловой и терминологической неопределённости. Одним из источников такого развития событий в сфере административно-правовой реальности стала необходимость точного соотношения понятий «административное судопроизводство» и «производство по делам об административных правонарушениях». Данным обстоятельством определяется актуальность избранной темы исследования.

Целью исследования является попытка установить соотношение юридических понятий «административное судопроизводство» и «производство по делам об административных правонарушениях»

Основная часть. Осуществление производства по делам об административных правонарушениях входит в компетенцию большого числа органов и должностных лиц, являющихся субъектами

административной юрисдикции. В силу этого, важным отличием данного вида юрисдикционной деятельности от административного судопроизводства является его практическая реализация в большинстве случаев внесудебными государственными органами, в то время, как судопроизводство, в соответствии с Конституцией ДНР, осуществляется только судами [1]. Вместе с тем, оба вида производства должны в обязательном порядке осуществляться в строгом соответствии с установленным процессуальным порядком. Это требует тщательной регламентации права должностных лиц органов внутренних дел составлять админпротоколы по различным категориям административных правонарушений.

Так, например, в соответствии с Законом ДНР «Об административной ответственности за нарушение требований, направленных на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции» [2] право рассмотрения административных дел возложено на руководящий состав органов внутренних дел – начальников полиции общественной безопасности и их заместителей, а также органов государственной безопасности. Протоколы составляются не только органами госбезопасности и полиции, но и службой санэпиднадзора Республики.

Автор исследования полагает, что наделение таким правом должно быть изъято из сферы ведомственного нормотворчества и регулироваться исключительно на уровне закона. Это предоставит возможность упростить восстановление нарушенных прав граждан, реализуемое в порядке самозащиты, когда гражданин лично обжалует неправомерные действия либо в вышестоящие инстанции органов внутренних дел, либо в прокуратуру, либо путём обращения в суд.

Следует отметить, что возбуждение административных дел в случае совершения правонарушения, подпадающего в сферу регулирования административного права, совершается органами внутренних дел, ими же осуществляется рассмотрение данной категории дел. Различие проявляется в персональном, а не в ведомственном подходе к вопросу. В случае же административного судопроизводства рассмотрение ведётся судом [3, с. 25].

Административное судопроизводство в соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона ДНР «О судебной системе Донецкой Народной Республики» [4] является неотъемлемой частью системы отправления правосудия в нашем государстве

Представляется целесообразным определить административное судопроизводство как рассмотрение в судебном порядке любых споров, вытекающих из правоотношений публичного характера между гражданами, организациями и официальными властными органами. Отменим, что в специальной литературе именно публичный характер

соответствующих общественных отношений чаще всего рассматривается в качестве одного их важнейших признаков административного судопроизводства как способа разрешения противоречий, связанных с правом. При этом применимым в данном случае должно быть именно административное право [5, с. 61].

Заключение. Развитие механизма реализации государственной управленческой деятельности в ДНР предполагает правовую регламентацию способов разрешения споров и противоречий, возникающих в данной сфере. Административное судопроизводство по своей юридической природе является одним из видов деятельности органов, принадлежащих к судебной ветви государственной власти. Вместе с тем административные правонарушения, совершённые гражданами, могут быть рассмотрены органами власти в порядке осуществления ими административной деятельности. В этом случае также предусмотрено соблюдение определённого процессуального порядка и протокольного оформления. Это не исключает возможности контроля за таким рассмотрением со стороны надзорных органов и обжалования решений в судебном порядке. В то же время регулирование составления административных протоколов целесообразно из сферы ведомственного нормотворчества передать в область действия специального профильного закона.

Список литературы

1. Конституция ДНР
2. Закон Донецкой Народной Республики № 112-ПНС от 28.03.2020 г., «Об административной ответственности за нарушение требований, направленных на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции». Принят Постановлением Народного Совета 28 марта 2020 г. // Главбух ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/8382/128953/> Дата обращения: 25.10.2020.
3. Изюмова Е. С. Производство по делам об административных правонарушениях в системе административного права // Административное право и практика администрирования. – 2019. – № 6. – С. 22-29.
4. Закон ДНР «О судебной системе Донецкой Народной Республики» № 241-ПНС от 31.08.2018, действующая редакция по состоянию на 16.03.2020 г. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-sudebnoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> Дата обращения: 25.10.2020.
5. Немцева В. Б. Административное судопроизводство: Terra incognita // Вестник ОмГУ. Серия: «Право». – 2016. – № 2 (47). – С. 59-62.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КАЧЕСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., *Конопелько Т. С.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pashkovv@yandex.ru, tanukha.konopelko@gmail.com

Введение. Закон ДНР «О безопасности и качестве пищевых продуктов» [1] разъясняет понятие «качество пищевых продуктов» (ст. 1): качество пищевых продуктов – совокупность характеристик пищевой ценности продуктов (энергетическая и биологическая ценность, перевариваемость, усваиваемость, приедаемость), способных удовлетворять физиологические потребности человека в пищевых веществах и энергии в течение установленного срока годности и отвечающих требованиям, установленным для этой категории продуктов в нормативных правовых актах ДНР. Однако зарубежный опыт свидетельствует о том, что данная категория может быть значительно шире, что обеспечивает более высокий уровень качества пищевых продуктов, которые доходят до потребителя.

Цель публикации – проанализировать зарубежный опыт административно-правового обеспечения государственного управления в сфере качества пищевых продуктов, разработать предложения о совершенствовании административно-правового обеспечения государственного управления в сфере качества пищевых продуктов в ДНР.

Основная часть. Прежде всего, рассмотрим опыт Европейского Союза (далее – ЕС) в сфере административно-правового обеспечения управления качеством пищевых продуктов. В частности, качество европейских сельскохозяйственных продуктов часто зависит от их географического происхождения, традиционных рецептов, используемых для их производства, а также методов, используемых в производстве и переработке. Эти человеческие и географические факторы являются неотъемлемыми для того, чтобы сделать продукт уникальным. В 1992 году ЕС разработал схему обеспечения качества пищевых продуктов, включая указание их происхождения. Цели схемы качества ЕС состоят в том, чтобы предоставить потребителям четкую информацию, позволяющую им сделать более осознанный выбор, и указать добавленную стоимость данного продукта. Защита европейских местных и гастрономических традиций, особенно от подражания в третьих странах, является еще одной важной целью регламента.

Тремя основными знаками качества ЕС являются: защищенное обозначение происхождения (PDO), защищенное географическое указание (PGI) и гарантированная традиционная специальность (TSG). PDO и PGI – это географические указания, фокусирующиеся на связи между продуктом и географическим районом.

Правила регистрации и охраны изложены в Регламенте (ЕС) № 1151/2012 Европейского парламента и Совета от 21 ноября 2012 года о схемах обеспечения качества сельскохозяйственной продукции и продовольствия [2].

Этикетка PDO гарантирует, что продукт (или ингредиенты, используемые для его изготовления) происходит из определенного региона и что связь между продуктом и регионом уникальна и очень сильна. Чтобы быть зарегистрированным в качестве PDO, продукт должен, во-первых, происходить из определенного места или региона; во-вторых, обладать качествами, существенно или исключительно обусловленными конкретной средой места происхождения; и, наконец, все стадии производства должны происходить в этом районе. Например, прошуттоди Парма – всемирно известная ветчина, произведенная только в итальянском регионе Парма.

Правила предоставления ярлыка PGI менее строгие. Здесь связь с регионом происхождения не столь сильна: характеристика или качество продукта должны быть «в основном приписаны» географическому происхождению, и по крайней мере одна, а не все стадии производства должны иметь место в конкретном регионе.

В отличие от приведенных выше обозначений, TSG не является меткой происхождения. Здесь основное внимание уделяется традиции: определению продукта, который имеет специфический характер благодаря традиционному способу производства. В этом случае ссылка на регион происхождения не требуется. Чтобы быть зарегистрированным как TSG, продукт должен быть изготовлен из традиционных ингредиентов или с использованием традиционного метода производства [3].

Также интересен опыт Китая в административно-правовом обеспечении государственного управления в сфере качества пищевых продуктов. При производстве пищевых продуктов часто используются пищевые добавки, вводимые в пищевые продукты в процессе их изготовления в целях придания продуктам определенных свойств и (или) сохранения качества пищевых продуктов и которые в результате становятся неотъемлемой частью продукта. Китайские стандарты спецификации качества пищевых добавок представляют собой требования к качеству, которым должны соответствовать пищевые добавки, разрешенные к использованию в Китае. До принятия китайского закона «О безопасности пищевых продуктов» стандарты спецификации качества пищевых добавок в основном регулировались национальными стандартами, отраслевыми стандартами и стандартами предприятий. После

вступления в силу указанного закона стандарты качества пищевых добавок были включены в сферу действия национальных стандартов безопасности пищевых продуктов. Такие стандарты спецификации качества предусматривают технические требования, которым должны соответствовать те пищевые добавки, которые разрешены к использованию в Китае, включая описание производственного процесса; основную информацию о пищевой добавке, такую как молекулярная структура, молекулярная формула и молекулярная масса; сенсорные, физико-химические и микробиологические показатели, которым должны соответствовать пищевые добавки; а также методы контроля и тестирования и методы идентификации пищевых добавок [4].

Стоит отметить, что пищевые добавки в Донецкой Народной Республике согласно ч. 4 ст. 22 Закона ДНР «О безопасности и качестве пищевых продуктов» не должны причинять вред жизни и здоровью человека, а также пройти государственную регистрацию, в ходе которой проводится экспертиза документов на соответствие нормативным требованиям. ГОСТ Р 51074-2003 [5] не содержит такой подробной информации о пищевых добавках как китайский стандарт.

Заключение. Таким образом, географическое происхождение и традиционность производства как составляющие качества продуктов и соответствующие знаки качества позволяют потребителю определять истинное происхождение продукта и обеспечивать производителям охрану коммерческого использования товара. Требуют более подробной регламентации ГОСТы, которые будут содержать технические требования к пищевым добавкам, по примеру Китая, для обеспечения качества пищевых добавок и изготовленных с их использованием продуктов.

Список литературы

1. О безопасности и качестве пищевых продуктов: Закон Донецкой Народной Республики от 08 апреля 2016 года. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-bezopasnosti-i-kachestve-pishhevyh-produktov/>).
2. Схема качества пищевых продуктов ЕС / Аналитический центр Европейского парламента. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA\(2019\)637977](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA(2019)637977)).
3. Регламент (ЕС) № 1151/2012 Европейского парламента и Совета от 21 ноября 2012 года о схемах обеспечения качества сельскохозяйственной продукции и продовольствия. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/TXT/?uri=CELEX%3A32012R1151>).
4. Построение системы управления безопасностью пищевых продуктов в Китае. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/building_food_safety_governance_in_china.pdf).
5. ГОСТ Р 51074-2003 Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200035978>).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., **Причина А. В.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pashkovv@yandex.ru, hizaki21@hotmail.com

Введение. Таможенное законодательство является одним из самых объемных, разветвленных в правовой системе Донецкой Народной Республики. Значение таможенной тематики трудно переоценить, поскольку доходы от таможенных платежей составляют львиную долю в бюджете нашего государства.

Однако таможенная проблематика обделена вниманием юридического научного общества, научные исследования по таможенным вопросам практически отсутствуют. В то же время сохраняется неопределенность по ряду принципиальных вопросов таможенного права.

Цель публикации – исследовать особенности современного состояния законодательства, которое регулирует деятельность таможенных органов, поскольку законодатель обязан в современных условиях реагировать на внешние и внутренние процессы, изменения в экономике Республики.

Основная часть. Таможенные органы Донецкой Народной Республики составляют систему органов управления таможенным делом (таможенную систему), куда входят Таможенная служба министерства доходов и сборов ДНР как республиканский орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере таможенного дела, таможенные посты и таможенные терминалы, а также специализированные таможенные учреждения и организации [3].

Особый статус таможенной службы заключается в том, что именно (и только) через ее структуры и механизмы формируется и проводится таможенная политика; предоставляются возможности участникам внешнеэкономической деятельности осуществлять свои задачи, быть полноправными участниками таможенных правоотношений. Государство с помощью таможенной службы обеспечивает воплощение в жизнь государственной политики в сфере таможенной деятельности всеми методами, которые есть в ее распоряжении, в том числе административно-правовыми.

Деятельность таможенной службы Донецкой Народной Республики рассматривается как необходимое условие для нормального, устойчивого функционирования общества. Она работает в режиме «фильтра»,

пропускающего людей и товары, разрешенные к перемещению, и задерживает товары, запрещенные к ввозу или вывозу.

Таможенная служба нашей страны еще недостаточно обеспечивает равенство людей и организаций во внешнеэкономической деятельности. Ее деятельность в основном направлена только на защиту интересов государства.

Как свидетельствует исследование вопросов сущности и признаков таможенных органов ДНР, современному состоянию законодательства в данной сфере присущи черты переходного характера. То есть, внесенные изменения становятся существенными и ощутимо влияют на функционирование данного органа. Кроме того, наличие коллизий в регулировании его деятельности создает трудности при анализе институтов, связанных с решением задач таможенных органов.

Реализация концепции совершенствования осуществления таможенной деятельности в Донецкой Народной Республике сформировала основу для обеспечения интересов государства в таможенной сфере, противодействия угрозам экономической безопасности и создания благоприятных условий для внешней торговли. Дальнейшее совершенствование обеспечивается через формирование универсальных инструментов и установление показателей эффективности деятельности в зависимости от динамично изменяющейся внешней среды и внутренней политики государства [4].

Основным стратегическим ориентиром таможенной службы является обеспечение экономической безопасности в сфере внешнеэкономической деятельности ДНР и содействие внешней торговле.

Поиск позитивной модели организации деятельности таможенных органов в Донецкой Народной Республике в современных политико-экономических условиях предполагает изменение всей системы таможенного администрирования, а именно: отказ от непрофильных функций таможенных органов, внедрение в практику прогрессивных таможенных технологий, усовершенствование кадровой политики, которая будет направлена на обеспечение таможенной службы высококвалифицированными специалистами [5].

Общность интересов ДНР и Российской Федерации при решении многих проблем в области безопасности, в сфере противодействия распространению оружия, борьбы с терроризмом и торговлей наркотиками, обусловили появление новых задач, в решении которых должны участвовать таможенные органы ДНР, а также органы, предопределяющие их дальнейшее институциональное развитие.

В условиях современности, таможенная деятельность считается малоизученным видом государственной деятельности, поэтому возникает необходимость ее развития и совершенствования в процессе утверждения

Донецкой Народной Республики как правового демократического государства.

Заключение. Комплексная реализация предложенных направлений развития таможенных органов ДНР позволит сформировать современную систему обеспечения интересов государства в сфере таможенного дела, оказывать эффективное противодействие угрозам безопасности страны, решать социально-экономические задачи, создать благоприятные условия для деятельности торговых сообществ, физических и юридических лиц.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики) (С изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ПНС) – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>.
2. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 г. № 8073-Х. Сведения Верховной Рады Украины. 1984. № 51, ст. 1122.
3. Закон Донецкой Народной Республики «О таможенном регулировании» № 116-ИНС от 25.03.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tamozhennom-regulirovanii-v-donetskoj-narodnoj-respublike/>.
4. Халипов С. В. Таможенное право / С. В. Халипов. – М.: Юрайт, 2016. – 462 с.
5. Смирнова А. А. Таможенные органы как субъект обеспечения экономической безопасности / А. А. Смирнова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – С. 1-3.
6. Основы таможенного дела : учебник для вузов / А. П. Джабиев [и др.]; под общ. ред. А. П. Джабиева. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 392 с.

УДК 342.95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., *Рахимова В. М.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pashkovv@yandex.ru, victoria.rahimova2001@mail.ru

Введение. Вопросы обеспечения экологической безопасности, регуляции антропогенного воздействия человека на природу и рационального природопользования никогда не теряют актуальности. По мере усовершенствования производственных технологий наблюдается деградация природных систем, что, в свою очередь, ведет к

дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качества окружающей среды, необходимые для жизни [1, с. 8]. Ввиду этого большую роль приобретает дальнейшее развитие существующих административно-правовых мер предупреждения экологических правонарушений как составной части обеспечения экологической безопасности.

Цель публикации: разработка рекомендаций по усовершенствованию системы административно-правовых мер борьбы с экологическими правонарушениями.

Основная часть. На территории ДНР, являющейся, в свою очередь, крупнейшим промышленным регионом, экологические проблемы являются более острыми, нежели в других государствах, в то время как меры, направленные на улучшение положения, реализуются медленно. Отсутствуют четкая экологическая политика, соответствующее государственное управление; не осуществляется должным образом ни инвестирование, направленное на решение экологических задач, ни планирование соответствующих научных исследований; не реализуется государственная поддержка природоохранных организаций в той мере, в которой это способствовало бы достижению необходимых результатов в деле охраны экологии.

Имеет место отсутствие должного общественного внимания к экологическим проблемам, нежелание понять их критическую важность для всего мирового сообщества, предпочтение многим другим направлениям деятельности в ущерб охране окружающей среды. Проблема усугубляется также определенной латентностью экологических правонарушений. Но, главным образом, является несовершенной законодательная база в данной сфере.

Прежде всего, несовершенство современной системы административно-правовых мер борьбы с экологическими правонарушениями заключается в отсутствии законодательного определения экологического правонарушения, что, в свою очередь, обуславливает наличие различных подходов к толкованию данного понятия. Именно легальное закрепление рассматриваемой дефиниции позволило бы более четко очертить объект административного экологического правонарушения и, соответственно, определить основания наступления юридической ответственности за совершение данного правонарушения [2]. Ввиду этого считаем необходимым восполнение указанного пробела.

Весомую роль в решении вопросов борьбы с экологическими правонарушениями играет система санкций [3]. И в этой части представляется, на наш взгляд, целесообразным, создание таких условий, которые предопределяли бы для лица невыгодность совершения запрещенного законодательством деяния. К примеру, эффективным шагом

было бы создание шкалы штрафов с различным коэффициентом, в зависимости от степени вреда, причиненного экологии, размера предприятия, а также полученной вследствие совершенного правонарушения материальной выгоды. Необходимым считаем также введение в соответствующий закон ряда санкций, повышающих ответственность различных субъектов за совершение экологического правонарушения, что, в свой черед, позволит привлекать к ответственности не только предприятия, но и отдельных лиц.

Существенным недостатком является отсутствие должного контроля при проектировании какого-либо объекта, проведении строительно-монтажных работ и т.п., а также отсутствие соответствующей необходимой проектной документации [4]. На этой почве считаем важным налаживание четкого взаимодействия соответствующих органов в осуществлении надзора за исполнением различными субъектами обязанностей в указанной сфере как способа повышения эффективности предотвращения экологических правонарушений.

Действенным методом в деле борьбы с экологическими правонарушениями с точки зрения административного права представляется создание статистического органа, основная функция которого заключалась бы в сборе информации по всем совершаемым правонарушениям. Элементарная картотека, пополняемая данными о субъектах правонарушений, существенным образом облегчила бы работу судебных органов в борьбе с рецидивными действиями.

В нашем регионе, учитывая сложившуюся военную ситуацию, особо актуальным представляется также возобновление деятельности определенных спецслужб, которые занимаются проведением специальных мероприятий по экологической безопасности. Из этого, соответственно, вытекает необходимость законодательного закрепления норм, направленных на регулирование деятельности подобных органов.

Заключение. На основании всего вышесказанного можем сделать вывод, что, хотя определенные усилия, направленные на борьбу с экологическими правонарушениями, предпринимаются, все-таки имеются серьезные недостатки и пробелы, устранение которых обеспечит более эффективное решение накопившихся проблем в плане обеспечения экологической безопасности и охраны экологии в целом.

Список литературы

1. Экологическое право: учеб. пособие для студ. учреждений высшего проф. образования / О. Р. Саркисов, Е. Л. Любарский. – 5-е изд. переработанное и доп. – Казань: Центр инновационных технологий, 2014. – 168 с.
2. Экологические правонарушения. – URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_pravonarusheniy_i_ih_klassifikaciya/ekologicheskie_pravonarusheniya/ (дата обращения: 14.09.2020).

3. Никонович Н. А.. Борьба с экологическими правонарушениями. [Электронный ресурс]. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2575 (дата обращения: 14.09.2020).
4. Особенности детерминации экологической преступности. – URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=5468> (дата обращения: 14.09.2020).

УДК 34.096

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОХОДОВ И СБОРОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Педерсен И. А., канд. экон. наук, доц., *Щербань Г. Ю.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
shcherbangleb@gmail.com

Информационные технологии в XXI веке охватывают всё больше и больше областей жизни человека и общества.

Активно развивается электронная торговля, цифровые технологии все более интенсивно используются в секторе государственных услуг, в финансовой и банковской сферах.

Цифровая экономика является приоритетным направлением развития практически всех стран мира, активно развивается на постсоветском пространстве. Одним из направлений развития цифровых технологий в области государственных услуг является подача отчётности в Министерство Доходов и сборов Донецкой Народной Республики.

В Донецкой Народной Республике Приказом № 228 Министерства доходов и сборов ДНР от 06.06.2017 года. «Об утверждении Временного порядка предоставления доступа к ресурсам электронного сервиса «Личный кабинет плательщика», в соответствии с Инструкцией по подготовке и предоставлению электронных документов при использовании электронного сервиса «Личный кабинет плательщика» создан электронный сервис «Личный кабинет плательщика» (далее ЛКП) для предоставления электронных документов в Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики и его территориальным органам.

Главное целью этого сервиса является упрощение процедуры предоставления документов в электронном виде, а именно подача отчётности.

Чтобы создать «Личный кабинет плательщика» гражданину нужно пройти ряд процедур, которые описаны в приказе Министерства доходов и сборов ДНР № 228 от 06.06.2017 года [1].

Доступ пользователям к ЛКП предоставляется администратором данного сервиса (ответственным лицом подразделения ИТ и электронных

сервисов) по согласованию с подразделением налогообложения юридических лиц или налогообложения физических лиц органа доходов и сборов. Основанием для подготовки решения о предоставлении доступа является полученное заявление на предоставление доступа в электронный сервис «Личный кабинет плательщика» [2].

В заявлении указываются полное наименование юридического лица, ИНН, тип субъекта хозяйственной деятельности (юридическое лицо или физическое лицо-предприниматель), должность ответственного лица, налогоплательщика (директор, главный бухгалтер или иное ответственное лицо), фамилия, имя, отчество ответственного лица плательщика – пользователя ЛКП, контактный телефон ответственного лица, адрес электронной почты (e-mail) ответственного лица, идентификатор пользователя в системе (ИНН налогоплательщика).

После принятия решения о предоставлении доступа к ЛКП и получения заявления плательщика с соответствующей отметкой подразделения налогообложения юридических лиц или физических лиц, сотрудником подразделения ИТ и электронных сервисов, ответственным за работу и сопровождение ЛКП, производится ввод и регистрация учетной записи пользователя. При этом формируется пароль доступа пользователя в ЛКП. После формирования учетной записи и предоставления доступа пользователю ЛКП, указанным сотрудником делается соответствующая отметка в заявлении [2].

Сотрудниками подразделения ИТ и электронных сервисов проводится инструктаж с плательщиком о порядке использования и обращения с персональными ключевыми данными, а также выдача в электронном виде инструкции пользователя в электронном сервисе «Личный кабинет плательщика».

Непосредственный доступ пользователя ЛКП к ресурсам осуществляется через подключение рабочего места в Web-браузере пользователя ЛКП – ответственного лица субъекта хозяйствования к интернет ресурсу который является закрытым для других лиц [2].

С помощью ЛКП налогоплательщик создает электронный документ, производит подписание электронного документа электронной подписью и направляет электронный документ в районную налоговую инспекцию или Министерство доходов и сборов по телекоммуникационным каналам связи (сеть Интернет). Второй экземпляр электронного документа в электронном виде хранится у налогоплательщика.

Далее, после всех нужных процедур создаётся две квитанции.

Первая квитанция является подтверждением налогоплательщику о передаче его электронных документов в РНИ средствами телекоммуникационной связи. Второй экземпляр первой квитанции в электронном виде хранится в районной налоговой инспекцией. В случае не поступления налогоплательщику ЛКП первой квитанции, электронный документ считается неполученным районной налоговой инспекцией.

Вторая квитанция является подтверждением налогоплательщику о принятии (непринятии) его электронных документов в базу данных Министерства. Вторая квитанция в электронном виде содержит реквизиты принятого электронного документа, информацию о налогоплательщике, электронную подпись, дату и время приема, регистрационный номер, период, за который подается электронный документ, данные о целостности и соответствии электронного документа (контрольная сумма) и данные об отправителе квитанции. Второй экземпляр второй квитанции в электронном виде хранится в районной налоговой инспекцией.

Если направленные электронные документы сформированы с ошибкой, налогоплательщику направляется вторая квитанция в электронном виде о непринятии налоговых и таможенных документов с указанием причин.

Необходимо отметить, что средний показатель количества пользователей ЛКП, в первые 10 месяцев функционирования сервиса, вырос с 31,7 % до 45,4 % от общего количества налогоплательщиков, действующих на территории Донецкой Народной Республики.

На данный момент, большинство субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью используют ЛКП для бесконтактной подачи отчётностей.

Появление этой системы в Донецкой Народной Республике – знаковое событие, которое ознаменовало более инновационный вариант в подаче отчётности и в передаче документов в электронном виде.

Можно сделать вывод, что введение ЛКП в практику очень полезно и эффективно, облегчает процедуру подачи отчётности, передачу документов в Министерство Доходов и сборов ДНР. Несомненно, что процесс внедрения цифровых технологий облегчает жизнь граждан и деятельность государственных органов исполнительной власти в лице Министерства доходов и сборов ДНР.

Список литературы

1. Приказ № 228 Министерство доходов и сборов ДНР от 06.06.2017 года. «Об утверждении Временного порядка предоставления доступа к ресурсам электронного сервиса «Личный кабинет плательщика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdsdnr.ru/normativnye-dokumenty/14-normativnye-dokumenty/1086-prikaz-ot-06-06-2017-228>
2. Инструкция по подготовке и предоставлению электронных документов при использовании электронного сервиса «Личный кабинет плательщика» в Министерстве доходов и сборов ДНР и его территориальных органах средствами телекоммуникационной связи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdsdnr.ru/normativnye-dokumenty/14-normativnye-dokumenty/1085-instruktsiya-po-podgotovke-i-predostavleniyu-elektronnykh-dokumentov-pri-ispolzovanii-elektronnogo-servisa-lichnyj-kabinet-platelshchika-v-ministerstve-dokhodov-i-sborov-donetskoj-narodnoj-respubliki-i-ego-territorialnykh-organakh-sredstvami-telekommunika>

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Подмаркова И. П., канд. экон. наук, доц., *Дзюба А. Н.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
irina_podmarkowa@list.ru, alina.dzuba2000@gmail.com

Введение. Дотационный бюджет, достаточно низкое его наполнение – проблемы, которые необходимо решить путем улучшения финансовой дисциплины. Первостепенной задачей выступает гармонизация правоотношений между субъектами хозяйствования и государством.

Цель исследования – выделить актуальные проблемы соблюдения финансовой дисциплины и определить направления её совершенствования.

Основная часть. Финансово-правовая ответственность – одна из действенных мер охраны финансовых отношений, которая нацелена на предупреждение нарушений, наказания правонарушителя, а также на компенсацию потерь фондов денежных средств.

В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) осуществляется законотворческая и практическая деятельность по формированию эффективного регулирования финансового контроля. Однако разнообразие финансовых и бюджетных правонарушений указывает на потребность дальнейшего улучшения финансовой дисциплины и мер финансово-правовой ответственности.

Наиболее острой проблемой соблюдения финансовой дисциплины является уклонение от уплаты налогов и (или) сборов.

Уклонением от уплаты налогов называются умышленные действия лица по избеганию или уменьшению величины обязательных выплат в бюджет, осуществляемых в виде налогов, пошлин, сборов, других платежей. Эти действия характеризуются следующими основными признаками:

- 1) активные меры налогоплательщика;
 - 2) направленность этих мер на уменьшение величины отчислений
- [1, с. 42].

Следует выделить ряд причин, вызывающих уклонение от уплаты налогов и сборов:

- 1) моральные причины;
- 2) политические причины;
- 3) экономические причины;
- 4) технические причины, связанные с несовершенством налоговой системы [2, с. 92].

В процессе исследования проблем финансовых нарушений, в частности, нарушений в области налогообложения, нами были выделены факторы, чаще всего приводящие к уклонению от уплаты налогов:

- 1) достаточно прибыльный бизнес;
- 2) форс-мажорные обстоятельства и последствия их наступления, возникающие независимо от воли налогоплательщика;
- 3) обстоятельства, зависящие от рода деятельности;
- 4) убыточный бизнес.

Рассмотрим каждый фактор детально.

1. Имея высокорентабельный бизнес, налогоплательщик пытается уклониться от уплаты налогов, поскольку не желает терять высокую прибыль. В данном случае можно усилить налоговый контроль путем создания единой межведомственной государственной базы с информацией о движении средств по счетам налогоплательщиков с удаленным доступом МДС. Использование данной базы при проведении камеральной проверки и предпроверочном мониторинге будет также эффективным инструментом в борьбе с фирмами-однодневками при банках, а также в борьбе с коррупцией и нарушениями в сфере госзакупок. Для реализации данной идеи нужно выстроить мощную систему защиты данных, с целью недопущения разглашения тайной информации.

2. Форс-мажорные обстоятельства в Законе ДНР «О налоговой системе» не прописаны и не являются обстоятельствами, исключающими обязательность уплаты налога. Однако, согласно ст. 52, существует достаточно долгая процедура оформления отсрочки и рассрочки денежных обязательств и задолженности, при которой необходимо наличие весомых доказательств существования факторов, свидетельствующих об угрозе возникновения и накопления задолженности [3].

Данная процедура не гарантирует того, что лицо добьется нужной отсрочки или рассрочки, поскольку некоторые форс-мажорные обстоятельства не имеют достаточных оснований для применения данного решения Министерством доходов и сборов. Также процесс по получению отсрочки или рассрочки имеет затяжной характер, что вызывает трудности у налогоплательщика.

Отметим, что в Приказе МДС ДНР от 30.03.2020 №126 «О внесении изменений во Временное Положение о порядке аккредитации субъектов внешнеэкономической деятельности и регистрации внешнеэкономических договоров (контрактов) субъектов внешнеэкономической деятельности ДНР» упоминается о форс-мажорных обстоятельствах, возникших в связи с пандемией COVID-19, где предусмотрена лишь отмена начисления пени лицам, которые пропустили срок уплаты налога. Но от самой уплаты налога субъекты хозяйствования освобождены не были [4].

Важно законодательно учесть наличие у субъектов определенных форс-мажорных ситуаций, которые тормозят своевременное пополнение

бюджета. А также закрепить возможность упрощенного и льготного налогообложения (на период устранения форс-мажорных обстоятельств), разработать порядок предоставления обоснованных доказательств форс-мажорных обстоятельств и обеспечить их проверку налоговым органом, с целью недопущения злоупотреблений недобросовестными налогоплательщиками.

3. Что касается обстоятельств, зависящих от рода деятельности субъектов хозяйствования, то стоит отметить, что существует бизнес, в котором прибыль зависит от сезона и других подобных факторов, при которых прибыль не постоянна, поступает периодически. Отметим, что Законом ДНР «О налоговой системе» закреплена патентная система налогообложения, которая предусматривает покупку патента на определенную деятельность, в т.ч. временную, оплата налога при котором происходит вне зависимости от того, будет у субъекта хозяйствования реальный доход или нет. Система неудобна, и несёт риски для налогоплательщика. Считаем необходимым ввести налог, который предусмотрит оплату в установленный период получения дохода.

4. Рассмотрим убыточный бизнес как причину уклонения от уплаты налогов. При нерентабельности бизнеса, когда субъект и без того убыточной деятельности не желает платить установленные налоги, по сути, в ущерб себе, нужно ввести систему стимулирования оплаты налогов путем предоставления льготных налоговых каникул.

Стимулировать более полную уплату налога на прибыль можно путем использования системы налоговых льгот, таких как:

- 1) налоговые вычитания (скидки);
- 2) уменьшение налогового обязательства после начисления налога;
- 3) установление сниженной ставки;
- 4) освобождение от уплаты налога и сбора.

Заключение. Совершенствуя финансовую дисциплину, вводя новые правила и льготы в налоговую систему, прорабатывая и улучшая меры ответственности, государство не только значительно сократит количество финансовых правонарушений, но и косвенно поспособствует развитию бизнеса, а, соответственно, и наполнению бюджета страны.

Список литературы

1. Амиралиева Д. М. Актуальные аспекты повышения эффективности системы налогового контроля: причины уклонения от уплаты налогов и пути их предотвращения // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2019. – № 4.
2. Артемова П. В. Уклонение от уплаты налогов: причины, сущность и исторический аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 2.
3. О налоговой системе: Закон ДНР № 99-ІНС от 25.12.2015 г.

4. О внесении изменений во Временное положение «О порядке аккредитации субъектов внешнеэкономической деятельности и регистрации внешнеэкономических договоров (контрактов) субъектов внешнеэкономической деятельности Донецкой Народной Республики»: Приказ МДС ДНР №146 от 25.05.2016 г.

УДК 347.73:336.15

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Подмаркова И. П., канд. экон. наук, доц., *Зусман А. В.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
irina_podmarkowa@list.ru

Введение. Налогообложение и его законодательное обеспечение всегда занимали одну из главных позиций в деятельности государства, наряду с политической, экономической и социальной сферами. Налоговое законодательство Донецкой Народной Республики (ДНР) начало формироваться совсем недавно, с 2015 года, и поэтому не удивительно, что она постоянно претерпевает кардинальные изменения и является практически основным объектом доработок и правок.

Целью исследования является изучение особенностей налоговой системы ДНР, а также разработка рекомендаций по ее усовершенствованию на основе изучения опыта налогообложения развитых стран.

Основная часть. Ст. 50 Конституции ДНР [1] гласит, что каждый обязан платить установленные законодательством налоги и сборы. Законы, которые устанавливают новые налоги или ухудшают положение налогоплательщиков, не имеют обратной силы.

Установление республиканских налогов, а также порядка их взимания, согласно п. 13 ст. 69 Конституции, относится к ведению Народного Совета ДНР. П. 5 ч. 1 ст. 70 определяет, что республиканские налоги и сборы, а также порядок их взимания устанавливаются Законом ДНР.

В соответствии с ч. 3 ст. 72 Конституции, законопроекты о введении либо об отмене налогов, освобождении от их уплаты, изменении финансовых обязательств ДНР, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет средств бюджета ДНР, рассматриваются по представлению Главы ДНР либо при наличии заключения Главы ДНР. Данное заключение представляется в Народный Совет ДНР не позднее одного месяца со дня поступления законопроекта Главе ДНР.

В настоящее время основным нормативным актом, который регламентирует организационно-правовые вопросы начисления и взимания

налогов в ДНР, выступает принятый Закон ДНР «О налоговой системе» от 25.12.2015 г. №99-ІНС (далее – Закон о НС) [2]. Данный Закон определяет принципы и систему налогообложения. Отдельные вопросы, касающиеся налогов, могут также устанавливаться и другими нормативно-правовыми актами, например, указами Главы ДНР и постановлениями Правительства.

Закон о НС, согласно ст. 1, устанавливает систему налогов, сборов и обязательных платежей в ДНР, а также общие принципы налогообложения (рис. 1).

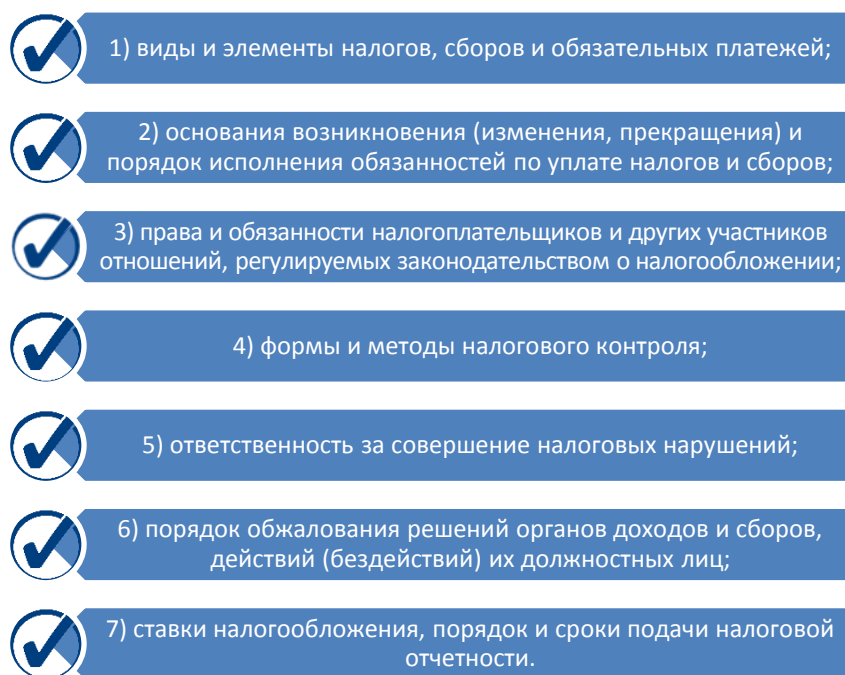
-
- 1) виды и элементы налогов, сборов и обязательных платежей;
 - 2) основания возникновения (изменения, прекращения) и порядок исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов;
 - 3) права и обязанности налогоплательщиков и других участников отношений, регулируемых законодательством о налогообложении;
 - 4) формы и методы налогового контроля;
 - 5) ответственность за совершение налоговых нарушений;
 - 6) порядок обжалования решений органов доходов и сборов, действий (бездействий) их должностных лиц;
 - 7) ставки налогообложения, порядок и сроки подачи налоговой отчетности.

Рис. 1. Основные объекты, регулируемые Законом ДНР «О налоговой системе»

Ст. 10 Закона о НС устанавливает двухуровневую налоговую систему и определяет, что она формируется республиканскими налогами и местными налогами и сборами. Другие республиканские налоги, не предусмотренные Законом о налоговой системе, устанавливаться не могут.

Согласно ст. 10 Закона определялось, что в Донецкой Народной Республике налоговая система формируется за счет республиканских и местных налогов и платежей. В настоящее время она включает 17 позиций, из них 12 налогов и 5 сборов. В первоначальной редакции Закона о НС были четко выделены 8 республиканских налогов и 8 местных, которые однозначно распределялись по бюджетам соответствующего уровня.

Действующая редакция Закона о налоговой системе уже не предусматривает такого четкого деления налогов и сборов на республиканские и местные, они перечислены в ст. 11 общим перечнем.

Кроме того, Законом ДНР от 28.12.2018 № 09-ІНС перечень налогов и сборов был пополнен 17-м налогом – фиксированным сельскохозяйственным налогом. Введение данного налога предусмотрено для

сельскохозяйственных товаропроизводителей, исключительным видом деятельности которых является растениеводство, а также предоставление услуг в растениеводстве, обустройство ландшафта, и выполняющих условия, установленные Главой 25-4¹.

Также Законом о НС системе ранее предусматривалось шесть специальных налоговых режимов, предусматривающих как особый порядок определения элементов налогообложения, так и освобождение от уплаты отдельных налогов и сборов. В результате изменений от 28.12.2018 г. в Закон о НС был добавлен седьмой специальный налоговый режим – система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, осуществляющих деятельность в сфере растениеводства.

Введение таких специальных режимов налогообложения – это прежде всего стимул для выхода предприятий из тени. Согласно налоговому законодательству ДНР платить налоги намного выгоднее, чем укрывать доходы – поскольку наказания за налоговые преступления и ответственность за налоговые правонарушения ужесточены намного больше.

Налоговая система ДНР предусматривает минимум налоговых льгот. С одной стороны, это минимизирует возможности для появления схем ухода от налогообложения при помощи использования льгот, с другой – не в полной мере работают механизмы поддержки приоритетных отраслей, направлений и видов деятельности, субъектов предпринимательства, только начинающих свою деятельность, а также отдельных категорий населения [3].

Заключение. Можно предложить следующие направления совершенствования налоговой системы ДНР: снижение общей налоговой нагрузки; упорядочение и упрощение налогового законодательства; обеспечение стабильности налогового законодательства хотя бы в среднесрочной перспективе; увеличение доходов бюджета за счет выведения бизнеса «из тени»; снижение налогов на производителей товаров широкого потребления и на малые обрабатывающие и инновационные предприятия; совершенствование методик исчисления налогов; внедрение цифровых технологий в процессы подготовки, оформления, подачи и анализа налоговой отчетности на всех уровнях, обеспечение эффективного и прозрачного механизма взаимодействия органов доходов и сборов с налогоплательщиками.

Список литературы

1. Конституция ДНР: принята 14.05.2014 г. Верховным Советом ДНР с изменениями от 30.11.2018 года № 01-ПНС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya>. – Дата обращения: 13.10.2020. – Загл. с экрана.
2. О налоговой системе [Электронный ресурс]: Закон ДНР от 25.12.2015 г. № 99-ПНС (ред. 05.10.2020 г.). – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-gespubliki/>. – Дата обращения: 13.10.2020. – Загл. с экрана.
3. Налоги и налогообложение: учебник для прикладного бакалавриата / под ред. Л. Я. Маршавиной, Л. А. Чайковской. – М. : Издательство: Юрайт, 2017. – 503 с.

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Ракша Н. С., канд. юрид. наук, доц., *Астапова А. С.*
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, РФ
raksha.nata@mail.ru, nastya_astapova@ro.ru

На сегодняшний день в действующем российском законодательстве формируется тенденция активного расширения арсенала мер административного принуждения. При этом государство выступает в качестве основного гаранта обеспечения прав человека и гражданина, что закреплено в Конституции РФ. Сложность процессов управления обуславливает существование множества методов управления. Одним из самых распространенных методов управления является административное принуждение, выступающее в качестве вида государственного принуждения, направленного на непосредственную охрану общественных отношений, которые формируются в сфере государственного управления. Как правило, данные меры активно используются государственными органами и должностными лицами в процессе их деятельности. Отметим, что сам институт административного принуждения не имеет единой трактовки. Ученые, как правило, фокусируются на нематериальных и процессуальных аспектах этого института, узком и широком смысловом содержании понятия, структурных компонентах, компетенции субъектов административной юрисдикции.

Сложность в правоприменительной практике применения мер административного принуждения заключается в том, что данные меры сконцентрированы в различных НПА и применяются как в судебном, так и во внесудебном порядке [1, с. 118]. Явный ограничительный характер административного принуждения устанавливает необходимость его четкой нормативной регламентации в части содержания каждой принудительной меры, условий и оснований, порядка и целей ее применения. В то же время такого рода регламентация практически не характерна для мер превентивного характера. Однако качество нормативной базы многих процессуально-обеспечительных мер также не позволяет говорить об их достаточной правовой обоснованности.

Административному принуждению характерны все свойства, которые характерны для государственного принуждения, но данный институт имеет и ряд особенностей:

- 1) базируется на нормах административного права, а порядок их применения регламентируется нормами административно-процессуального права;

2) множественность органов и должностных лиц, имеющих право применения административного принуждения;

3) нормы применяются, как правило, во внесудебном порядке [2, с. 24].

Хотим отметить, что в науке выделяют 5 групп мер административного принуждения:

1) меры административного принуждения, применяемые в силу государственной необходимости (реквизиция имущества);

2) контрольно-предупредительные меры принуждения (регистрация оружия, введение карантина, административный надзор и др.);

3) административно-восстановительные меры (принудительное возмещение ущерба, причинённого правонарушением); 4) меры пресечения;

5) меры административной ответственности [3, с. 184].

Но по нашему мнению, не совсем логично относить реквизицию имущества к отдельной группе мер административного принуждения, в виду ее особых юридических свойств, поэтому, целесообразней было бы реквизицию отнести к превентивным мерам административного принуждения.

Рассматривая проблемы применения мер административного принуждения, отметим, что на сегодняшний день одной из ключевых проблем применения данных мер является вопрос материально-технического и финансового обеспечения условий содержания лиц задерживаемых в административном порядке.

Резюмируя вышесказанное, хотим отметить, что меры административного принуждения являются достаточно эффективным институтом в сфере государственного управления, однако как и любой правовой институт, он не лишен своих недостатков и пробелов в правовом регулировании.

Список литературы

1. Каплунов А. И. О понятии административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения // Правоведение. – 2004. – № 3. – С.118.
2. Максимов И. В. Административные понятие, правовое содержание и их система / Под общ. ред. д.ю.н., проф. И. М. Конины. – Саратов, 2003. – С. 24 – 25.
3. Ракша Н. С. Административно-правое обеспечение права граждан на образование: монография / Донецкий государственный университет. – Донецк, 2009. – 210 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Ракша Н. С., канд. юрид. наук, доц., *Демина А. С.*
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», РФ, г. Курск
raksha.nata@mail.ru, nast.diomina2015@yandex.ru

Введение. Органы государственной власти в своей деятельности применяют множество методов регулирования общественных отношений. Однако, одним из основных, является метод административного принуждения. Относительно этого института нет общего подхода ученых к пониманию его проблем и спектра осуществления. Нормы, регулирующие применение административного принуждения, часто противоречат друг другу и имеют пробелы, несогласованность и дублирование. Все это значительно снижает качество регулирования общественных отношений в области государственного управления.

Основная часть. На практике, очень часто возникают проблемы, связанные с недостаточной подготовленностью и квалифицированностью сотрудников в сфере применения принудительных мер, что подтверждается многочисленными жалобами [6]. Однако, анализируя законодательство РФ видим, что на эффективность применения мер административного принуждения, как раз, основное влияние имеет несогласованность и неединообразие отечественного законодательства, наделяющего правами применения указанных мер различные правоохранительные органы [9].

Так, например, проблемным аспектом является досмотр транспортных средств сотрудниками полиции. Вопрос урегулирован нормами ч. 1 ст. 27.9 КоАП РФ «Досмотр транспортного средства любого вида, то есть осмотр транспорта может проводиться в целях обнаружения орудий совершения преступления. Основой досмотра служат нормы Административного регламента, установленного Приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 [5]. По норме п. 210 Административного регламента, сотрудник полиции при наличии признаков совершенного административного правонарушения, может возбудить дело об административном правонарушении.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ дело считается начатым с момента составления протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Согласно норме ч. 5 ст. 27.9 КоАП РФ при досмотре автомобиля в протоколе отмечается факт досмотра и задержания. Отсюда, сотрудник полиции может возбудить производство по делу об административном

правонарушении, что будет указано в протоколе, о чем выносится соответствующее постановление (п. 1 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ).

Все это указывает на коллизию КоАП РФ и нормы п. 210 Административного регламента. Аналогичная ситуация касается п. 258 Административного регламента, что дает право сотруднику полиции установить запрет на пользование автомобилем. Теперь эта мера не содержится в нормах КоАП РФ, ранее она предполагала снятие госзнака до момента ликвидации причины запрещения эксплуатации транспортного средства.

Иная ограничительная мера указана в норме ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ в виде задержания транспортного средства и перевозки его в специально отведенное охраняемое место с целью хранения до ликвидации причин правонарушения. Данная норма противоречит п. 259 Административного регламента, где запрещение эксплуатации транспортного средства состоит в задержке транспортного средства до ликвидации правонарушения. Норма п. 259 Административного регламента соответствует ст. 19 «Основания и порядок запрещения эксплуатации транспортных средств» ФЗ от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [1].

В законе данная мера не раскрыта, а ст. 27.1 КоАП РФ, где содержатся все меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, вообще не указывает такую меру.

Чаще всего, нормативные акты не указывают порядок применения принудительных мер нормы толкуются неправильно. Ст. 11 ФЗ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» закрепляет как меру, вскрытие транспортного средства [2]. Но в законе мера не указана, отсюда, ее правоприменение осуществляется неправильно.

Одни авторы считают, что вскрытие автомобиля можно считать досмотром. Вскрытие транспортного средства и досмотр транспортного средства разнятся в целях. Досмотр предполагает выявление наличия орудия совершения или предмета правонарушения. В ч. 1 ст. 11 ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» установлены цели вскрытия автомобиля. Такие меры могут применяться и без владельца транспортного средства. При досмотре всегда обязательно присутствие понятых, вскрытие же можно производить и без них [7].

Так, на основании п. 6 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» сотрудник полиции может использовать огнестрельное оружие для отражения нападений [3]. Согласно п. «г» ч. 5 Положения военнослужащих Вооруженных сил также при нападении может применять оружие [4].

Но в положении, в отличие от ФЗ не указано, каким должно быть нападение – групповым или вооруженным. Положение указывает, что оружие может применяться для «задержания лиц, совершивших нападение при отказе от сдачи оружия, в случае, если сопротивление больше никак

нельзя подавить». Военнослужащий войск национальной гвардии имеет право применять оружие при защите подведомственной территории, если невозможно пресечь посягательства другими способами.

Для остановки транспортного средства также возможно использование оружия. На основании нормы п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции», полицейские могут использовать оружие для повреждения автомобиля с целью его остановки, для защиты прав граждан. Согласно п. 7 ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» военнослужащий вправе применить огнестрельное оружие и для этого не требуются ни неоднократность требований, ни угроза гражданам. Согласно п. «е» п. 5 Положения, военнослужащий Вооруженных сил РФ с целью остановки транспортного средства вообще может уничтожить транспортное средство [8].

Заключение. Таким образом, рассмотренная несогласованность применения мер административного принуждения различными правомочными субъектами вызывает серьезные проблемы при их применении на практике. Отсюда, необходим общий для всех правоохранительных органов закон, регулирующий общий порядок применения мер административного принуждения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. – 1995.
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» // Российская газета. – 2016.
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. – 2011.
4. Приказ Министра обороны РФ от 10 января 2015 г. № 1 «Об утверждении Регламента Министерства обороны Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.
5. Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» (зарегистрировано в Минюсте России 06.10.2017 № 48459).
6. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник / Д. Н. Бахрах. – М., Норма, 2019. – 563с.
7. Карпухин Д. В. Проблемы применения мер административного принуждения субъектами административной юрисдикции / Д. В. Карпухин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – №8. – С.14-22.
8. Пресняков Д. А. Меры пресечения административных правонарушений: проблемы правоприменения / Д. А. Пресняков // Новый юридический вестник. – 2020. – № 1 (15). – С. 3-6.
9. Ракша Н. С. Формы и методы административной деятельности полиции / Н. С. Ракша // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 5 (68). – С. 165-173.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТОВ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКАМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Ракша Н. С., канд. юрид. наук, доц., *Потапова Е. О.*, *Щербинина Е. А.*
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, РФ
raksha.nata@mail.ru, oleg.potapovabatay@yandex.ru, katya1997.sherbinina@yandex.ru

Отмечаемые в последние годы специалистами положительные моменты, связанные с функционированием подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, тем не менее не могут в полной мере свидетельствовать об оптимальном состоянии такой деятельности.

В связи с этим возникает необходимость в выявлении и рассмотрении тех или иных проблемных вопросов, а также в поиске путей их решения.

Следует отметить, что по причине существования многоуровневой и многосубъектной системы органов, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, подразделения ПДН ОВД фактически не обладают властными полномочиями по отношению к государственным органам и общественным организациям, а их сообщения и представления не носят обязательного характера. Восстановить же нарушенные права лиц, не достигших совершеннолетия, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних зачастую в состоянии только посредством органов прокуратуры и суда.

Не секрет, что главной функцией подразделений по делам несовершеннолетних выступает реализация обязанностей, связанных с профилактикой противоправных деяний несовершеннолетних и их безнадзорности.

В самом общем виде профилактику можно рассматривать, как упорядоченное единство мер, которые приспособлены для предотвращения тех или иных отклонений в обучении, развитии или воспитании. Соотнося профилактику с деятельностью подразделений ОВД, можно с уверенностью утверждать, что она не имеет принципиальных различий с традиционной системой предупреждения и зиждется на тех же основополагающих началах, в ряду которых приоритетные места занимают законность, научная обоснованность, дифференциация и комплексный подход. Цель профилактики состоит не в борьбе с последствиями (то есть

результатом девиации), а в ликвидации факторов и условий, которые способствовали формированию противоправного поведения.

С глубоким сожалением приходится констатировать тот факт, что правоохранительные органы в лице органов внутренних дел (а конкретно – сотрудников ПДН) в решении этого вопроса по сути остались одиночками.

Взаимосвязь с государственными органами и общественностью чаще всего присутствует лишь формально, а ведь в решении обозначенной проблемы требуется комплексный подход [1, с. 336].

Многие исследователи справедливо указывают на отсутствие единого координирующего органа, который был бы способен осуществлять анализ и мониторинг информации, поступающей из различных профилактических ведомств, а также определять меры по выработке и реализации общегосударственной политики в отношении несовершеннолетних [2, с. 132].

По мнению В. В. Денисенко, даже между подразделениями и службами одного министерства отсутствует эффективная координация, что приводит к стремлению одного субъекта облегчить свою работу за счет другого [3, с. 62].

Так называемый «трудный ребенок» не должен оставаться проблемой только инспектора ПДН. Абсолютно точно можно утверждать, что без необходимого внимания к личности каждого подростка девиантное поведение со временем трансформируется в поведение преступное или, по крайней мере, противоправное. Лица, не достигшие совершеннолетия, в большинстве своем не в состоянии осознать, что всякий проступок, нарушающий нормы права, неизбежно сближает их с криминалом, и возвращение к обыденной жизни будет проблематичным. Государство и общество в лице каждого несовершеннолетнего преступника утрачивают значительный человеческий ресурс – благополучную семью, добросовестного работника, честного налогоплательщика. Прогресс сменяется регрессом. Теряется смысл самого человеческого существования. Общество отторгает людей, имеющих криминальное прошлое.

Специфика работы подразделений по делам несовершеннолетних определяется тем, что к лицам, не достигшим совершеннолетия, требуется совершенно иной подход, нежели ко взрослым. Как следствие, необходима и более высокая квалификация самих сотрудников. Инструкция по организации деятельности ПДН ОВД РФ препятствует допуску к самостоятельной работе на закрепленной территории сотрудников ПДН, впервые принятых на службу в ОВД (полицию) на должность сотрудника по делам несовершеннолетних, без наличия первоначальной подготовки по профилю служебной деятельности, а также выпускников образовательных организаций системы МВД России либо переведенных из иных служб, если они до этого не работали в подразделении по делам несовершеннолетних, без

прохождения стажировки под руководством наставника из числа самых подготовленных сотрудников ПДН в течение одного месяца.

Однако следует признать, что и это нормативное требование является слишком «мягким» и не отвечающим насущным вызовам сегодняшнего дня. Месячный срок стажировки явно не коррелирует с требованиями к уровню подготовки сотрудников ПДН, особенно учитывая многоплановость этой подготовки. По нашему мнению, срок стажировки должен быть нормативно установлен в пределах от трех до шести месяцев при возможности его сокращения по решению специализированных комиссий, создаваемых в территориальном органе полиции. В состав названных комиссий должны входить (помимо руководителя территориального органа и подразделения ПДН) представители иных, вневедомственных органов профилактики. Решение комиссии предлагаем оформлять в виде постановления, копия которого должна направляться в личное дело кандидата на должность сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних. Предлагаемый механизм позволит избежать попадания в подразделения ПДН лиц с несформированной на данный момент профессионально-должностной позицией, позволяющей обеспечить эффективное включение в служебную деятельность.

Таким образом, актуальность требований к улучшению качественных показателей личного состава подразделений по делам несовершеннолетних убеждает нас в необходимости разработки специализированных программ подготовки сотрудников ПДН и увеличения сроков их профессионального обучения на соответствующих факультетах. В перспективе же подготовка инспекторов по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (полиции) должна в полном объеме осуществляться исключительно ведомственными образовательными организациями высшего профессионального образования с пятилетним сроком освоения будущими специалистами основной образовательной программы по очной форме обучения, в том числе с учетом необходимости инвариантной составляющей в структуре их профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Дорошенко О. М. Инспектор по делам несовершеннолетних / О. М. Дорошенко, Ю. А. Простакишина // Научный альманах. – 2016. – №4-1(18). – С. 334-336.
2. Яшин В. Н. Особенности правового статуса подразделений по делам несовершеннолетних / В. Н. Яшин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – №4(26). – С. 130-133.
3. Денисенко В. В. Деятельность инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: проблемы и пути их решения / В. В. Денисенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – №2(66). – С. 59-62.

ПРАВОМЕРНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сиренко Б. Н., канд. юрид. наук, *Крамарчук И. О.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
sirenkobogdan@mail.ru, ira13012001@rambler.ru

Введение. При должном исполнении функций и задач государственных органов власти создается возможность защиты в полной мере прав человека и гражданина. Принимая во внимание современный уровень развития международной политики на защиту основных прав, стоит отметить, что ограничение прав граждан и других невластных субъектов является оправданной. Согласно законодательству Донецкой Народной Республики государственными органами, имеющими право на такое ограничение являются органы исполнительной власти. Конституцией Донецкой Народной Республики частью 2 статьи 48 закрепляет исчерпывающий перечень оснований правомерного ограничения прав человека и гражданина, что, несомненно, вносит ясность в категорию «правомерное ограничение». Однако на данном этапе начала складываться негативная тенденция, которая проявляется по отношению к исполнительной власти. Уровень доверия граждан органам исполнительной власти с каждым годом снижается и приводит к снижению результативности взаимодействия населения и исполнительной власти в целом.

Основная часть. Исследованием вопроса ограничений прав граждан в различных отраслях юридической науки посвящены работы таких ученых, как С. С. Алексеева, С. Н. Братуся, Н. В. Витрука, Е. Е. Грецовой, И. Н. Ищука, Д. А. Керимова и др.

Анализируя мнения по данному вопросу вышеперечисленных ученых, следует заключить, что правомерное ограничение прав субъектов административного права невозможно без соблюдения важнейших элементов этого ограничения. Так следует выделить такие основные компоненты указанной категории: процедура, гарантия и компенсация.

Деятельность органов исполнительной власти базируется на исполнении тех законодательных основ, закрепленных в государстве. Принятие таких основ возложено государством на органы законодательной власти. Следовательно исполнительные органы не могут нести ответственность за принятый законодательный акт, подлежащий к исполнению. Изложенное позволяет отметить, что исполнительные органы

власти вправе принять нормативно-правовой акт, регламентирующий способ и методы применения правоограничений граждан. Примером такого является Постановление Президиума Совета Министров ДНР №26-10 от 24.12.2015 г. Об утверждении порядка предоставления административных и других платных услуг подразделениями Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики и их перечня. Таким образом, нарушение законодательно закрепленных основ, а, как следствие, и процедуры исполнения, свидетельствует о невозможности использования правомерного ограничения прав [4]. Ограничения, возникающие при нарушении процедуры применения правомерных правоограничений, являются нарушением конституционных прав человека и гражданина.

Ещё одним элементом правомерного ограничения прав граждан являются гарантии. В соответствии с статьей 3 Конституции Донецкой Народной Республики «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность Донецкой Народной Республики, её государственных органов и должностных лиц» [1]. Следовательно, обязанностью, связанной с признанием, соблюдением и защитой права человека также является обязанность органов государственной власти обеспечить в полном объеме установленный законодательством Донецкой Народной Республики гарантий при ограничении прав человека и гражданина. Согласно части 2 статьи 5 Закона ДНР «О полиции» деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан [3]. Проанализировав содержание указанной статьи следует подчеркнуть, что гарантии ограничения прав граждан основываются на стандартах уважения прав человека.

Важным элементом является компенсационный механизм правомерного правоограничения. Компенсация в административном праве является последствием неюрисдикционного ограничения прав граждан. Данный механизм применяется в случаях, когда субъект, по отношению к которому были применены правоограничения, в отсутствие противоправных действий данного субъекта. При этом наличие правомерности в действиях органа исполнительной власти не имеет значения. Стоит заключить, что в Донецкой Народной Республике компенсационный механизм имеет четкое закрепление в Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики. В подтверждение приведенных слов стоит обратиться к статьям 196 «Компенсация морального вреда» ГК ДНР и 1198 «Ответственность за вред, причиненный государственными

органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» ГК ДНР [2].

Заключение. Подводя итог, стоит заметить, что рассмотренные элементы правомерного ограничения прав человека и гражданина позволит органам исполнительной власти усовершенствовать механизм правоограничения. То есть учет данных элементов позволит в полной мере и надлежащим образом выполнять полномочия исполнительной власти их должностным лицам. Отсутствию одного из элементов свидетельствует о невозможности применения ограничения в рамках действующего законодательства. Правоограничения служат, с одной стороны, инструментом реализации органами исполнительной власти оперативных полномочий и внешневластных отношений, а с другой – способом соотнесения осуществляемой гражданами и иными невластными субъектами деятельности с административными требованиями. С учетом вышесказанного правомерное ограничение прав человека и гражданина представляет собой правовые средства, базирующиеся на гарантиях прав человека и гражданина, включающие в себя соблюдение процедурного характера и наличие компенсационного характера, принимаемые органами исполнительной власти по своему усмотрению и с учетом требований законодательства Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 06.03.2020 г., № 106-ПНС// Верховный Совет Донецкой Народной Республики. – 2020 г.
2. Гражданский кодекс Донецкой народной Республики от 13.12.2019 г., № 81-ПНС// Народный Совет Донецкой Народной Республики. — 2020 г.
3. Закон Донецкой Народной Республики «О Полиции» от 07.08.2015 № 85-ПНС// Народный Совет Донецкой народной Республики. — 2020 г.
1. Соболев О. В. Ограничения прав граждан как структурный элемент метода административно-правового воздействия и формы его выражения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-prav-grazhdan-kak-strukturnyy-element-metoda-administrativno-pravovogo-vozdeystviya-i-formy-ego-vyrazheniya/viewer>

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Сиренко Б. Н., канд. юрид. наук, *Романенко К. А.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
sirenkobogdan@mail.ru, kristinaromanenko99@gmail.com

Введение. Консолидация усилий для обеспечения демократического развития Донецкой Народной Республики невозможна без соблюдения фундаментальных принципов формирования современного государственного аппарата, декларирующих верховенство права, обеспечение равенства всех перед законом, уважение прав и свобод человека и гражданина, совершенствование механизма предоставления качественных услуг населению. Реализовать указанные принципы призвана государственная служба – главный элемент системы государственного управления. От профессиональной подготовки правительственных служащих, прозрачности их действий зависит степень удовлетворения законных интересов граждан, авторитет государства, устойчивое развитие страны.

На этапе трансформации основных сфер государственной и общественной жизни усиление конкурентной борьбы за высококвалифицированные кадры; привлечение в управленческие проекты новых знаний, технологий и компетенций государственных служащих; изменение правовой концепции государственно-служебной деятельности, административно-правовые основы социальной защиты сотрудников государственных органов в контексте реформирования нормативно-правовой базы приобретают исключительную актуальность.

Цель. Проанализировав действующее законодательство ДНР, определить сущность, особенности и направления административно-правового регулирования социальной защиты граждан при прохождении государственной службы.

Основная часть. В соответствии с ч. 1 ст. 1 и ст. 4 Закона Донецкой Народной Республики от 03.04.2015г. №32-ІНС «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики», государственная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан ДНР по обеспечению исполнения полномочий Донецкой Народной Республики; органов государственной власти; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией Донецкой Народной Республики, законами ДНР для непосредственного исполнения полномочий государственных органов [1].

Социальная политика, являющаяся основой социального законодательства и иных нормативных правовых актов, которые касаются исключительно сферы государственной службы, предопределяет их административно-правовой характер. Поэтому социальная защита государственных служащих осуществляется в административно-правовом режиме, что, как утверждает П. А. Михайлюк, принципиально отличает ее от общей социальной защиты граждан [2, с. 10].

Отметим, что природа обеспечения гарантий государственных служащих объективно обуславливает соответствующий подход к ее правовому регулированию, выражающийся в предоставлении юридической защиты нормами и институтами различных отраслей права. В свою очередь, последние образуют нетривиальный правовой комплекс, особенность содержания которого заключается в объективной закономерности развития подходов совершенствования института социальной защищенности исследуемой категории граждан.

Общеизвестно, что Кодексом законов о труде Украины (далее – КЗоТ Украины) регламентированы гарантии, предоставляемые всем категориям работников предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности [3]. К их числу относится право на ежегодный (основной и дополнительный) оплачиваемый отпуск (ст. 74 КЗоТ Украины); на нормированное время труда (ст. 50 КЗоТ Украины); на государственное пенсионное обеспечение (ст. 253 КЗоТ Украины); на возмещение расходов и получение других компенсаций в связи с переводом или направлением на работу в другую местность (ст. 120 КЗоТ Украины), в связи со служебной командировкой (ст. 121 КЗоТ Украины) и многие другие. Закон Донецкой Народной Республики 15.01.2020г. №91-ПНС «О государственной гражданской службе», помимо выше перечисленных гарантий, закрепляет в контексте государственной службы:

- возмещение расходов, связанных с переездом служащего и членов его семьи к месту службы в другую местность в порядке ротации;
- обеспечение правительственного служащего в связи с ротацией служебным жилым помещением или возмещение расходов на наем (поднаем) жилого помещения;
- защита государственного служащего и членов его семьи от насилия, угроз и других неправомерных действий в связи с исполнением им должностных обязанностей;
- предоставление единовременной субсидии на приобретение жилого помещения один раз за весь период гражданской службы;
- транспортное обслуживание, обеспечиваемое в связи с исполнением должностных обязанностей, в зависимости от категории и группы замещаемой должности гражданской службы [4].

Таким образом, административно-правовое регулирование социальной защиты лиц, проходящих государственную службу,

определяется как состояние, при котором государственный служащий, в том числе уволенный со службы, а также члены его семьи защищены государством и могут полностью реализовывать свои права в социально-культурной сфере, удовлетворять духовные и материальные потребности на соответствующем уровне социально-экономического развития.

Заключение. Деятельность государственных служащих определяется предметно-системными связями норм административного и других отраслей законодательства, установившимися между общественными отношениями, элементами предмета правового регулирования административного права, взаимодействием юридических предписаний и институтов, которые принадлежат к единому комплексу защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [5, с. 188]. Повышение эффективности социальной защищенности отдельных категорий граждан должно рассматриваться как проблема на теоретико-методологическом, дидактическом и методическом уровнях, в которой акцент делается на формирование компетентных, прогностически и инновационно ориентированных сотрудников публичных администраций, способных обеспечить эффективное функционирование общества в условиях перспективного развития.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики от 03.04.2015г. №32-ИНС «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики», действующая редакция по состоянию от 16.03.2020г. № 108-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0002-32-ihc-20150403/>, свободный;
2. Михайлюк П. А. Административно-правовое регулирование социальной защиты сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации [Текст] : Автореферат диссертации на соискание ... канд. юр. наук. Специальность 12.00.14 – Административное право; Финансовое право; Информационное право / ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет». – М., 2011. – 24 с.;
3. Кодекс законів про працю України від 10.12.1971 р. №322-VIII, чинна редакція від 11.08.2013р. №406-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08/ed20130811#Text>, свободный;
4. Закон Донецкой Народной Республики от 15.01.2020г. №91-ИНС «О государственной гражданской службе», действующая редакция по состоянию от 21.08.2020 № 178-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0002-91-ihc-20200115/>, свободный;
5. Гришук А. Б. Державна служба в Україні: адміністративно-правовий вимір: монографія / А. Б. Гришук. – Львів: 2018. – 232 с.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА И ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Сынкova Е. М., д-р юрид. наук, доц., *Корнев Д. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

osyn@inbox.ru, kornevcampfloggnaw22@gmail.com

Зарождение первых ростков таможенной деятельности относится к периоду древности. Именно на данном этапе человеческого развития один за другим возникали первые государства, формировался государственный аппарат управления обществом. Экономическими предпосылками становления таможенного дела было появление денег, бурное развитие межгосударственной торговли, расширение класса купцов и торговцев.

В эпоху древности появляются первые правовые акты, регулирующие определенные аспекты таможенного дела. Так, одним из самых древних известных таможенных законов является Пальмирский пошлинный тариф. Данный документ был установлен в виде камня в 137 г. н. э. и назывался «Закон о пошлинах, взыскиваемых на рынке Адрианы – Пальмиры и у источников вод Юлия Цезаря». В нем содержался перечень пошлин, которыми облагалось все, что ввозилось в Пальмиру [1, с. 64].

На территории русских земель таможенное дело начало формироваться уже в IV веке: активно развивалась торговля, существовали «мытные сборы», основанные на обычаях предков. Восточные славяне поддерживали торговые связи с Северным Причерноморьем, с Прибалтикой и Приазовьем, где уже сложились таможенные обрядности, которые со временем были заимствованы русичами [2, с. 91].

В эпоху Средневековья таможенное дело продолжило модернизироваться с учетом политических и экономических изменений: расцветали города – крупные центры торговли, возникла необходимость в строгом регулировании торговых и таможенных процессов. Характерные черты таможенного дела в Средневековье определяла политика меркантилизма, суть которой заключалась в определении денег как основы общественного богатства.

В период Нового времени в таможенном деле господствует концепция протекционизма – защита национального производителя путем тарифного и нетарифного регулирования. На территории русского государства формировались и совершенствовались нормы таможенного права, происходила работа по упорядочиванию накопившихся исторических таможенных формальностей, фискальных сборов. В целом, происходила централизации таможенного дела.

В XIX веке специфику таможенного дела определяет новое экономическое течение – фритредерство – направление, провозглашающее свободу торговли. Таможенные органы, созданные для исключительно фискальных целей, растворяются в истории Новейшего времени. На смену им приходят многофункциональные таможенные органы, наделенные совокупностью различных полномочий.

Сегодня таможенное дело представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое играет первостепенную роль в обеспечении суверенитета государства, поддержании правопорядка на границе страны.

Понятие «таможенное дело» сложное и многообразное. В научном сообществе нет единства мнений относительно определения сущности таможенного дела. Большинство ученых полагает, что таможенное дело – это деятельность институтов государственной власти по регулированию перемещения товаров через таможенную границу в целях обеспечения национальной безопасности отдельного государства или союза государств, имеющих общую таможенную границу.

При этом таможенное дело – это совокупность блоков деятельности, которые формируют таможенные отношения: деятельность государственных органов (нормотворчество); деятельность таможенных органов; деятельность участников внешнеэкономической деятельности (соблюдение правовых норм) [3, с. 9-10].

Значение таможенного дела в государственно-правовой системе проявляется через призму целей и задач таможенной деятельности – формы реализации таможенного дела. К основным целям следует отнести экономические, регулятивные, правоохранные.

Экономические цели таможенной деятельности – обеспечение благосостояния государства посредством взимания таможенных платежей при перемещении товаров через таможенную границу: таможенных пошлин, сборов за таможенное оформление, хранение товаров, таможенное сопровождение, других платежей.

Регулятивные цели таможенной деятельности – это создание правовой основы таможенного дела: установление ставок таможенных пошлин, применяемых к товарам, перемещаемым через таможенную границу, а также запретов и ограничений на ввоз и вывоз товаров, лицензирования, квотирования экспорта и импорта.

Правоохранные цели таможенной деятельности заключаются в защите государственной безопасности страны, общественного порядка, жизни и здоровья людей, культурных ценностей общества; в охране животных, растений, окружающей природной среды; в борьбе с контрабандой и другое [4, с. 5].

Важно отметить, что таможенное дело осуществляется через таможенную политику. Таможенная политика – это система

экономических, правовых, организационных и иных мероприятий, которые проводятся государством и направлены на всестороннее регулирование таможенных отношений и реализацию экономических интересов страны.

В современном таможенном праве имеют место два основных вида таможенной политики, которые появились и обрели популярность много лет назад – протекционизм (защита внутреннего рынка) и фритредерство (свободная торговля). Протекционизм устанавливает высокий уровень таможенного обложения ввозимых на внутренний рынок иностранных товаров, создает условия, которые способствуют развитию национальной экономики путем ограждения её от иностранной конкуренции. Фритредерство подразумевает установление минимального уровня таможенных тарифов либо их отсутствие [5, с.7-8].

Таким образом, становление таможенного дела имеет длительную историю и непосредственно связано с развитием государств и межгосударственной торговли. В современном мире таможенное дело является важным гарантом обеспечения экономической безопасности государства. Таможенное дело реализуется через совокупность различных видов таможенной деятельности. Особое значение в осуществлении таможенного дела играет таможенная политика – часть внутренней и внешней политики государства, которая направлена на повышение качества и эффективности таможенно-тарифного регулирования, на обеспечение экономической безопасности государства и защиту экономических и политических интересов страны.

Список литературы

1. Димитров Н. Н. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие: [в 2 частях] / Н. Н. Димитров, Н. В. Курысь, И. В. Заикина; Гос. образовательное учреждение высшего проф. образования "Российская таможенная акад.". – Москва: РТА, 2006. – Ч. 2. – 288 с.
2. Димитров Н. Н., Карасёв А. В., Семёнов А. В. Историография и источники таможенного права России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2012. – № 1 (41). – С. 89–103.
3. Вагин В. Д. К вопросу о теории таможенного дела // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2015. – № 18. – С. 8-12.
4. Гревцева Л. Г. Таможенное право Учебное пособие. – Нижний Новгород: Юридический факультет ННГУ, 2008. – 167 с.
5. Содномова С. К. История таможенного дела и таможенной политики: курс лекций / С. К. Содномова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. – 91 с.

Конституционное и международное право

УДК 339.727.22(470):346.3:346.543

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДВУСТОРОННИХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ

Ашурков О. А., канд. юрид. наук, доц.,

Орлова Н. А., канд. экон. наук

ГУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР

ashurkov.oa@gmail.com, econri@mail.ru

Введение. Привлечение иностранных инвестиций в экономику страны всегда было одной из важнейших задач внутренней политики любого государства. Для ее решения необходимо как развитие и совершенствование национального законодательства, так и применение международно-правовых механизмов, важнейшей частью которых выступают международные договоры, заключаемые между государствами и направленные на защиту прав инвесторов [1, с. 132].

Для Донецкой Народной Республики в силу сложившихся обстоятельств проблема регулирования инвестиционных отношений на основе заключения двусторонних международных инвестиционных договоров пока что не является первоочередной, однако она, безусловно, будет заметно актуализироваться по мере укрепления экономической системы Республики, развития сотрудничества с государствами-членами СНГ, БРИКС, ЕАЭС, другими международными региональными образованиями и это обстоятельство объективно потребует разработки соответствующего правового обеспечения системы регулирования иностранных инвестиций.

Учитывая, что формирование собственной законодательной базы Республики осуществляется в настоящее время путем интеграции в правовое поле Российской Федерации, особую значимость для разработки перспективных, отвечающих современным требованиям и стратегическим целям экономического развития ДНР нормативных правовых актов, регулирующих инвестиционную деятельность, представляет опыт России в плане совершенствования организационных основ и определения новых подходов к заключению двусторонних международных договоров по вопросам поощрения и защиты капиталовложений.

Цель статьи – обосновать необходимость и меры по адаптации к условиям Донецкой Народной Республики опыта Российской Федерации по заключению международных двусторонних инвестиционных договоров.

Основная часть. Выполненный анализ позволил установить, что в начале 2000-х годов в международной системе регулирования отношений, связанных с иностранными капиталовложениями, получила практика принятия Типового соглашения о поощрении и защите инвестиций. В Российской Федерации Типовой проект соглашения был утвержден постановлением Правительства РФ от 9 июня 2001 г. № 456 «О заключении соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений».

Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» действовавший ранее порядок заключения двусторонних международных соглашений об иностранных инвестициях на основе Типовой формы соглашения был отменен. Как отмечают Н. Г. Доронина и Н. Г. Семилютина, в настоящее время в связи с обострением конкурентной борьбы на мировых рынках потребовался более гибкий механизм регулирования международного экономического сотрудничества. Принятие нового постановления Правительства РФ позволяет дифференцировать режим деятельности инвесторов – государств, предоставляющих аналогичные преимущества на взаимной основе, и государств, чей инвестиционный климат для российских инвесторов остается неблагоприятным [2, с. 126].

Постановлением № 992 утвержден «Регламент заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций», который включает два раздела: «Критерии определения целесообразности переговоров и заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» и «Общие подходы к заключению международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций». Изменения коснулись как методики и порядка заключения двусторонних международных договоров, так и положений относительно их содержания.

Кардинальным являются также изменения, касающиеся субъектного состава двусторонних инвестиционных договоров. Если в ранее действующем Постановлении № 456 в качестве контрагента Российской Федерации по инвестиционным соглашениям фигурировали только иностранные государства, то в Постановлении № 992 в качестве возможных участников двусторонних инвестиционных договоров указаны иностранные государства, объединения государств, международные организации или иные образования, обладающие правом заключать международные договоры. Претерпела определенные изменения и процедура заключения двусторонних международных инвестиционных договоров.

Заключение. Резюмируя изложенное выше можно сделать следующие важные выводы:

1. В целях создания в Донецкой Народной Республике действенного правового обеспечения в области регулирования международных инвестиционных отношений с учетом опыта России представляется целесообразным принять на законодательном уровне ряд конкретных мер:

- подготовить проекты Законов ДНР «О международных договорах Донецкой Народной Республики» и «О международном коммерческом арбитраже» как базовых законодательных актов, регулирующих развитие инвестиционной деятельности на двусторонней основе и содействующих конструктивному разрешению инвестиционных споров в сфере инвестиционных правоотношений;

- закрепить соответствующими правовыми нормами в Законе ДНР «Об инвестиционной деятельности», а в перспективе в «Кодексе Донецкой Народной Республики об инвестиционной деятельности», возможность передачи инвестиционных споров не только в государственные арбитражные суды Республики, но и в международные специализированные институционные арбитражи;

- разработать и соответствующим постановлением Правительства ДНР утвердить «Регламент заключения международных инвестиционных двусторонних договоров по вопросам поощрения и защиты инвестиций», закрепив в нем соответствующими нормами критерии определения целесообразности проведения переговоров и общий порядок заключения международных договоров, сферу их применения, положения относительно содержания двусторонних инвестиционных договоров и их субъектного состава, условий допуска инвестиций и деятельности инвесторов, механизмов защиты инвестиций инвестора, гарантий, которые государство предоставляет иностранному инвестору, а также порядок урегулирования инвестиционных споров и др.

2. Подготовить проект Типового договора между Правительством ДНР и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите инвестиций (капиталовложений), что вполне оправдано для его применения на начальной стадии создания собственного инвестиционного законодательства и тем более в условиях определенного дефицита высококвалифицированных кадров юристов.

Адаптация опыта России по регулированию инвестиционных правоотношений на основе заключения международных двусторонних инвестиционных договоров будет способствовать созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Республики.

Список литературы

1. Миронова И. В. Международные договоры в области инвестиционных отношений с участием Российской Федерации / И. В. Миронова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 3. – С. 131–139.

2. Доронина Н. Г. Значение двусторонних соглашений о защите капиталовложений и перспективы их совершенствования / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина // Журнал российского права. – 2017. – № 9. – С. 119–129.

УДК 341.1/8

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

Журба В. В., Базалийская Т. В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
vitalyvladimirovich1991@gmail.com, tanyaabramova1998@gmail.com

Хорошо известно, что современные технологии, управляющие нашим глобальным обществом, сильно зависят от использования космического пространства. Например, повседневная деятельность, такая как отправка электронной почты, телефонные звонки и выполнение банковских транзакций, невозможна без использования спутниковых технологий. Принимая во внимание важность этого, становится все более необходимым быть осведомленным в области международного права (далее МП), поскольку это единственная сфера права, которая выходит за пределы физических границ Земли, уходит глубоко в космос и обеспечивает защиту современного общества.

Международное космическое право (далее МКП) – одна из самых молодых отраслей международного публичного права (далее МПП), которая появилась во второй половине XX века [1]. Космическое право – это свод законов, регулирующих космическую деятельность, охватывающий как международные, так и национальные соглашения, правила и принципы.

МКП, по доктринальной оценке, прошло три этапа развития и в настоящее время находится на четвертом этапе.

Первый этап (1957-1967) начинается с разработки основ МКП. Первопроходцами в этой области были советский юрист Коровин (1934) и чешский юрист Мандль (1932). После успешных запусков советского спутника Спутник-1 в 1957 году и американского спутника Explorer-1 в 1958 году США и СССР проявили активный интерес к разработке международной космической политики. Было установлено, что традиционные законы суверенитета, которые позволяют любой нации претендовать на свои необитаемые и нецивилизованные земли, не жизнеспособны на космических территориях и что страны не могут бесконечно расширять границы своих владений на космические регионы

над ними. В 1959 году был сформирован постоянный комитет по космосу с целью соблюдения Устава Организации Объединенных Наций и других норм международного права в области космоса, что открыло путь для мирных исследований.

Второй этап (1968–1979) становления МКП характеризуется его бурным развитием. В 1968 году последовало Соглашение о спасении и возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космос, которое укрепило международную приверженность безопасности людей в космосе, возложив на каждую страну экономическую ответственность за восстановление своего оборудования. и подтвердил контроль каждой космической державы над запускаемыми ею аппаратами. Другой важный договор, Конвенция 1972 года о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, устанавливает подробные правила в отношении возмещения убытков, причиненных космическими объектами [2].

В то же время, с приходом третьего этапа (1980-1996 гг.) были приняты важные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, содержащих рекомендательного характера декларации, но они имели большое моральное и политическое значение.

На третьем этапе продолжалась борьба за предотвращение использования космоса в военных целях. В 1981 году СССР представил в ООН проект договора, запрещающего размещение любого вида оружия в космическом пространстве, а в 1983 году – проект договора, запрещающего применение силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. Два проекта были представлены на конференции по разоружению, но не обсуждались по существу [3].

Принципы международного космического права составляют важный элемент системы новых принципов общего международного права, отражающих усилия Советского Союза, других стран социалистического содружества и всех миролюбивых государств по содействию разрядке напряженности, предотвращению новой мировой войны, и добиться всеобщего и полного разоружения.

Помимо этого, нормы международного космического права устанавливают особый правовой режим для космической деятельности, порядок, который обеспечивает свободу проведения научных исследований в космосе и регулирует использование космических технологий в различных экономических и культурных целях [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что МКК активно развивается, о чем свидетельствуют космические программы многих государств. Например, в России – Федеральная космическая программа до 2025 года (в 2016-2025 годы).

Тем не менее, новые политические и правовые проблемы продолжают возникать по мере развития науки, и техники и расширения практического применения космической техники. Эволюция международного космического права и в этом отношении международного права в целом – на него влияют объективные потребности государств и, в частности, такие факторы, как изменения в соотношении сил на международной арене, внешняя политика государств и мировое мнение, и это лишь некоторые из таких факторов.

После длительного периода относительной стабильности космического права, человечество перешло на новый этап своего развития, который характеризуется использованием космического пространства за счет средств и средств частных компаний. Таким образом, мировое сообщество и космическое право сталкиваются с новыми вызовами. Объективно космическое право начинает активно развиваться. Ведущими направлениями развития космического права должны стать: стандартизация условий правового пространства, утверждение частного космического права, содействие вовлечению частного капитала в космические программы, развитие теории права использования космических тел, регулирование прав и законных интересов, космических туристов, разработка санкций, согласованных мировым сообществом за нарушение космического права, субъектов и процедур их применения.

Список литературы

1. Малков С. П. Международное космическое право: учеб. пособие / С. П. Малков. – СПб.: СПбГУАП, 2002. – 344 с.
2. Space law The Editors of Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/space-law> (дата обращения 15.09.2020)
3. Международное право: в 2-х т. / Ю. М. Колосов [и др]. – М.: Юрайт; Высшее образование, 2015. – Т.2. – 312 с.
4. G. Zhukov International Space Law [Text]: 2nd ed., stereotyped. – G. Zhukov, Yu. Kolosov. – М.: Statut. – 2014. – 176 p.

К ВОПРОСУ ПРОБЛЕМ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ И МЕЖОТРАСЛЕВЫХ АДАПТАЦИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Копилян В. А.¹, Копилян Т. В.²

¹УВО «Феодосийская финансово-экономическая академия, г. Феодосия, РФ;

²ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ
Kopilian@yandex.ru

*«Сочетание образованности и нравственности
сделает возможным для России
«влиять на мир» и нести своё
собственное послание»
Патриарх Московский и всея Руси Кирилл*

Ведение. Вопрос о необходимости изучения в российском праве института изучения проблем межотраслевых связей и межотраслевой адаптации юридических средств в разрезе международного права – одна из самых актуальных проблем современного отечественного правоведения, поскольку её процесс совершенствования и развития на современном этапе тесно связано с международным правоведением.

В любой проводимой реформе, одна из основных целей – качественные изменения какой-либо из сторон общественной жизни социума, которые проявляются в повышении социальной ценности и действенности таких институтов. Безусловно, цели, стоящие перед Россией с учетом международных санкций, во многом стали едины, с учетом защиты и выстроенных приоритетов по охране национальных интересов, в т.ч. после проведенного Общероссийского голосования в 2020 году «О поправках в Конституцию РФ», потребует их адекватного изменения в правотворческом процессе, законность которых подтвердил Конституционный Суд России в решении о соответствии основному закону, что объясняет её актуальность придавая этой проблеме особое звучание [1].

Ее решение связано не со «слепым» копированием заимствованием чуждого российскому праву института, а обусловлено собственными потребностями адекватного новым реалиям правового регулирования [3].

Институт изучения проблем межотраслевых связей и межотраслевой адаптации юридических средств в праве известен ныне практически всем странам романо-германской правовой семьи, причем не только европейским, но и латиноамериканским, а также африканским, сохранившим в той или иной мере правовые системы европейских

государств – бывших метрополий. Известен был этот институт и досоветской России [4].

Из чего можно сделать вывод, что на концептуальном уровне вопрос по его изучению – это не столько проблема в области общей теории права, обусловленная фрагментарным и бессистемным регулированием участия в правоотношениях публично-правовых образований и новых публичных учреждений и организаций, появившихся в ходе правовых реформ, сколько сложная и практически неразработанная тема, которая даст осмысление понять и разрешать проблемы межотраслевых связей и межотраслевой адаптации юридических средств в праве не только в сфере государственно-правовых наук внутри отечественного законодательства, но и между отечественным и зарубежным законодательством [3].

С практической точки зрения научный анализ межотраслевых связей конституционного и международного права позволит выработать рекомендации законодателю по устранению существующих и недопущению новых нормативных правовых коллизий межотраслевого характера, а также эффективные правовые механизмы и предложения по решению задач, стоящих перед правоприменителями и судебными органами, как участниками правореализационного процесса, связанных с развитием российских правовых норм на современном этапе законотворчества.

Анализируя фундаментальные исследования трудов советских и современных отечественных ученых сформулировавших общие дефиниции межотраслевых связей в праве, к числу которых относятся и межотраслевые связи международного и конституционного права, можно сделать вывод, что эта система всегда будет являться исторически изменчивой в силу меняющегося правового регулирования, в том числе постоянного расширения и многообразия самих систем развития правовых наук в мире.

Камнем преткновения, мешающим сформулировать для достижения поставленных социально полезных целей являются унифицированные определения в российских отраслях права, а также многообразие понимания международных инструментов (установления) и деяниях (технологий), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов международных прав.

Со временем вступления в силу в 1993 году новой Конституции только в первое десятилетие было принято больше 2-х тысяч, из которых самый одиозный закон, который взбудоражил всю страну, – закон о монетизации социалистических льгот, – пережил 1200(!) поправок. Только продукция этого «конвейера» законов, почему эффективно никогда так и не работала. Для сравнения: за время советского периода – полсотни. Ответ очевиден, он четко сформулирован в словах Председателя

Законодательного собрания Камчатского края В. Ф. Раенко «Конституцию РФ 1993 года писали под диктовку «засевших в Кремле американцев» [6].

Ситуация усугубляется еще и тем, что если уж д.ю.н., профессор, засл. юрист, председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин заявляет о том, что «...положение в наших судах сегодня создает ситуацию для того, чтобы в обществе возобладал «образ тотально коррумпированного суда», то что остается этому самому обществу? А остается слать жалобы в Европейский суд» [3].

При этом следует упомянуть его цитату высказанную в беседе с Президентом страны Владимиром Путинным «Почему Германия может сказать то же самое, что мы, и Великобритания, и Франция... а как только Россия сказала, то «Гражданам остается только биться головой о стену» [5]. «Здесь мы ничего нового не придумали, европейские страны идут, по сути, по тому же пути», – солидарно высказался и Президент [5].

Многие ошибочно полагают, что Российская Федерация в этом плане стала пионером, которая первая среди стран оставила за собой право не подчиняться международному праву, если оно будет противоречить российской Конституции. Так в США, общеизвестно, что нормы международных договоров *ipso jure* никогда не имеют приоритетов над национальными законами, а тем более ограничивающие исполнение решений законы, подобные новому российскому, приняты во многих юрисдикциях, а законодатели в Китайской Народной Республике всегда стараются не участвовать в таких правоотношениях [5].

Конституционный суд **Итальянской республики закрепил**, что международные нормы могут служить критерием оценки конституционности их нормативных актов, а любое несоответствие между внутренним законом и Конвенцией в истолковании Европейского суда должно рассматриваться как нарушение режима конституционной законности и Конституции республики [5]. Широкою реакцией в стране недавно вызвало решение Страсбурга «О запрете на распятия в государственных школах», которое Большая палата ЕСПЧ, рассмотрев жалобы, объяснила, что итальянским властям виднее, как решать этот вопрос на национальном уровне [5].

В ФРГ конституционный суд, уполномоченный решать вопросы соответствия законов и судебных решений Основному закону, также опирается на выработанную им в постановлениях правовую позицию относительно "ограниченной правовой силы постановлений ЕСПЧ". Это позволяет законодателю с одной стороны в исключительных случаях, необходимых для защиты конституционных принципов, отступать от требований международного договора, а с другой – принимать во внимание международные нормы сравнивая с нормами национального права и конституции страны (дело «Гергюлю против Германии») [5].

В ряде стран, законодатели обсуждают попытки выхода из международного пространства, например **Великобритания** (особенно после принятия судом решения о необходимости предоставить заключенным право на участие в выборах (дело «Херст против Великобритании»)) [5].

А вот законодатель **Украины решил вслепую, в угоду Западу**, обязать все национальные суды, включая Конституционный, буквально и точно не только следовать решениям ЕСПЧ, приняв поправку в статью 17 Закона Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека», но и судам при разрешении споров практику Стокгольмскую практику, как источник права [5].

В заключении можно констатировать и отметить некоторые направления дальнейшего научного анализа проблематики существования межотраслевых связей и межотраслевых адаптаций юридических средств в российском и международном праве, в которых ключевую роль по их разрешению в будущем необходимо возложить на ученых, тесно связав на примере развития взаимовыгодных национальных межгосударственных идей, на уровне пересмотра международных научных теорий и понятия международных правовых средств (санкций).

Список литературы

1. Сайт Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа– URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>(дата обращения: 24.10.2020).
2. Леонов Г. Почему наши законы не работают? / Г. Леонов // газета «Гудок» [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=750053> (дата обращения: 24.10.2020).
3. Зорькин В. Д. Правовой путь России. – М.: ЗАО «Библиотека российской газеты», 2014. Вып.8. – 192 с.
4. Комарова Л. В. Историко-правовые аспекты реализации стратегии модернизации: Российский и зарубежный опыт (статья) /Л. В. Комарова // «Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России»: Международная научно-практическая конференция, о. Кипр, 2-9 ноября 2013 г. – С. 97-99.
5. Конституционный Суд в приоритете: чего ждать российским заявителям от «антистрасбургского» закона [Электронный ресурс]. Режим доступа– URL: <https://pravo.ru/review/view/125032/> (дата обращения: 05.10.2020).
6. Раенко В. Ф. Спикер Законодательства Камчатки: в 90-е Конституцию РФ писали под диктовку США / В. Ф. Раенко// [Электронный ресурс]. Режим доступа– <https://regnum.ru/news/2882972.html> (дата обращения: 24.10.2020).

РАЗРЫВАЯ ПОРОЧНЫЙ КРУГ: ФЕДЕРАЛИЗМ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Корольков В. В.

ФГБОУ ВО «Московской государственной университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
w.korolkov@mail.ru

Введение. Последствия ошибок советского государственного строительства продолжают проявляться даже спустя тридцать лет после развала Союза ССР, в эпоху глобализации. Этнические споры из-за территорий ввиду различных причин могут разрешаться ненасильственно (присоединение Крыма к России, спор из-за территории между Чечней и Ингушетией), но в подавляющем большинстве случаев они приводят к продолжительному вооруженному противостоянию (Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Донбасс). В рамках настоящей работы мы постараемся доказать, что решение этих проблем в рамках старой советской парадигмы государственного-территориального устройства невозможно и, в этой связи, предложить ей альтернативу.

Основная часть. Постановка проблемы нам видится следующим образом: указанные территориальные споры будут продолжаться вне зависимости от предпринимаемых сторонами мер, до тех пор, пока сами эти стороны существуют как субъекты публичного права.

Гипотетически можно представить ситуацию, в которой Украина восстановит свой суверенитет над Донецкой и Луганской областями, а также над всем Крымским полуостровом, Нагорный Карабах отойдет к Азербайджану, и т.д. Но разве в результате этого указанные конфликты закончатся? – мы так не думаем. Ведь подобного рода решение для указанных государств может стать благоприятной почвой для дискриминации местных меньшинств, не говоря уже о подавлении перманентного сопротивления, которое проявят наиболее радикальные противники такой концепции. Легитимное насилие позволит удержать эти территории, но оно не расположит местное население к соблюдению нового правопорядка, в результате чего конфликт может перейти в другую, менее кровопролитную фазу, но он на десятилетия вперед станет большой проблемой для центральной власти. Таким образом, мы можем упрекнуть сторонников разрешения территориальных конфликтов по принципу «дать то, что просят» либо в низком уровне аналитических и прогностических способностей, либо (что вероятнее) – в деятельности в личных, а не публичных интересах.

Аналогичный вывод можно сделать и о сторонниках другого рода решения: так, преимущественно в российской научной и публицистической литературе поднимается вопрос о том, как хорошо было бы провести на Украине процесс федерализации – мол, стоит провести эти реформы, и Донецк с Луганском будут готовы принять свое возвращение под власть Киева. Подобного рода идеи не имеют популярности в самой Украине, поскольку и политики, и ученые понимают, что федерализация для их государства равносильна отсроченному развалу. Вероятно, что отечественные адепты этой концепции имеют скрытый интерес развала Украины и отнятия части ее территорий. Примечательно, что даже в случае реализации такого сценария конфликтность в общении между бывшими украинскими территориями значительно возрастет, и, следовательно, добавит еще больше проблем для России, чем есть сейчас. Аналогично абсурдной идеей является вхождение Республики Беларусь в состав РФ на правах ее нового субъекта. Активное продвижение такого рода предложений на почве постсоветского реваншизма не только принижает самосознание входящих в РФ народов, но и (зная специфику отечественной федеративной системы), заведомо ставят их в подчиненное состояние. О том, как такое присоединение негативно скажется на внешнеполитическом имидже России не приходится и говорить.

Таким образом мы обнаружили порочный круг: в существующих реалиях, унаследованных постсоветскими государствами от Союза ССР, полное удовлетворение запросов одной из сторон конфликта не приведет к его прекращению. И, поскольку удовлетворение запросов всех сторон конфликтов в рамках советской парадигмы невозможно, мы предлагаем изменить данную парадигму и разорвать этот порочный круг.

В условиях глобализации, развития мирового рынка и международного разделения труда главными свойствами государств являются конкурентоспособность и хозяйственный потенциал, опыт европейской интеграции нас этому учит. В ходе такого рода интеграции крайне важно отличать первоочередные задачи от второстепенных, возможное от желаемого. Сотни хозяйственных связей, общие история, культура, язык – вот что объединяет население территорий бывшего Союза ССР. Вопрос их воссоединения в рамках нового государства не является праздным. Нам видится, что современная Россия (не говоря уже о наших соседях) в ее нынешнем виде не может быть полноценным конкурентоспособным участником международного общения. В этой связи для продолжения своего существования Россия должна ориентироваться на проведение на практике интеграционной политики. Речь в данном случае заходит несколько дальше, чем разговоры о евразийской интеграции в рамках ЕАЭС.

Такое воссоединение на постсоветском пространстве, разумеется, возможно исключительно на федеративной основе. Вопрос заключается в

том, как должна выглядеть такая федерация? Какой ей быть, чтобы вчера воевавшие друг с другом соседи согласились завтра снова жить в одной стране? Мы постараемся изложить некоторые наши мысли на этот счет.

1. *Не Российская, а новая Федерация.* Мы считаем отечественную федеративную систему несовершенной настолько, что она не сможет стать качественной базой для проведения полноценной федерализации постсоветского пространства. С позиции международного права и международных отношений такая интеграция означала бы неприкрытую агрессию, в то время как процесс, о котором мы говорим, должен носить подчеркнуто мирный, добровольный и правовой характер. Таким образом мы предлагаем не включать все соседние государства в состав РФ, а полностью реорганизовать все публично-правовое пространство бывшего СССР, в том числе распустив саму РФ.

2. *Не национальный, а территориальный.* Мы предлагаем отказаться от национально-территориального принципа образования новой федерации в пользу территориального принципа – слишком много этнических конфликтов породила эта ошибка советской власти. Однако, признавая право народов на самоопределение и культурную идентичность, необходимо внедрить в конституционный строй институт культурной автономии с тем, чтобы представители таких автономий в обязательном порядке принимали участие в отправлении публичной власти всех уровней и форм.

3. *Участие в отправлении публичной власти.* Мы убеждены в том, что федерализм возможен лишь только там, где субъекты властных отношений участвуют в отправлении власти на более высоком уровне. Речь идет о развитом представительстве регионов на федеральном уровне, а также об участии нижних уровней власти в обсуждении и принятии управленческих решений на более высоком уровне. В этой связи огромную роль в новой федерации будет играть местное самоуправление.

4. *Субсидиарность.* Еще одной составляющей федеративного принципа является принцип распределения властных функций между уровнями власти исходя из перспективы их наиболее эффективного осуществления – субсидиарность. Мы считаем необходимым отказ от централизованной системы управления федеративным государством и ставим во главу угла эффективность, а не управляемость.

5. *Право.* Предлагаемый нами путь реорганизации постсоветского пространства будет в принципе невозможен, если приведенные выше механизмы будут продуктом тайного сговора правящих элит, который не будет обладать эффектом публичной достоверности. В этой связи мы не только считаем, что весь путь нового федеративного строительства должен быть отражен в нормах сначала международного, а затем и конституционного права, но и предлагаем в качестве одной из объединительных идей для всех народов идею построения правового государства.

Заключение. Поскольку речь идет о сохранении самостоятельной государственности на территории бывшего СССР, мы считаем поднятие вопроса о такой интеграции лишь делом времени. Важно, чтобы элиты, которую будут ее осуществлять, опирались на полную народную поддержку. В этой связи мы считаем также необходимым нанести на знамена новой федерации идеи демократии, разделения властей и сменяемости власти.

УДК 342.52

ВИДЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ КОМИТЕТОВ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kulakova@donnu.ru

Введение. В современном законодательном процессе государств с развитой демократией парламентские комитеты играют одну из важнейших ролей. В комитетах осуществляется тщательное изучение законопроектов, их подготовка к обсуждению парламентом (палатой), парламентский контроль за деятельностью правительства, проведение парламентских слушаний, взаимодействие с общественностью и другими внешними субъектами.

Целью данного исследования является изучение зарубежного опыта относительно функционирования парламентских комитетов, их видов и особенностей.

Основная часть. Несмотря на то, что институт парламентских комитетов существует в парламентах всех демократических государств, не все комитеты являются одинаковыми. Некоторые парламенты имеют постоянные комитеты, которые участвуют как в нормотворчестве, так и в парламентском контроле; другие же комитеты таких функций не выполняют.

Полномочия парламентских комитетов также разнятся. Некоторые парламенты создают преимущественно специальные комитеты по расследованию. В иных же – в большинстве своем действуют постоянные парламентские комитеты.

Комитеты в парламенте составляют собственную систему, при этом каждый парламент имеет свои особенности построения системы парламентских комитетов.

Основываясь на изучении парламентской истории и традициях, можно выделить виды систем парламентских комитетов. Однако,

необходимо отметить, представленная систематизация является достаточно общей, поскольку эволюция системы комитетов является уникальной для каждого конкретного парламента.

Так, виды комитетов по форме. Комитеты могут быть постоянными или специализированными (*ad hoc* комитеты или комитеты по расследованию, которые созданы для решения специальных вопросов на ограниченной по времени основе) [1].

Действенность постоянных комитетов зависит от сложившейся парламентской традиции. В некоторых странах перечень комитетов прямо указан в регламенте парламента, что обеспечивает относительное постоянство существования комитетов при изменении политической конфигурации Парламента. Однако, в большинстве государств перечень постоянных комитетов создается после выборов по решению Парламента. В этом случае количество комитетов и их компетенция могут быть частью политических торгов.

Специальные комитеты *ad hoc* создаются по решению парламента по четко определенному вопросу. Интересной разновидностью *ad hoc* комитетов в Вестминстерской традиции являются комитеты по подготовке законопроектов. В Великобритании в Палате представителей для каждого законопроекта, который проходит рассмотрение в парламенте, создается отдельный временный комитет [2].

Комитеты по расследованиям собирают информацию о конкретных событиях и обстоятельствах, и их причинах; они также изучают финансовую и техническую сторону администрирования государственных расходов. Работа комитетов по расследованиям является дополнением к общей работе по контролю, осуществляемой комитетами.

Также парламентские комитеты можно классифицировать по направлениям деятельности.

Внутренние (организационные) комитеты парламента занимаются управлением и организацией работы внутри палаты. Кроме того, Комитет всей палаты, членство в котором имеют все члены основной палаты, часто рассматривается как альтернатива пленарному заседанию. Парламент может также создать общий контрольный комитет, который координирует контрольную работу других постоянных комитетов. Контрольный комитет может рекомендовать другим постоянным комитетам расследовать конкретные проблемы, которые им иницируются. Иные постоянные комитеты также могут обращаться с вопросами в общий контрольный комитет.

Во многих парламентах создан ряд постоянных комитетов, которые соотносятся с направлениями деятельности профильных министерств и ведомств.

Эти комитеты могут быть организованы таким образом, чтобы точно представлять сферы ответственности государственных ведомств; при этом,

иногда, один такой комитет может осуществлять контроль за более чем одним направлением деятельности конкретного профильного министерства или же одно ведомство может находиться под контролем двух или более парламентских комитетов.

Названия комитетов также достаточно разнообразны, что определяется внутренним национальным законодательством государства. Комитет с тем же названием может быть ведомственным комитетом в одном парламенте и межведомственным комитетом в другом. Такие комитеты могут выполнять исключительно законодательную функцию или совмещать ее с контрольной функцией. Обычно законодательные ведомственные комитеты выполняют и контрольную функцию, которая предполагает контроль за деятельностью правительства, а также может осуществлять контроль за имплементацией одобренных законов (Франция). Однако, в Вестминстерской модели законодательные комитеты и контрольные комитеты четко разделены. Это обусловлено в первую очередь тем, что контрольная функция комитетов имеет большее значение, чем законотворческая функция [3].

Основной функцией парламентских комитетов является подготовка материалов для обсуждения в парламенте или же его палате. Комитеты готовят доклады, иногда представитель или представители комитетов принимают участие в пленарных обсуждениях с подготовленными докладами. Работа комитетов имеет важное значение, поскольку обеспечивает информативное обсуждение в парламенте с использованием актуальной и полной информации по подготовленным вопросам.

Существование многих специализированных комитетов добавляет особую ценность парламентской работе, поскольку постоянные комитеты и комитеты *ad hoc* могут работать совместно, одновременно рассматривая ту же проблему с различных позиций. Например, план правительства по развитию инфраструктуры, может быть рассмотрен с точки зрения государственных финансов, экономического роста, гендерного аспекта и влияния на местное население. Кроме того, комитеты могут выступать и как посредники между заинтересованными группами и соответствующими органами власти (т.е. выступать уже в роли своеобразных лоббистов), а также могут служить центром привлечения граждан к работе парламента.

Заключение. Таким образом, количество, размер и состав парламентских комитетов достаточно разнообразны в каждом конкретном государстве, а общее количество депутатов в парламенте существенно влияет на число комитетов, которые создаются парламентом.

Список литературы

1. Керимов А. Д. Постоянные комиссии и комитеты в зарубежных парламентах / А. Д. Керимов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2001. – № 20 (151) [Электронный ресурс]. – Режим доступ:

<http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf151-20/vestniksf151-20020.htm> (дата 20.08.2020).

2. Эффективность организации парламентской деятельности. Сравнительные исследования (Сборник материалов) Серия: Международный опыт парламентской деятельности. Актуальные темы: Издание Совета Федерации // Аналитический вестник. – №10 (494). – 79 с.
3. Заславський О., Соколова М., Жерибор О. Функції, склад і види парламентських комітетів та їх роль у співпраці парламенту з урядом: світові практики // Часопис Парламент. Науково-популярний журнал. – Вип. 3. – 2018. – С. 9-32.

УДК 341.01

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСТВА

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц., **Омахель Я. Я.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kulakova@donnu.ru, OMAKHELY@yandex.ru

Введение. Международное право представляет собой особую систему правоотношений, фундаментом которого являются источники международного права. Источники международного права – это формы внешнего выражения международного права, в которых содержатся основополагающие нормы. В научных исследованиях делается акцент на двух основных источниках международного права – международный договор и международный обычай.

Международный договор в определенной форме выражает волю сторон, направленную на установление, изменение или прекращение их взаимных прав и обязанностей.

Другим источником выступает международный обычай – правила поведения, которых государства и другие субъекты международного права придерживаются в силу сложившихся традиций [1, с. 17].

Сфера правового регулирования международного права очень обширна. Одним из актуальных и важных аспектов являются вопросы гражданства, которые отражены в различных источниках международного права. При этом, следует отметить яркую особенность международно-правового регламентирования гражданства: общепризнанные принципы и нормы международного права, которые касаются вопросов гражданства, непосредственно не регулируют указанные вопросы. Они лишь устанавливают правовые рамки, критерии, стандарты, которые используют государства для создания собственного национального законодательства. Поэтому систематизация и исследование источников международного

права, которые регламентируют вопросы гражданства, представляется актуальным.

Основная часть. Исследователь международного права О. И. Тиунов отмечает позитивное влияние международного права на содержание института гражданства. Государства должны приводить свои национальные нормы о гражданстве в соответствие с принятыми международными обязательствами [2, с. 120].

Большинство предписаний, регулирующих вопросы гражданства, содержатся в международных договорах. Следует отметить, что заключение международных договоров – это эффективный способ разрешения коллизионных вопросов о гражданстве, при условии, что они соответствуют общепризнанным принципам международного права.

Первая многосторонняя региональная конвенция, посвященная вопросам гражданства, была принята в Рио-де-Жанейро в 1906 году. Она именовалась Конвенция о статусе натурализованных лиц, восстанавливающих свое постоянное место жительства в государстве происхождения. Участниками выступали 11 американских государств. Она устанавливает правило, согласно которому возвращение натурализованного лица в государство предыдущего гражданства влечет утрату натурализации и реинтеграцию в предыдущем государстве [3, с. 6].

В целом, международные акты, регулирующие вопросы гражданства, условно можно разделить на три группы.

Первую группу образуют международные договоры универсального характера, касающиеся прав человека в целом.

Вторую группу образуют международные акты, непосредственно посвященные вопросам гражданства.

В третью группу следует включить международные акты, регулирующие статус отдельных категорий лиц, нуждающихся в дополнительной правовой защите (беженцев, апатридов, иностранных граждан) [4, с. 29].

Международные акты, входящие в первую группу, очерчивают наличие у человека права на гражданство и определяют базисные положения о данной правовой связи человека и государства. Так, в международном праве закреплены нормы, в соответствии с которыми каждый человек имеет право на гражданство (ст. 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 7 Конвенции о правах ребенка 1989 г.).

Вторая группа включает в себя Конвенцию о некоторых вопросах, касающихся коллизий между законами о гражданстве 1930 г.; Европейскую конвенцию о гражданстве от 6 ноября 1997 г.

К последней категории международных актов относятся: Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.; Конвенция о статусе апатридов от 26 апреля 1954 г.; Конвенция о сокращении безгражданства от 4 декабря

1954 г.; Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 г. [5, с. 365].

На сегодняшний день основным международно-правовым документом Совета Европы в сфере гражданства является Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 г. Данный правовой документ содержит в себе основные вопросы, связанные с гражданством: принципы гражданства; правила его приобретения, утраты, восстановления; процессуальные права; множественность гражданства; гражданство в контексте правопреемства государств; сотрудничество между государствами-участниками. Помимо этого, нормы указанной конвенции затрагивают аспекты избежания случаев безгражданства и защиты прав лиц, постоянно проживающих на соответствующих территориях.

Также в Европейской конвенции о гражданстве закреплены фундаментальные принципы, регулирующие гражданство:

- каждый человек имеет право на гражданство;
- следует избегать безгражданства;
- никто не может быть произвольно лишен своего гражданства;
- ни вступление в брак, ни расторжение брака между гражданином государства-участника и иностранцем, ни изменение гражданства одним из супругов во время пребывания в браке не влекут за собой автоматически последствий для гражданства другого супруга [4, с.30-31].

Важно отметить значение двусторонних международных соглашений в регулировании вопросов гражданства. В подобных актах чаще всего стороны договариваются об упрощенном порядке приобретения гражданства, об урегулировании двойного гражданства, о предоставлении дополнительных льгот для граждан иностранного государства. Например, российско-казахстанское Соглашение от 20 января 1995 г. об упрощенном порядке приобретения гражданства; российско-казахстанский Меморандум об основных принципах решения вопросов, связанных с гражданством и правовым статусом граждан от 28 марта 1994 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства от 15 декабря 1996 года.

Международно-правовые обычаи довольно редко используются в регламентировании вопросов гражданства, чаще всего они встречаются в сфере дипломатической защиты граждан.

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что источники международного права, регулирующие вопросы гражданства включают в себя международные договоры и международные обычаи. Наиболее детально аспекты гражданства регламентированы в международных соглашениях как многосторонних, так и двусторонних. Главной особенностью источников международного права является их вспомогательная функция: они представляют собой своеобразные ориентиры для построения норм внутреннего права государств.

Список литературы

1. Меньшенина Н. Н. Международное право: учеб. пособие / Н. Н. Меньшенина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 100 с.
2. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: учебник / О. И. Тиунов. – 2-е изд., перераб. – Москва: Норма, 2009. – 334 с.
3. Адельсеитова А. Б. К вопросу о правовом институте гражданства в Федеративной Республике Германии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 3-8.
4. Калинин В. Н., Попов С. В. Реализация международно-правовых норм и принципов в области гражданства в Законе «О гражданстве Российской Федерации» // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 29-33.
5. Гетьман-Павлова И. В. Международное право: учебник для бакалавров / И. В. Гетьман-Павлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 709 с.

УДК 341.215.2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц., *Удовиченко В. В.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Kulakova@donnu.ru, valeriya.udovichenko@mail.ru

Введение. В последние десятилетия в мире участились вооруженные конфликты и военные действия как между государствами, так и внутри самих государств, кроме того, изменился и характер вооруженных конфликтов: ведение асимметричных войн; информационных войн; «интернационализация» вооруженных конфликтов немеждународного характера. Все это сопровождается захватом военнопленных, страданиями гражданского населения, которые нуждаются в защите. Деятельность Международной организации Красного Креста является очень весомой во всей гуманитарной сфере. Однако, неоценим ее вклад именно в период вооруженных конфликтов, чем и обусловлена актуальность исследования.

Основная часть. Существенную роль в защите жертв войны традиционно играют общества Международного комитета Красного Креста (далее – МККК) и Красного Полумесяца, мандат которых на соответствующую деятельность закреплен действующим международным правом.

Международный Комитет Красного Креста осуществляет свою деятельность в условиях как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов [1].

В своем Уставе МККК также определяет себя как «независимую гуманитарную организацию» с «особым статусом» [2], который признан в Женевских конвенциях [3] и Международными конференциями Красного Креста. Проблемы международного статуса МККК не возникло бы, если бы международно-правовыми актами на Комитет не были возложены определенные функции и предоставлены определенные полномочия. Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. для неправительственных организаций предусматривают полномочия в объеме, определенном для Держав-Покровительниц, и устанавливают специальный режим для МККК [4, с. 58-60].

Первым в зону любого конфликта, а также бедствия с предложением помощи приходят представители именно МККК. Такие действия реализуют негласный принцип работы МККК: «Прийти первым, уйти последним». Зачастую представители Красного Креста остаются в зоне конфликта даже тогда, когда все остальные миссии ООН выведены [5].

К наиболее значимым полномочиям МККК, вытекающим из Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г., следует отнести возможность:

- осуществлять гуманитарные действия для защиты жертв вооруженных конфликтов, а также предоставлять им помощь с согласия заинтересованных сторон, находящихся в конфликте. Указанное полномочие вытекает из положения, содержащегося в ст. 91 III и ст. 10 IV Женевских конвенций. Более того, в соответствии с п. 1 ст. 81 Дополнительного протокола стороны, находящиеся в конфликте, должны предоставлять МККК все средства в пределах их возможностей, позволяющие ему выполнять гуманитарные функции, возложенные на него Женевскими конвенциями и Дополнительным протоколом I с целью обеспечения защиты и помощи жертвам конфликтов.

- действовать как субститут державы-покровительницы, вытекающий из ст. 10 I-III Женевских конвенций, пункта 3 ст. 5 Дополнительного протокола I;

- пользоваться для защиты в соответствии со ст. 44 I Женевской конвенции эмблемой Красного Креста;

- осуществлять в соответствии со ст. 98 Дополнительного протокола I инициативы о созыве Сопределения технических экспертов и участие в пересмотре приложения I к названному международному договору;

- сохранять для предоставления государствам списков специально подготовленного персонала в соответствии с п. 3 ст. 6 Дополнительного протокола I;

- действовать на пользу военнопленных и гражданских лиц, что следует из ст. 123 III и ст. 140 и 142 IV Женевских конвенций;

- осуществлять деятельность, касающуюся задач Центрального агентства по розыску. В основе этого полномочия являются положения

ст. 16 I, ст. 19 II, ст. 70 III, ст. 140 IV Женевских конвенций, статей 33 и 78 Дополнительного протокола I;

- содействовать процессу оказания добрых услуг державе-покровительнице в случае расхождения между сторонами, находящимися в конфликте, и по поводу применения и толкования положений Женевских конвенций в соответствии со ст. 11, общей для всех Женевских конвенций;

- оказывать услуги для создания санитарных зон и зон безопасности в соответствии со ст. 23 I и ст. 14 IV Женевских конвенций;

- назначать нейтральных членов смешанных медицинских комиссий в соответствии со ст. 2 приложения II к III Женевской конвенции и т. др.

Также стоит отметить, что кроме прав и обязанностей вытекающих из норм международного права, МККК, как особый субъект, обладает правом выступать с гуманитарными инициативами в случае конфликта. Определяющим правилом, которым руководствуется МККК в осуществлении действий, предпринимаемых по собственной инициативе, является, то, что он делает все необходимые шаги для того, чтобы прекратить нарушение международного гуманитарного права или предотвратить его.

Право МККК на инициативу означает не только право вносить предложения, но оно придает этой гуманитарной организации право свободно действовать в достаточно широкой сфере, рамки которой четко не определены.

Следует отметить, что рамки применения этого права во время вооруженных конфликтов достаточно широки. Здесь зафиксировано только три ограничения:

- во-первых, предлагаемая деятельность должна быть гуманитарной, то есть предназначенной для человеческих существ;

- во-вторых, такая помощь не должна предоставляться с любых политических или военных соображений;

- в-третьих, она должна осуществляться с целью защиты и оказания помощи категориям лиц, определенных в каждой из Конвенций.

Проблемой, которая касается права МККК на инициативу, являются границы этого права. Как известно, любое право имеет пределы, в которых оно может быть осуществлено. Это касается и права на инициативу.

Следует отметить, что МККК оставляет за собой право выступить с публичными заявлениями по вопросу о нарушении международного гуманитарного права только в тех случаях, когда:

- нарушения являются серьезными и повторяются;

- меры, принятые в конфиденциальном порядке, не привели к прекращению нарушений;

- делегаты МККК были непосредственными свидетелями этих нарушений или о наличии и масштабе этих нарушений стало известно из надежных и проверенных источников;

- разглашение будет в интересах пострадавших или лиц, находящихся под угрозой, или населения.

Заключение. За долгие годы работы МККК накопил уникальный опыт работы и стал поистине крупнейшей в мире гуманитарной организацией. Задача МККК в его деятельности по защите людей в ситуациях вооруженного конфликта или насилия заключается в обеспечении полного соблюдения норм МГП во время вооруженных конфликтов и аналогичных норм гуманного обращения даже в тех ситуациях, когда МГП не применяется.

Возможность оказания помощи жертвам гражданских войн и внутренних беспорядков обеспечена правовыми обычаями, складывающимися в связи с активной гуманитарной деятельностью представителей МККК и связанных с ним гуманитарных организаций, в первую очередь – национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Полуторавековой опыт, широкая известность по всему миру, а также приверженность основополагающим принципам и ориентированность на реальную помощь – все это делает возможной и эффективной деятельность МККК. Поэтому существование и эффективное существование МККК является требованием современного цивилизованного общества.

Список литературы

1. Международное гуманитарное право (общий курс): справочное издание/ Нильс Мельцер. – 414 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.redcross.ru/sites/default/files/books/mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo_obshchiy_kurs.pdf (дата обращения: 07.09.2020).) – Загл. с экрана.
2. Устав Международного Комитета Красного Креста» от 24 июня 1998 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901753269> (дата обращения: 07.09.2020). – Загл. с экрана.
3. Женевские конвенции и протоколы к ним от 12.08.1949 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml> (дата обращения: 07.09.2020). – Загл. с экрана.
4. Кузнецова Е. В. Международная правосубъектность Международного Комитета Красного Креста / Е. В. Кузнецова // Международные отношения: история, теория, практика : материалы I науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, / Под ред. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: БГУ. – 2010. –189 с.
5. Официальный сайт МККК // Международный Комитет Красного Креста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/who-we-are/movement> (дата обращения: 07.09.2020). – Загл. с экрана.

КОЛЛИЗИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА

Мазина Н. Е., канд. полит. наук, доц., *Копыл И. А.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
mazina_nataliya@mail.ru

После окончания второй мировой войны начался современный этап развития международного гуманитарного права (далее МГП). Однако само существование норм не всегда предполагает их исполнение. Так на XXX Международной конференции Международного Комитета Красного Креста (далее МККК) было отмечено, что «основной причиной страданий во время вооруженных конфликтов и нарушений МГП является не отсутствие норм и их несостоятельность, а неисполнение уже существующих норм в силу отсутствия политической воли либо по другим причинам» [1, с. 4]. Научный сотрудник управления МККК по праву и стратегии Джулиана Гарсия Равель отмечает возросший в последнее время скептицизм в отношении МГП со стороны участников вооружённых конфликтов [2]. В отечественном правовом дискурсе присутствует мнение о том, что стагнация в деятельности международных институтов, а в ряде случаев и полное их бездействие в рамках обеспечения защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов, позволяют охарактеризовать состояние МГП как близкое к кризису [3]. Фактически в данной отрасли международного права присутствует коллизия (от лат. *collisio* – столкновение), которую на наш взгляд следует понимать как противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий.

Российские учёные А. И. Безверхий и Т. С. Еремеева выделяют пять факторов влияющих на соблюдение норм МГП в ходе вооружённого конфликта: материальная заинтересованность – действия под влиянием экономических факторов; ожидание взаимности – ожидание от другой стороны соблюдения законов и обычаев войны на уровне социума; взаимное доверие и уважение – взаимное соблюдение ими законов и обычаев войны на уровне политики; общественное мнение – воздействие пропаганды и других информационно-психологических технологий; криминализация в качестве сдерживающего фактора – вероятность уголовного преследования и санкций [4].

В настоящее время основным типом вооруженного противостояния становятся интернационализованные внутригосударственные вооруженные конфликты, как правило являющиеся частью более

обширных зон локально-региональной напряженности, а формируемые ими угрозы носят многоуровневый и комплексный характер. Целью государства на территории которого протекает внутренний вооружённый конфликт является уничтожение чужеродного элемента в виде антиправительственных вооружённых групп. Для достижения этой цели мобилизуются все силы государства, в том числе и информационный сектор. Следует отметить, что национальная правовая система в делах, связанных с вооружённым конфликтом, как правило нарушает не только нормы МГП, но и базовые права человека. 27 августа 2020 года вышел доклад Управления Верховного комиссара по правам человека ООН под названием «Права человека в отправлении правосудия в уголовных делах, связанных с конфликтами в Украине апрель 2014 года – апрель 2020 года» [6], в котором отмечается практическая неспособность украинской судебной системы в делах, связанных с конфликтом, выносить справедливые судебные решения и соблюдать базовые права человека.

Демонизация и дегуманизация противника, являются частой практикой в ситуациях вооружённых конфликтов. Так с украинской стороны представителей ДНР и ЛНР называют не иначе как «российские террористические наемники». Попавшие в руки ВС Украины и СБУ комбатанты, или гражданские лица, подозреваемые украинской стороной в связях с ними, осуждаются в соответствии с нормами национального законодательства, при этом часто лишаясь права на справедливое судопроизводство и подвергаются пыткам. Преследуются, в т.ч. и в судебном порядке, украинские граждане не разделяющие или выступающие против насильственно навязываемой обществу тотальной украинизации и националистической идеологии. При этом любые действия представителей националистических формирований как правило остаются безнаказанными. Усугубляется данная ситуация глобальным характером информационного противодействия. Так в случае вооружённого конфликта на Донбассе противодействие осуществляется по линии Глобальный запад – Россия.

Исходя из вышеизложенного, определяющими факторами нарушения норм МГП в делах, связанных с вооружёнными конфликтами, являются общественное мнение и материальная заинтересованность, иначе говоря «информационный» и «экономический» факторы. Под воздействием первого доминирующими в обществе становятся ценностные и моральные нормы, формируемые государственной пропагандой исходя из интересов власти или внешних бенефициаров. Экономический фактор воздействует в тесном переплетении с информационным и выражается в перераспределении экономических ресурсов, поступлениях средств и гуманитарной помощи из-за рубежа и контролем над потоками торговли оружием, людьми и наркотиками со стороны националистических вооружённых групп. Так в ходе вооружённого конфликта в бывшей

Югославии «мотивация военизированных формирований носила в основном экономический характер, хотя среди них были и явно националистические фанатики.... В само ведение военных действий была встроена мафиозная экономика, определяющая логику самоподдержания этой войны. Война обеспечивала как сохранение прибыльных источников дохода, так и защиту преступников от возможного уголовного преследования в мирное время» [5. с. 188].

Таким образом, можно утверждать, что формирование в рамках существующей системы международного права механизма придания нормам МГП императивного характера, обеспечение контроля со стороны международных организаций, объективное расследование фактов нарушения норм МГП и устранение под контролем мирового сообщества причин подобных нарушений снизит возможности манипуляций правом и выборочного применения норм МГП.

Список литературы

1. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов [Электронный ресурс] // Международный журнал Красного Креста. – 2007. – №867. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-vyzovy-sovremennyh-vooruzhennyh-konfliktov> – Загл. с экрана.
2. Juliane Garcia Ravel, Vincent Bernard. Changing the narrative on international humanitarian law [Электронный ресурс] // Humanitarian Law & Policy blog. – November 24, 2017. – Режим доступа: : <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2017/11/24/changing-the-narrative-on-international-humanitarian-law/> – Загл. с экрана.
3. Салогуб Я. Л. Нарушения норм международного гуманитарного права как показатель кризисных явлений в международном праве [Электронный ресурс] / Я. Л. Салогуб, В. В. Зимин // Вестник ВУиТ. – 2016. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narusheniya-norm-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-kak-pokazatel-krizisnyh-yavleniy-v-mezhdunarodnom-prave>. – Загл. с экрана.
4. Безверхий А. И. Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в условиях вооруженного конфликта [Электронный ресурс] / А. И. Безверхий, Т. С. Еремеева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – №82. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-soblyudeniya-norm-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-v-usloviyah-vooruzhennogo-konflikta>. – Загл. с экрана.
5. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 416 с.
6. Права человека в отправлении правосудия в уголовных делах, связанных с конфликтами в Украине апрель 2014 года – апрель 2020 года [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. – 2020. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine-admin-justice-conflict-related-cases-ru.pdf> . – Загл. с экрана.

ПРАВОВОЙ СТАТУС МУЖЧИН В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Медведев Ю. Л., канд. юрид. наук, доц., *Харитонова А. А.*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР
anastasia-0101@mail.ru

Проблема гендерного равенства в международном публичном праве имеет достаточно большое значение в наши дни. На фоне развитой нормативно-правовой базы, регулирующей права женщин, детей и стариков, статус мужчин не рассматривается должным образом. Гендерное равенство является одним из важнейших прав человека и играет ключевую роль в обеспечения мира и согласия. Поэтому задача данной работы – проследить вопросы гендерного равенства в международном публичном праве и его отражение в его нормах.

Однако стоит отметить физиологические отличия обоих полов, что, само собой, учитывается при установлении прав и обязанностей человека. К примеру, способность женщин к деторождению, что предусматривает некоторые преимущества в период беременности и послеродовой период. Также есть существенная разница в самом строении тела. В разных странах существуют свои критерии физической нагрузки для мужчин и женщин, особенно в трудовой сфере. Потому в данной статье рассмотрения различия прав по таким критериям не будет.

Рассмотрим некоторые сферы, в которых наблюдается явное неравенство прав и свобод человека и гражданина в отношении мужчин.

Первую сферу, которую следовало бы рассмотреть – это правовое регулирование прав и обязанностей мужчин в сфере военной службы. Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность: допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе [1]. Согласно ст. 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] одним из видов государственной службы является военная служба. Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» [3] говорится, что обязательное несение военной службы (по призыву) осуществляется гражданами мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет. Важно отметить, что женщины в Российской Федерации освобождены от обязательной военной службы, при этом они имеют право на осуществление военной службы на добровольной основе.

В противовес приведем пример военной службы в Израиле. В израильские вооруженные силы (ЦАХАЛ) в обязательном порядке призываются все юноши и девушки, возраст которых достиг 18 лет. Однако и тут прослеживается некое неравенство: мужчинам положено отслужить в течение 36 месяцев, срок службы для женщин при этом составляет 24 месяца. Также призыву в ЦАХАЛ не подлежат: замужние женщины; женщины, имеющие детей; религиозные девушки.

Некоторые признаки гендерной дискриминации можно наблюдать и в уголовной сфере. К примеру: в уголовном кодексе Республики Беларусь [4] статья 166 пункт 1 гласит: «Половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (изнасилование) – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет.». Здесь четко указывается, что изнасилование наказуемо только в отношении женщины, то есть по закону жертвой сексуального насилия может выступать только женщина. Мужчина, по мнению государства, изнасилован быть не может, он может выступать исключительно в роли агрессора.

Рассмотрим статью 59 пункт 2 этого же кодекса: «смертная казнь не может быть назначена: 1) лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет; 2) женщинам;...» [4] Данная статья явно дискриминирует мужчин, наделяя привилегией женщин.

Так согласно статье 54 УК РБ «арест не может быть назначен женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов. Мужчин имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов арестовывать можно.» [4]

Немаловажная сфера, в которой нередко встречается дискриминация по половому признаку – это семейная сфера. Во всей Части IV. «Об исках о взыскании алиментов» Гражданского кодекса Франции [6] не указано, что ребенок может потребовать выплаты алиментов именно от матери в случае проживания с отцом.

В статье 124 гражданского кодекса Испании [7] сказано: «Регистрация отцовства может быть прервана по требованию матери в течение года после рождения. Если отец потребует подтверждение записи, тогда будет необходимым судебное одобрение, после заслушивание публичным обвинителем»

Согласно Международной Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 года [8] «малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью».

На государственном уровне существует множество организаций, посвященных проблемам женщин: Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, НИИ охраны материнства и детства

Минздрава Республики Беларусь, Координационный комитет по вопросам семьи, материнства и детства при Президенте Российской Федерации, даже семейная выплата за рождение второго и последующих детей называется материнским капиталом. При этом не существует никаких отцовских капиталов, нет центров охраны отцовства и детства, нет координационных комитетов по вопросам семьи, мужчин и детей. В Республики Беларусь девочки проходят регулярные обязательные гинекологические осмотры, проводятся месячники профилактики рака молочной железы.

Рассмотрение дискриминации в трудовой сфере можно начать с рассмотрения статьи 253 Трудового кодекса РФ [9]: «Ограничивается применение труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах, за исключением нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию.»

Вообще в трудовом кодексе Российской Федерации достаточно много предоставляется льгот женщинам, в частности женщинам, имеющих детей в возрасте до трех лет. В данных статьях не указываются случаи содержания и воспитания ребенка отцом. К примеру, это статьи 298 «ограничение на работы вахтовым методом», статья 254 «Перевод на другую работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет» [9].

Проанализировав вышеуказанные нормативно-правовые акты, следует выделить основную проблему международного сообщества. Во Всеобщей декларации прав человека указано [11]: «Статья 2. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Однако на основе анализа имеющихся в распоряжении нормативно-правовых актов международного права в сфере гендерного равенства можно выявить существенные недочеты и ошибки, ущемляющие права по половому признаку. Несмотря на достижения человечества и активное продвижение идеи гендерного равенства имеется ряд проблем практически во всех сферах общественных отношений, которые в настоящее время должно решить международное сообщество.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 32–53.
2. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации»: от 27.05.2003 г. №58-ФЗ: (действует с 27.05.2003). – СЗ РФ. – 02.06.2003. – № 22.
3. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе": от 28.03.1998 N 53-ФЗ.- Собрание законодательства Российской Федерации. -13.05.2013. – № 19

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (в ред. от 13.07.2012) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 15.10.1999, – № 76. – 2/50
5. Закон Китайской Народной Республике «о браке» : от 10.09.1980г., (с поправками от 28 апреля 2001 г.)- [Электронный ресурс] <https://ru-chinafamily.livejournal.com/3854.html>
6. Жюллио де ла Морандьер Леон. Гражданский кодекс Франции. Издательство иностранной литературы. – М., 1958 г.
7. Гражданский кодекс Испании. Издательство иностранной литературы. – М., 1958 г
8. Декларации прав ребёнка Резолюция ГА ООН 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 г.// Международная защита прав и свобод человека, М.: Юридическая литература. 1990 г.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1).
10. Кодекс законів про працю України / Затверджено законом України №322-VIII від 10.12.71 ВВР, 1971.
11. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1948 г. // Международные и российские механизмы. – М.: Московская школа прав человека, 2000. – 370 с.

УДК343.337.4

ДОКАЗЫВАНИЕ В ДЕЛАХ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ, В КОТОРЫХ УСМАТРИВАЕТСЯ ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Николаева Е. Б.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия» г. Донецк, ДНР
nikolaeva@minjust-dnr.ru

Новое руководство Украины продолжает отдавать преступные приказы, вследствие которых на протяжении 6 лет совершаются военные преступления и противоправные действия, грубо нарушающие статьи Женевской конвенции.

По-прежнему остается проблема незаконных задержаний и удержаний, смерти гражданских лиц вследствие обстрелов вооруженными силами Украины. Остаются нерасследованными преступления, совершенные незаконными вооруженными формированиями Украины «Азов», «Айдар», «Днепр» и т.д., а также преступления, связанные с артиллерийскими и авиационными ударами вооруженных сил Украины по мирным городам селам Донбасса.

В данной ситуации граждане, которые испытали на себе последствия преступных приказов становятся носителями информации и

верификаторами данных о произошедшем. Подробности совершённых военных преступлений и преступлений против человечества, а в некоторых случаях и опознание виновных, места, даты и другие сведения, возможно получить только через очевидцев произошедшего.

Следует отметить, что, несмотря на все намерения международного сообщества предотвратить вооруженные конфликты, массовые нарушения прав человека, широкое распространение получило совершение международных преступлений, которые лишь в XX веке повлекли за собой миллионы невинных смертей и привели к истреблению целых народов и наций. Поэтому одной из самых актуальных проблем международно-правовых отношений современности является проблема эффективного реагирования и предотвращения наиболее жестоких преступлений глобальных масштабов.

В связи с указанным в июле 1998 года в Риме 120 государств – членов ООН приняли Римский статут, который стал юридической основой для деятельности нового учреждения – постоянно действующего Международного уголовного суда. Римский статут вступил в силу 1 июля 2002 года, после того, как его ратифицировали 60 государств.

В соответствии с Римским статутом Международный уголовный суд (далее – МУС) обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности [1, с. 70]. Использование доказательств в правоприменительной практике МУС на сегодняшний день затруднено отсутствием чёткого перечня доказательств и специальной нормы, регулирующей предмет доказывания. При этом порядок собирания, проверки и оценки доказательств, который закреплен Римским статутом МУС (далее – Статут МУС) и Правилами процедуры и доказывания (далее – ППД) имеет существенные отличия от национальных уголовно-процессуальных законодательств [2, с. 90].

Несмотря на отсутствие в Статуте специальной нормы, регулирующей предмет доказывания, Судебная палата должна исследовать «все существенно важные обстоятельства, необходимые для доказательства совершения преступления» [3].

И. Ю. Белым путём проведения анализа Статута МУС и ППД были определены обстоятельства, достаточные для оснований полагать, что лицо совершило военное преступление [4, с. 69].

Порядок сбора доказательств по делам о военных преступлениях в МУС указан в разделе III «Собирание доказательств» главы 5 «Расследование и уголовное преследование» ППД МУС. При этом доказательства оцениваются с точки зрения допустимости и относимости [5].

В своём первом приговоре, дело № ICC-CPI-20120314-PR776 «Прокурор против Томаса Лубанги Дийло», МУС проанализировал применённые им принципы оценки доказательств. Судебная камера МУС

подчеркнула, что решения должны быть основаны только на доказательствах, которые: были представлены суду; обсуждались в суде, в том смысле, что они являются частью судебных протоколов; признаны судом допустимыми.

Такими доказательствами могут быть не только устные показания, но и другие материалы, обсуждавшиеся в письменных ходатайствах сторон процесса [6, с. 80].

На сегодняшний день, вырабатываются и укрепляются собственные процедуры Европейского Суда, которые предназначаются для совершенствования стандартов доказывания для осуществления международного правосудия. Вместе с этим в собственной практике Европейского суда предлагаются сформированные им критерии допустимости доказательств.

В случаях, когда в судебном процессе не присутствовал свидетель и сделанные им ранее заявления были допущены в качестве доказательства, должны применяться принципы, которые уточняются и обобщаются в постановлениях Большой Палаты, что можно проследить по делам «Al-Kawajaand Taheryv. The United Kingdom» (15 декабря 2011 г.) и «Schatschaschwiliv. Germany» (15 декабря 2015 г.).

В постановлении по делу «Schatschaschwiliv. Germany» Суд дал следующие разъяснения своей позиции: отсутствие уважительной причины для неявки свидетеля, хотя само по себе и не может иметь решающее значение для несправедливости судебного разбирательства, тем не менее, является важным фактором, который следует сопоставить при оценке общей справедливости судебного разбирательства и который может склонить чашу весов в пользу установления нарушения ст. 6 (п. 1) во взаимосвязи с подп. «d» п. 3 ст. 6. Суд считает, что наличие достаточных уравнивающих факторов должно быть рассмотрено не только в делах, в которых показания, данные отсутствующими свидетелями, были единственным или решающим основанием для осуждения, но и в тех делах, в которых они имели существенное значение, и их принятие могло ущемить интересы защиты [7, с. 10-11].

Целесообразность рассмотрения, по мнению Суда, заключается в трёх этапах теста, который был применён в деле «Al-Kawajaand Tahery v. The United Kingdom». Суть этих этапов заключалась в выяснении следующих обстоятельств: имелась ли уважительная причина для неявки свидетеля в судебное разбирательство; имелись ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие препятствия, с которыми сталкивалась сторона защиты; были ли показания отсутствующего свидетеля единственным или решающим основанием для осуждения заявителя [8, с. 94].

Каждый последующий шаг к совершенствованию процессуального законодательства связывают с недочётами, которые выявляет судебная

практика и реакцией социума на остроту наличествующей проблемы. В таком сложном, вопросе, как доказывание, некоторых случаях толчком могут послужить решения Европейского суда по правам человека и приговоры Международного уголовного суда. Внимание к институту доказывания связано с той фундаментальной ролью, которую он продолжает играть в международном и национальном правосудии.

Список литературы

1. Ведерникова О. Н. Римский Статут Международного уголовного суда: критический анализ / О. Н. Ведерникова // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 70-78.
2. Белый И. Ю. Универсальность международной системы уголовного правосудия / И. Ю. Белый // Вестник военного права. – 2016. – № 4. – С. 80-94.
3. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 20.09.2020).
4. Белый И. Ю. Сбор и представление доказательств по делам о военных преступлениях в международном уголовном суде / И. Ю. Белый // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 8. – С. 68-71.
5. Правила процедуры и доказывания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/publisher,ICC,,,53a1a3754,0.html> (дата обращения 20.09.2020).
6. Григорян Г. М. Доказательства и доказывание по делам о военных преступлениях, совершаемых сторонами конфликт / Г. М. Григорян // Уголовный процесс. – 2017. – № 9 (153). – С. 76-83.
7. Дело «Шачашвили (Schatschaschwili) против Германии» // Избранные постановления Большой палаты Европейского суда по правам человека. – 2017. – 38 с.
8. Гаджиев Х. И. Вопросы доказывания в практике Европейского суда по правам человека / Х. И. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 78–95.

УДК 340

ПРАВА ВОЕННОПЛЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

Одегова Л. Ю., канд. юрид. наук, доц., ***Бариз Е. Л.***

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

odegova@donnu.ru, bariz906@gmail.com

Проблема гуманизма и «человекоцентризма» особенно актуализируется в период вооруженных конфликтов. Резкое усиление конфликтности в мире в последнее время вызывает острую необходимость в решении проблем, связанных с практическим применением и

соблюдением норм международного гуманитарного права. Отметим, что во всем мире количество человек, находящихся сегодня в плену, является неопределенным. Ежедневно в средствах массовой информации сообщается о неоднократных нарушениях норм международного права в вооруженных конфликтах, о росте преступлений против человечества, геноциде. Если эти действия примут еще более широкий масштаб и останутся безнаказанными, то международное право может легко утратить авторитетность и свою эффективность.

Нормы международного гуманитарного права всегда являлись регуляторами отношений между субъектами международного права по поводу защиты прав человека и его основных свобод как в мирное время, так и во время вооруженных конфликтов [1, с. 11], и до недавнего времени для жителей Донбасса имели в большей степени научно-информационный, а не практический характер. Однако сегодня ситуация в корне изменилась. Несмотря на то, что нормы о военнопленных уже существуют почти полвека, многие практические вопросы, связанные с практикой их применения, все же остаются.

За все время существования человечества международное сообщество разработало и согласовало нормы международного гуманитарного права, сформировав таким образом основные принципы ведения войны. Одним из таких основных принципов следует признать принцип защиты жертв войны, выражающийся в обеспечении воюющими сторонами правовой защиты жертвам войны: раненым, больным, лицам, потерпевшим кораблекрушение, военнопленным, гражданскому населению, то есть предоставление им такого статуса, который гарантировал бы гуманное отношение к ним и делал бы невозможным насилие, издевательства, унижение достоинства.

Защита военнопленных предусмотрена рядом международных документов, наиболее значимыми из которых являются: Гагская конвенция 1907 г., III Женевская конвенция 1949 г. и Дополнительные протоколы I и II 1977 г.

Именно в данных международных актах закреплены нормативные положения, которые касаются правового статуса военнопленных. Важно подчеркнуть, что никакие меры удерживающих их властей или их собственные действия не могут привести к утрате военнопленными этого статуса во время плена.

В ст. 44 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 [2] понятие военнопленный определено лаконично: любой комбатант, попадающий под власть противной стороны, является военнопленным. В то же время об этой категории участников вооруженных конфликтов подробно говорится в Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 [3]. В частности, в ст. 4 Конвенции указано, что военнопленными являются лица, попавшие под власть врага и

относящиеся к одной из следующих категорий: весь личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; личный состав добровольческих отрядов и других ополчений, включая личный состав организованных Движений Сопротивления, если они соответствуют нижеследующим условиям: а) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; б) имеют определенный отличительный знак, который четко видно издали; в) открыто носят оружие; г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны; личный состав регулярных вооруженных сил, считает себя подчиненным правительству или власти, не признанных государством, которое держит их в плену; лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно (поставщики, военные корреспонденты и т.д.); члены экипажей судов торгового флота, экипажей гражданской авиации сторон; население неоккупированной территории, которое при приближении врага стихийно, по собственной инициативе, становится к оружию.

Дополнительный протокол I устанавливает, что статус военнопленных не распространяется на многие категории лиц. Так, не пользуются «благоприятным обращением в соответствии с конвенциями или в соответствии с настоящим Протоколом» согласно ст. 46 лица из состава вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте, попадающие во власть противной стороны в то время, когда они занимаются шпионажем. Не имеют права на статус военнопленного наемники (ст. 47 ДП I). Но и в этих случаях этим лицам предоставляются гарантии, изложенные в ст. 75 Дополнительного протокола I [2].

Женевская конвенция об обращении с военнопленными предостерегает, что медико-санитарный состав и духовный персонал, задержанные государством, держащим их в плену, с целью оказания помощи военнопленным, не должны считаться военнопленными.

Таким образом, вполне очевидно, что субъектами со статусом военнопленного могут быть исключительно комбатанты.

Временными границами статуса военнопленных является момент, с которого лица попадают под власть врага, и до момента их окончательного освобождения и репатриации.

Важным аспектом в сфере защиты прав военнопленных является то обстоятельство, что они находятся под властью враждебного государства, а не отдельных лиц или воинских частей, захвативших их в плен. В этой связи именно государство, держащее в плену будет отвечать за обращение с военнопленными. После прекращения военных действий военнопленные как правило сразу же освобождаются и возвращаются на родину.

III Конвенция 1949 г. – «Конвенция о военнопленных» – подробно регламентирует обращение с военнопленными (статьи 21–108), именно:

- запрещение пыток и правила проведения допроса;

- военнопленные имеют право на уважение их личности и чести;
- право на достойные условия жизни, хорошее питание и жилье, медицинское обслуживание;
- свобода вероисповедания;
- право на надлежащие условия труда и право на отдых;
- право на связь с семьей, переписку и получение корреспонденции;
- право на справедливый суд и др.

Вывод. Проблемой международного гуманитарного права является его декларативность. Сегодня механизмы контроля за соблюдением норм международного гуманитарного права, в частности по определению статуса пленных и обращения с ними, не являются достаточно эффективными, поскольку государства обращаются к правовым предписаниям международного гуманитарного права только тогда, когда им это выгодно.

Международное право в целом и международное гуманитарное право в частности не могут допускать «двойных» стандартов. Поэтому перспективой будущих научных исследований должны быть не только статус военнопленных, но и ответственность за несоблюдение норм обращения с военнопленными. Безусловно, право на жизнь и право на свободу – это те права, о которых следует помнить и соблюдать всегда и которые не должны ограничиваться даже в условиях войны, поэтому надлежащая правовая регламентация и действенный механизм защиты прав военнопленных требует дальнейшего усовершенствования.

Список литературы

1. Международное гуманитарное право: учебник / под ред. А. Я. Капустина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2015. – 639 с.
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/>
3. Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 12 августа 1949 г.) // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540382/>

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕТЬМИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Одегова Л. Ю., канд. юрид. наук, доц., *Рудь Ю. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
odegova@donnu.ru, yulia120798@yandex.ru

Право на образование является одним из основных прав человека, реализация которого способствует формированию ребенка как здоровой, интеллектуально развитой, духовно богатой, творческой личности.

Образование в современном мире – это способ самовыражения ребенка в обществе – возможность свободно высказывать свои взгляды, идеи, мысли; источник знаний и умений, необходимых для полноценного существования; ключевой инструмент в процессе социализации детей, развитии их коммуникативных качеств.

В главном международно-правовом документе, посвященном правам детей и обеспечению их воплощения в жизнь – Конвенции о правах ребенка 1989 года содержится указание о том, что «государства-участники признают право ребенка на образование...». Для осуществления данного права государства-участники вводят бесплатное и обязательное начальное образование; поощряют развитие различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечивают его доступность для всех детей и принимают такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи; обеспечивают доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств; обеспечивают доступность информации и материалов в области образования и профессиональной подготовки для всех детей; принимают меры по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу [1].

Право на образование длительное время оставалось прерогативой определенных слоев населения. В XXI веке рамки и ограничения по поводу реализации детьми права на образования были сняты. Однако международное сообщество обеспокоено существующими до сих пор проблемами в образовательной сфере в различных странах. Основная из которых – невозможность обеспечения открытого и равного доступа к образованию для всех детей.

В 2015 году всеми государствами-членами ООН была принята Повестка дня в Области Устойчивого Развития на период до 2030 года. Данный документ представляет собой общий план обеспечения мира и процветания для людей и планеты как сейчас, так и в будущем. В его основе лежат 17 Целей устойчивого развития, которые являются

настоятельным призывом к действиям всех стран – развитых и развивающихся – в рамках глобального партнерства.

Цель № 4 гласит: «Обеспечить инклюзивное и справедливое качественное образование и содействовать созданию возможностей для обучения на протяжении всей жизни для всех» [2].

В связи с вышесказанным, а также с тем, что образование имеет приоритетное значение в жизни ребенка, в 2019 году Социальный форум – ежегодная встреча, организуемая Советом по правам человека, был сосредоточен на вопросе *«поощрения и защиты прав детей и молодежи посредством образования»*.

В основных выводах Доклада Социального форума 2019 года указываются наиболее распространенные причины, возникающие в сфере образования и препятствующие получению детьми справедливого, инклюзивного и качественного образования. Среди названных факторов на первом месте выступают такие как: бедность; дискриминационные законы и политика; конфликты и чрезвычайные ситуации; насилие; детский труд; финансовые затраты на образование; чрезмерная коммерциализация системы образования; неадекватные учебные заведения, включая санитарию и гигиену, и недоступность заведений для детей-инвалидов; неадекватные людские, технические и финансовые ресурсы; обучение на незнакомом языке, а также слабость учебных программ и методов обучения. [3, с. 21-22].

Исходя из выработанных на данном форуме рекомендаций, можно сделать вывод о том, что современные государства, различные международные организации как универсального, так и регионального характера, само гражданское общество и другие заинтересованные стороны должны безоговорочно уважать, защищать и осуществлять все права детей, особенно их право на образование.

Международную поддержку в обеспечении государствами права детей на образование также оказывает Комитет по правам ребенка – орган по наблюдению за соблюдением Конвенции о правах ребенка.

В 2014 году несовершеннолетние лица получили возможность на обращение за защитой своих прав в Комитет по правам ребенка ООН. Данное право предусмотрено третьим Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка 1989 г., касающимся процедуры сообщений, от 19 декабря 2011 г., вступившим в силу 14 апреля 2014 г.

Согласно Факультативному протоколу существуют три основные процедуры подачи подобных обращений: индивидуальные сообщения, расследования, межгосударственные сообщения-жалобы [4, с. 78].

С помощью указанного механизма многие дети могут повлиять на то, чтобы получить допуск к образовательному процессу. Так, например, 12-летней марокканской девочке было запрещено посещать школу в Мелилье, испанском анклав в Северной Африке. Она и ее мать в Испании относятся к категории жителей с неурегулированным правовым статусом,

поэтому ребенок не имел права на доступ к государственной системе образования, несмотря на то, что достиг возраста обязательного школьного обучения (с 6 до 16 лет).

В ноябре 2019 года девочка вместе со своей матерью направили жалобу в административный суд Мелильи с требованием, чтобы ее допустили к обучению в школе. Судья постановил, что заявитель должен получать образование в Марокко.

В феврале 2020 года девочка с матерью вновь направили индивидуальную жалобу в Комитет по правам ребенка. В ней было указано, что ребенок не имеет семейных связей в Марокко, поэтому требование поехать без необходимого сопровождения для получения образования в другой стране и на другом языке является невыполнимым.

Комитет сразу обратился к правительству Испании. Впоследствии, 24 марта, местная администрация сообщила девочке о том, что она принята в государственную школу в Мелилье [5]. Данный случай – одно из самых быстрых решений, которое было принято с помощью механизма рассмотрения индивидуальных жалоб.

Таким образом, право на образование является одним из преобладающих прав человека и ребенка. Обеспечение его реализации – главная задача каждого современного, демократического и правового государства. Однако и сегодня имеют место случаи, когда по определенным причинам, получение образования становится невозможным. Для преодоления данных проблем действуют международные механизмы защиты прав ребенка. Один из них – Комитет по правам ребенка ООН, деятельность которого демонстрирует его эффективность в общемировом деле защиты прав детей.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс] / Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon. – Дата обращения: 10.09.2020.
2. 17 целей / Департамент по экономическим и социальным вопросам [Электронный ресурс] / Официальный сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам – Режим доступа: <https://sdgs.un.org/goals>. – Дата обращения: 10.09.2020.
3. Доклад Социального форума 2019 года. 43 сессия. – 10 января 2020 года. – 27 с. [Электронный ресурс] / Документы ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/43/63>. – Дата обращения: 10.09.2020.
4. Кулакова Н. А. Механизм подачи жалоб в рамках Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [Текст] / Н. А. Кулакова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14, Право. – 2015. – № 3. – С. 75-86.
5. Комитет ООН приветствует решение Испании разрешить марокканской девочке учиться в государственной школе [Электронный ресурс] / Официальный сайт УВКПЧ. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25908&LangID=R>. – Дата обращения: 10.09.2020.

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ЭКОЦИД»

Одегова Л. Ю., канд. юрид. наук, доц., **Сокур А. С.**

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

odegova@donnu.ru, nastya.sokur.555@gmail.com

Актуальность данного исследования обусловлена в первую очередь ухудшением экологического состояния окружающей среды, а во вторую очередь – устойчивой тенденцией несоблюдения экологической безопасности как на международном, так и на национальном уровнях, при том, что одним из критериев дальнейшего благоприятного существования человечества определено сохранение и поддержание благоприятной экологической среды. Экоцид не получил должного научного освещения, поскольку представляет собой достаточно новый вид преступлений против мира и безопасности человечества по сравнению с иными традиционными деяниями, а также совершается и выявляется реже, чем, например, экологические преступления. Рассмотрение понятия «экоцид» в правовой науке крайне важно для разрешения вопросов квалификации содеянного и разграничения экоцида от ряда иных смежных составов. Анализ вариаций определения данного понятия в правовой доктрине, представляет собой несомненный интерес.

Следует отметить, что в научной литературе существуют различные подходы к формулировке данного понятия. Экоцид в широком смысле представляет собой полное уничтожение экосистемы, а в узком смысле – рассматривается по составляющим критериям: уничтожение растительного и животного мира, нанесение ущерба атмосферному воздуху, водным и лесным ресурсам, что может привести к экологической катастрофе [1, с. 39].

В международном праве отсутствует закрепленное унифицированное понятие «экоцида», которое бы в полной мере характеризовало данное международное преступление. Следует отметить, что наличие соглашений на международном уровне выступает необходимым элементом взаимодействия государств и международных организаций в вопросах противодействия причинения вреда окружающей среде и, как следствие, человеку.

Так, в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г. не использован термин «экоцид», но заложены основы для определения данного преступления. Положения данной Конвенции направлены на запрет применения военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в

качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда другим государствам-участникам. Используемый в данной Конвенции термин «средства воздействия на природную среду» относится к любым средствам для изменения динамики, состава или структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу, атмосферу, космическое пространство путём преднамеренного управления природными процессами. Представляется, что данные критерии формируют лишь основу для определения понятия «экоцид», а не являются полным и всеобъемлющим его понятием.

Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принятый на дипломатической конференции в Женеве от 08.06.1977 г., содержит нормы, регламентирующие защиту природной среды от серьезного, долговременного и обширного ущерба при ведении военных действий. Защита природной среды предполагает запрет использования средств и методов, которые могут причинить ущерб природной среде, а соответственно и здоровью населения. Однако, следует понимать, что экологический ущерб окружающей среде может быть нанесён не только в процессе военных действий, поскольку существует реальная угроза экологической катастрофы, но и вне зависимости от ведения вооружённых конфликтов.

Термин «экоцид», по мнению некоторых авторов, был введен в научный оборот американским ученым, биологом-ботаником, профессором Йельского университета, доктором Артуром Гальстоном в 1970 г. При этом следует отметить, что продолжаются споры о том, кто впервые ввёл понятие, затрудняющее понимание этимологии слова «экоцид» [2, с. 336-339].

Изначально термин «экоцид» берет свои истоки от греческих и латинских корней, где *oikos* (греч.) – дом, жилище, родина, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать. Термин обладает схожестью со значением геноцида, где *genos* (греч.) – род, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать. Термин также обладает схожестью со значением биоцида, где *bios* (греч.) – жизнь, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать [3, с. 366]. Схожесть рассматриваемых понятий заключается в активной направленности действий на уничтожение родины, рода, жизни в целом, т.е. это действия, которые направлены на уничтожение человечества, окружающей его среды обитания, жизни в целом. Экоцид бесспорно является одним из тяжких противоправных деяний, посягающим на мир и безопасность человечества. Данное преступление направлено на то, чтобы подорвать либо уничтожить естественную среду обитания человека, вызвать ухудшение благосостояния населения, его здоровья, полное или частичное вымирание, кроме того оно влечет за собой негативные последствия, которые

угрожают безопасности всего человечества, а также могут привести к экологической катастрофе.

А. М. Плешаков понимает под «экоцидом» умышленное действие или совокупность таковых, которые направлены на причинение невосполнимого ущерба природе, а результатом данного преступного деяния является нарушение экологической взаимосвязи отдельного региона или группы таковых с естественной средой обитания человека, а также любое другое негативное воздействие на окружающую среду с целью создания условий, направленных на полное или частичное уничтожение различных национальных, этнических, расовых или религиозных групп [4, с. 82]. Представляется, что данная формулировка является более точной, поскольку содержит указание на умысел как форму вины, свойственную субъективной стороне состава названного преступления. Также, экоцид в данном случае обретает черты как формального, так и материального составов. Автор акцентирует внимание на том, что следствием причинения вреда окружающей природной среде будут являться негативные факторы для существования человека, а также на том, что целью экоцида является создание условий, как природных, так и жизненных, рассчитанных на истребление человека.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что экоцид – международное экологическое преступление, которое совершается как в период вооруженного конфликта или военных действий, так и в мирное время с целью нанесения ущерба окружающей среде и антропогенным объектам, которое влечёт за собой экологическую катастрофу и угрозу безопасности человечеству.

Необходимо отметить, что всё более распространённым негативным явлением выступает вред, причинённый экологической среде, который наносит ущерб экологии не только на конкретной территории, но и оказывает трансграничное влияние на окружающую среду, что представляет собой угрозу экологической катастрофы в целом. Должное закрепление на международном уровне экоцида как преступления против мира и безопасности человечества позволит оказать необходимое влияние как на государства, так и на принимаемые ими решения, реализация которых может повлечь за собой значительный экологический вред или гибель окружающей среды, в таком случае осуществляемые действия будут квалифицированы уже как международное преступление. Криминализация экоцида на международном уровне позволит восполнить пробелы национального законодательства об охране окружающей среды, а также способствовать её защите и развитию.

Список литературы

1. Прохоров Л. А. К вопросу об определении содержания понятия «экоцид» // Журнал: Очерки новейшей камералистики. – 2019. – № 1. – С. 38-40.
2. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовное право РФ / Л. В. Иногамовой-Хегай – М: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 352 с.
3. Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю — Кишинев: Гл. ред. Молд. совет. энцикл. – 1989. — 406 с.
4. Плешаков А. М. Экологические преступления против мира и безопасности человечества // Государство и право. – 1994. – №7. – С. 81-90.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ НАРОДА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Олийнык И. Л., канд. юрид. наук, доц.

Дегтярева Л. Н., канд. юрид. наук, доц.,

Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Воронеж, РФ
oliynyk_k_ap@mail.ru

Введение. Современный этап развития России как многонациональной страны, провозглашающей самоопределение народа, весьма противоречив. Сегодня мы можем констатировать, что национальный вопрос для нашего государства, с его многообразием наций, этносов, традиций, носит фундаментальный характер.

Основная часть. Проблемой юриспруденции в современном мире на протяжении десятков лет остаются вопросы сущности принципов права. Изменения законодательства в сфере межнациональных отношений позволяют нам говорить о необходимости уточнения содержания и реализации принципа многонациональности, как в международном, так и в национальном праве. В. В. Ершов определяет принципы права как самостоятельную основополагающую (фундаментальную) внешнюю форму российского права, определяющую его сущность, обеспечивающую сбалансированное состояние (гомеостазис) национального права, его взаимосвязь, целостность и внутреннее единство [1, с.7-8].

В вопросе выделения видов конституционных принципов права, основное внимание уделено гласности, законности, федерализму, гуманизму. В то же время, несмотря на то, что принцип многонациональности народа не часто становится предметом исследования ученых-конституционалистов, его можно определить, как актуальный в современной науке. Обращаясь к

Основному закону России, первое, на что мы акцентируем внимание – это преамбула: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Часть 1 ст. 3 Конституции РФ устанавливает, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ» [2]. Полагаем, что основным критерием исключительности и автономии российской цивилизации является именно многонациональность.

Именно поэтому можно утвердительно заявить, что многонациональность – это качество, характеризующее Российскую Федерацию, в которой проживают различные этносы и народы. И здесь примечательна одна важная деталь: конституционная конструкция «многонациональный народ» – является особенностью Российской Федерации, поскольку идентичное словосочетание не встречается больше ни в одной современной конституции.

Заслуживает внимания научный подход А. А. Выходова, который рассматривает конституционный принцип многонациональности в двух аспектах: как устоявшуюся особенность нашего государства, в состав которого входят различные этносы и народы; и как целостность и внутреннее единство национальных и религиозных групп, имеющих устойчивую правовую связь с государством и постоянно проживающих на определенной территории [3, с. 8].

Мы полагаем, что соблюдая фундаментальные гуманистические принципы, можно говорить об эффективном развитии межнациональных отношений в государстве. Уместна здесь ссылка на положения международного законодательства. Так, Организация Объединенных Наций в своем Уставе определяет подходы к взаимоотношению государств, регулированию отношений между ними через «...развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов; принятие других соответствующих мер для укрепления всеобщего мира» [4].

На наш взгляд, идея многонациональности не является чем-то абстрактным и вполне допустима для использования в праве как регуляторе общественных отношений.

В качестве аргументов нашей точки зрения мы приводим следующие утверждения:

1) Российская Федерация есть многонациональное государство, национальным называть его некорректно (скорее всего, уместно назвать его «наднациональное»);

2) учитывая многонациональный состав нашей страны, Конституция РФ закрепляет и гарантирует права и свободы всех граждан в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;

3) предоставленное право человеку и гражданину Российской Федерации определять и указывать свою национальную принадлежность,

удачно дополнено правом свободного перемещения внутри страны, правом выбора места проживания и жительства.

Обозначенные выводы тесно переплетаются с положениями Основного закона государства до внесения в него изменений. Вместе с тем, следует акцентировать внимание на то, что трансформация ч. 1 ст. 68 Конституции в 2020 году идет вразрез с принципом многонациональности. То есть, говорить о том, что русские в нашей стране являются не более чем одним из народов, проживающих на территории государства после поправки «...русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» по меньшей мере, нелогично. Внесенные поправки подчеркивают, что «русский» – это не просто язык общения между нациями, это «особое» положение русской нации в многонациональном народе. На наш взгляд, нормативно закрепляя принцип многонациональности народа, некорректно выделять, так называемый, «государствообразующий народ» на фоне равноправных народов России, тем более, что такая формулировка открыто противоречит статьям 3, 26, 29 Конституции России.

Мы уверены в том, что многообразие народов выступает необходимым условием развития, как государства, так и всего общества. Сложно поспорить с тем, что российская цивилизация, состоящая из социально-исторических этносов, является достоянием и преимуществом нашего государства. Тем более, эта цивилизационная особенность отмечается и в выступлениях Президента РФ по национальному вопросу, где В. В. Путин акцентирует внимание на том факте, что «...за века существования государства, несмотря на существование определенных проблем с языками народов России, с культурой и обычаями, не исчез ни один, даже самый малый этнос» [5]. Следовательно, многонациональность российского народа, его культурная идентичность и внутренняя самостоятельность прочно закреплены как в нашем сознании, так и в практике государственного строительства.

Заключение. Учитывая вышесказанное, перспектива развития государственной национальной политики видится авторам в едином, взвешенном и системном подходе, глубоком понимании сути межнациональных противоречий, гибкости и способности принимать быстрые и ответственные решения. Полагаем, что в основе укрепления государственной целостности Российской Федерации должны лежать гарантии сохранения самобытности многонационального народа, защита от возможных притеснений, создание гармонии и согласия, достаточная степень свободы и самоопределения.

Список литературы

1. Ершов В. В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2009. – 22 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 15.09.2020)
3. Выходов А. А. О сущности принципа многонациональности в праве // Экономические и гуманитарные науки. – 2014. – № 11 (274). – С. 8-12.
4. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14-47.
5. Выступление Президента России. Большая пресс-конференция В. В. Путина 2019 г. // <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/bolshaya-press-konferenciya-2019/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-2019> (Дата обращения: 15.09.2020).

УДК 341.232.2

СУЩНОСТЬ И ПРИЧИНЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, *Московский В. В.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» Донецк, ДНР
v.polyakov@donnu.ru, vladislav.moskovsky98@gmail.com

Введение. В XXI веке, в ряду с такими проблемами как межэтнические, межконфессиональные, внутригосударственные конфликты, терроризм, стоят проблемы социально-экономического характера, среди которых голод, безработица, а также региональные и глобальные финансовые кризисы. Данному массиву проблем мировое сообщество уделяет пристальное внимание. Именно для борьбы с ними в Бреттон-Вудсе 22 июня 1944 года была создана крупнейшая международная финансовая организация, основной целью которой являлось поддержание баланса в мировой финансовой системе, а также минимизация риска возникновения негативных побочных эффектов, связанных с финансовой конкуренцией в частности и экономической деятельностью государств в целом.

Основная часть. Однако, не смотря на наднациональный характер деятельности Международного Валютного Фонда (далее – МВФ) и коллегиальный принцип управления им, на сегодняшний день деятельность фонда нельзя признать эффективной и соответствующей основным задачам организации. Думается, что причины указанного связаны с недостатками структуры управления фондом, а также в политике предоставления финансовой помощи государствам. Для выявления данных проблем и разработки направлений их решения необходимо проанализировать принципы управления МВФ, а также проанализировать механизм предоставления помощи на примере конкретного прецедента.

Нормы, отражающие структуру управления МВФ, содержатся в статье 12 Бреттон-Вудского соглашения. Согласно ее положениям, органами управления являются Совет управляющих, Исполнительный совет и Директор-распорядитель. Полномочия указанных органов, согласно положениям статьи, являются взаимно делегируемыми. При этом отдельного внимания заслуживает процесс формирования данных органов. Так, численность управляющих от той или иной страны, а следовательно, и количество голосов в исполнительном совете, определяется Дополнением А Бреттон-Вудского соглашения [1, с. 215]. Данное дополнение трансформирует международную организацию с присущим ей равенством сторон в международное акционерное общество, объем прав и возможностей влияния в котором определяются путем вычисления доли в уставном капитале Фонда. На сегодняшний день крупнейшим бенефициаром фонда выступают Соединенные Штаты Америки (далее – США) с долей квоты в 17,46 %, что равно 82 994,2 млн специальных прав заимствования, в долларовой выражении это практически 118 миллиардов долларов США. Указанное позволило США приобрести уникальное право вето на все решения Исполнительного совета МВФ. Поэтому США часто используют такое преимущество при определении курса кредитной политики и условий ее реализации в отношении тех или иных стран. Так, с неравенством участников, а также реализацией права вето связывают неэффективную политику Фонда в таких странах как Руанда, в которой условия предоставления кредита привели к гражданской межплеменной войне. Югославия, в которой кредит от МВФ вызвал увеличение внешнего долга, в результате чего в стране увеличился уровень сепаратизма, который привел к гражданской войне [2 с.105]. Указанное позволяет прийти к выводу о том, что именно система квот как основа формирования ключевых органов управления МВФ в значительной мере обуславливает неэффективность воздействия Фонда на международную экономическую систему.

В системной связи с нормативно закрепленным неравенством участников коллегиальных органов управления МВФ находится Меморандум о сотрудничестве. Меморандум о сотрудничестве является международным аналогом условий предоставления кредита. Однако если в гражданском законодательстве кредитные условия имеют статус публичности – для всех субъектов желающих заключить договор они будут одинаковыми, то меморандум о сотрудничестве индивидуален для каждой страны кредитополучателя. Так, по условиям меморандума о сотрудничестве, который подписала Украина, государство должно обеспечить повышение цен на коммунальные услуги, уменьшение количества и размера социальных выплат, проведение земельной, судебной реформы, а также реформа банковской системы. Кроме того, Меморандум содержит условие, в соответствии с которым Национальный

банк Украины при принятии решения о банкротстве банка не будет учитывать решения украинских судов относительно законности или незаконности такого решения [3]. Все эти условия были приняты Кабинетом Министров Украины и получили нормативное закрепление в Постановлении об одобрении проекта Письма о намерениях правительства Украины и Национального банка к Международному валютному фонду и проекту меморандума об экономической и финансовой политике от 19.05.2020 № 756-р [4]. Подобные условия в своем большинстве полностью противоречат 2 статье устава ООН, а именно части 4 и 7, которые запрещают ООН, международным организациям и государствам членам, каким – либо образом посягать на государственный суверенитет. Также Фонд предоставлением подобных кредитов нивелирует цели собственного создания, а именно недопустимость применения мер, которые могут навредить благосостоянию страны-кредитополучателя, а также содействие в уменьшении количества нарушений платежных обязательств стран – членов Международного Валютного Фонда.

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу о несоответствии деятельности Международного Валютного Фонда целям его создания, поскольку большинство решений об условиях предоставления кредитов принимается, исходя не из фундаментальных целей и принципов его деятельности, а из интересов крупнейших бенефициаров. Причины подобной неэффективности видятся в зависимости процедуры принятия решений от квот, а также индивидуального меморандума как условий предоставления кредитов.

Список литературы

1. Будс Р. Б. Бреттон-Вудская конференция ООН в 1944 г. (К истории создания Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития) / Р. Б. Будс // Новая и новейшая история. – 2010. – 421 с.
2. Герчикова, И. Международные экономические организации. – М., 2014. – 234 с.
3. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо удосконалення механізмів регулювання банківської діяльності: Закон України від 13.05.2020 № 590-IX [Электронный ресурс] // ІПС ЛІГА:ЗАКОН URL: <https://ips.ligazakon.net/document/view/T200590?an=1> (дата обращения: 25.09.2020).
4. Про схвалення проекту Листа про наміри Уряду України і Національного банку до Міжнародного валютного фонду та проекту Меморандуму про економічну та фінансову політику від 19.05.2020 № 756-р [Электронный ресурс] // Урядовий портал URL: <https://www.kmu.gov.ua/npas/pro-shvalennya-proektu-lista-pro-namiri-uryadu-ukrayini-i-nacionalnogo-banku-do-mizhnarodnogo-t200520> (дата обращения: 25.09.2020)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ ГРАЖДАН СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, *Шимановский Д. И.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.polyakov@donnu.ru, denis.shimanovskiy@rambler.ru

Введение. В связи с последними событиями в мире очередной раз обострилась проблема незаконной миграции. Миграции могут быть вызваны рядом различных причин, к примеру, финансовыми, военными, политическими, социальными и другими. Тысячи представителей малообеспеченных стран различными способами и методами добираются до экономически развитых государств.

Впрочем, почти все государства, в частности страны Европейского Союза сталкиваются с проблемами правового регулирования миграции, хотя институт миграции в них существует давно.

История миграции берет свое начало с древности, Новиков И. Д. указывал, что «изначально люди мигрировали с целью поиска наиболее благоприятных мест для проживания с плодородными почвами. Также одной из причин переселения человечества явилась необходимость освоения новооткрытых земель в период географических открытий» [1].

По мнению Тюренковой К. А. «современные миграционные процессы, протекающие в различных регионах Земного шара, оказались под сильным влиянием таких явлений, как глобализация и региональная интеграция (в частности, европейская интеграция)» [2].

Основная часть. В связи с историческими событиями в Европейском союзе сложилась развитая система правового регулирования миграционных вопросов, для которых было внедрено большое количество нормативно-правовых актов. Данная система правового регулирования состоит из двух уровней – 1 уровень – законодательство стран, входящих в Европейский Союз, 2 уровень – законодательные акты Европейского Союза.

Например, в Европейском Союзе существуют нормативные правовые акты, регулирующие права и условия въезда в Европейский Союз членов семей мигрантов, студентов, ученых и т.д. Также в Европейском Союзе существуют Шенгенский и Визовый кодексы Европейского Союза, которые и регулируют процессы миграции, что говорит о верховенстве права Европейского Союза над национальным правом в соответствии с Лиссабонским договором.

Для улучшения режима свободного передвижения и проживания иностранных граждан из третьего мира в странах Европейского Союза существуют директивы. Ими регулируются положения о возвращении на родину нелегальных иммигрантов, а также санкции против бизнеса, использующего иностранную рабочую силу незаконно [3].

К примеру, 25 ноября 2003 года была принята Директива Совета Европейского Союза 2003/109/ЕС о статусе граждан третьих стран, проживающих на долгосрочной основе [4]. В данной Директиве идет речь о том, что лица, которые проживают в Европейском Союзе на долгосрочной основе, имеют такие же права, как граждане ЕС, в следующих вопросах: право на доступ к оплачиваемой и неоплачиваемой работе, условиям труда; право на образование и профобучение; и т.д.; право на доступ ко всей территории соответствующего государства-члена.

А 22 сентября 2003 года была принята Директива Совета Европейского Союза 2003/86/ЕС о праве на семейное воссоединение [5]. В данной Директиве, в частности, рассматриваются вопросы долгосрочного и краткосрочного пребывания. Так, в соответствии, со ст. 6 Директивы предусмотрено краткосрочное пребывание, которое составляет три месяца и является свободным. Долгосрочное пребывание в случае превышения трёх месяцев свободно для определенных лиц, которые подпадают под определенные критерии, указанные в ст.7.

19 июля 2019 года вступило Дублинское соглашение, которое регламентирует отношения между странами Европейского Союза при предоставлении убежища. В соответствии с этим Соглашением, что только одно государство, предоставившее убежище, будет нести ответственность за рассмотрение дела об убежище. По прибытии в государство – член Европейского Союза проситель должен отправить запрос о предоставлении убежища.

Однако существует огромная проблема нелегальной миграции и торговля людьми. Из-за данной проблемы во многих странах Европейского Союза появилась проблема безопасности населения и безопасности государства. Как отмечал Танделаты Х. А. «миграция оказалась тем вызовом, который требует чрезвычайно уверенных и позитивных действий» [7]. Основными поводами для нелегальной миграции являются военные конфликты, изменение климата, природные катастрофы, политические преследования, нищета, низкий экономический уровень, эпидемии и другие.

Европейский Союз кроме правового регулирования легальной миграции имеет нормативные правовые акты, которые предотвращают незаконную миграцию в которых установлены санкции за преступления, связанные с содействием проникновению и пребыванию незаконных мигрантов. В частности, одним из таких документов является Директива от 28 ноября 2002 года «Об установлении определения для помощи

незаконному въезду, транзиту и пребыванию» и Рамочное соглашение от 28 ноября 2002 года «Об усилении уголовно-правовых стандартов в целях наказания помощи незаконному въезду, транзиту и пребыванию».

В законодательстве Европейского Союза существуют пробелы в регулировании миграции. В частности, отсутствует единое понятие «мигрант»; нет конкретных полномочий Европейского Союза относительно передвижения людей по территории Европейского Союза; отсутствие единого механизма реагирования на угрозы миграции; несовершенство законодательства и мер по адаптации иммигрантов к условиям труда, быта и культуры страны их пребывания и т.д.

Заключение. Таким образом, существуют проблемы, связанные с незаконной миграцией и Европейскому Союзу следует выработать новые принципы и программы действий; установить долгосрочные цели и приоритеты, сформировать новые подходы в реализации иммиграционной политики. Представляется необходимым увеличение объема полномочий Европейского Союза по контролю за передвижением иностранных граждан по его территории, а также создание единого механизма реагирования на угрозы иммиграции, и на проблему расселения мигрантов; совершенствовать миграционное законодательство. Однако, на данный момент между странами Европейского Союза возникают противоречия в расселении мигрантов, что приводит к внутренним конфликтам в Европейском Союзе. Поэтому до тех пор, пока государства Европейского Союза не наладят диалог в отношении данной проблемы, не перестанут перекладывать ответственность друг на друга, миграционные вопросы так и останутся нерешенными.

Список литературы

1. Новикова И. Д. Международно-правовое регулирование незаконной миграции в рамках Европейского Союза // *Science Time*. – 2018. – № 5 (53). – С. 36.
2. Тюренкова К. А., Муравьева К. А. Тенденции регулирования миграционных процессов в Европейском Союзе: политико-правовой аспект // *Гуманитарные исследования*. – 2017. – № 1 (61). – С. 111.
3. Потемкина О. Ю. Иммиграционная политика Европейского Союза: проблемы и перспективы. – М.: Русский сувенир, 2010. – С. 18.
4. Директива Совета Европейского Союза 2003/109/ЕС о статусе граждан третьих стран, проживающих на долгосрочной основе от 25.11.2003 г. // СПС «Гарант».
5. Директива Совета Европейского Союза 2003/86/ЕС о праве на семейное воссоединение от 22.09.2003 г. // СПС «Гарант».
6. Директива Совета Европейского Союза 2004/38/ЕС Европейского парламента и совета от 29.04.2004 г. // СПС «Гарант».
7. Танделаты Х. А. Миграционный кризис в Европе: проблемы и перспективы урегулирования // *Государственное и муниципальное управление. Учетные записки*. – 2017. – № 4. – С. 274.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Полякова Н. Г., канд. юрид. наук, *Лавский А. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

n.polyakova@donnu.ru, rustam12890@gmail.com

Характерное для современного мира усиление террористической угрозы требует формирования эффективного и согласованного механизма противодействия ей как на национальном, так и на международном уровнях. Указанное обуславливает необходимость разработки и применения соответствующих правовых актов. Тем не менее, отдельные аспекты реализации общепризнанных норм международного права в условиях ограничения примата последнего над национальным публичным правом порождают комплекс вопросов о действии международного уголовного права, в том числе, в отношении такого преступления международного характера как захват заложников. Указанное, а также высокая социальная опасность данного преступления обуславливает актуальность исследования.

Следует отметить, что захват заложников относится к числу конвенционных полиобъектных преступлений, основным объектом которого выступает общественная безопасность, дополнительным – свобода человека, неприкосновенность личности, а факультативный объект – отношения по охране здоровья и жизни человека, собственности, а потому по смыслу международных актов, Уголовного Кодекса Российской Федерации, а также Уголовного Кодекса ДНР, относится к тяжким и особо тяжким преступлениям [1; с.40].

Проблемы квалификации захвата заложников получили своё развитие в трудах Ю. В. Григоровича, М. Ю. Зеленкова, М. В. Лебедева, О. Ю. Резепкина, А. В. Серебрянниковой, Н. А. Чернядьевой и др.

Среди международных нормативно-правовых источников, регламентирующих указанные правоотношения, следует обозначить Конвенцию ООН о борьбе с захватом заложников 1979 г., которая определяет данное преступление как акт террористической деятельности и выделяет совокупность квалификационных признаков её интернационального применения в отношении совершенного деяния: когда преступление совершено вне пределов одного государства, когда заложник и предполагаемый преступник являются гражданами нескольких государств и когда предполагаемый преступник находится не на территории этого государства-участника, где совершено преступление

(ст. 13); если условия освобождения удерживаемого в качестве заложника лица прямо или косвенно взаимосвязаны с требованиями, выдвигаемыми иному государству-участнику, международной межправительственной организации (статья 1) [2].

Таким образом, отсутствие или неопределенность данных условий в значительной степени осложняет межгосударственное и межрегиональное сотрудничество, в том числе по реализации правосудия и экстрадиционного взаимодействия. К данному блоку следует отнести, согласно позиции Серебрянниковой А. В., также особенности, связанные с захватом заложников в нарушение Женевских Конвенций 1949 года, где состав рассматривается в качестве военного преступления Римским Статутом Международного уголовного суда [3; с.46].

Факультативным квалифицирующим признаком, на наш взгляд, выступает ограничение национальной юрисдикции от юрисдикции международных судов при совершении международного преступления. Так, Григорович Ю. В., Стрилец М. В. справедливо указывают, что индивидуальная международная ответственность лиц, совершающих преступления против общественной безопасности, перед международным сообществом наступает в том случае, если преступник (в том числе, захватчик – прим. автора) или соучастники действуют от собственного имени и в собственных интересах, интересах преступной группы лиц, и государство при этом осуществило комплекс необходимых мер по предупреждению и предотвращению подобных действий. Если же лицо действует в интересах государства, международной, международной межправительственной организации, преступление является международным с применением санкций солидарно в отношении физических лиц, государства, организации [4, с.75].

Следует отметить отсутствие единого подхода к квалификации захвата заложников на борту воздушного судна. Так, на основе анализа положений ст.3 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. можно выделить следующие квалификационные признаки международного характера захвата заложников: если место взлета или место фактической посадки воздушного судна находится вне пределов территории государства регистрации такого воздушного судна, вне зависимости от внутреннего и международного рейса (п. 3 ст. 3); если место взлета и место фактической посадки воздушного судна, на борту которого совершено преступление, не находятся на территории одного и того же Государства-участника настоящей Конвенции [5].

Вместе с тем, в настоящей Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов оговаривается, что «независимо от места взлета или места фактической посадки воздушного судна, если преступник или предполагаемый преступник находится на территории иного Государства,

чем Государство регистрации воздушного судна», действуют предусмотренные данной Конвенцией положения о выполнении процессуальных действий, а также выдачи и иной правовой помощи (п. 5 ст. 3) [5].

Как отмечает Ф. Р. Сундуров, формулировки позиций Уголовного Кодекса Российской Федерации не соответствуют подходам, изложенным в международных актах. В частности, в Токийской конвенции 1963 г. «О преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна» указывается, что независимо от того, где проходит полет, во время совершения преступления действует юрисдикция государства регистрации воздушного судна [6, с.133].

Следовательно, в случае совершения преступления на борту находящегося в полете воздушного судна, приписанного к порту России, ответственность наступает по УК РФ, независимо от того, где осуществляется полет, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. Следовательно, возникает коллизия норм, регламентирующих квалификацию захвата воздушного судна и соответственно захвата на борту заложников в качестве преступления международного характера.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что для дальнейшего успешного взаимодействия и экстрадиционного сотрудничества нормы международного права о квалификации захвата заложников должны применяться с учетом положений законодательства РФ, в том числе, поправок в Конституцию от 14 марта 2020 г.

Список литературы

1. Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Том 2: 2-ое издание, дополненное и переработанное / Под ред. А. В. Бриллиантова. – СПР «Консультант Плюс», 2013. – 644 с.
2. Конвенция ООН о захвате заложников, принята 16 декабря 1970 г. в г. Нью-Йорке, резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / СПР «Кодекс». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900308>. – Дата обращения: 23.09.2020. – Загл. с экрана.
3. Серебренникова А. В. Международно-правовые акты, посвященные противодействию терроризму и захвату заложников / А. В. Серебренникова, М. В. Лебедев // Безопасность бизнеса. – 2019. – №. 6. – С. 42-46.
4. Стрилец М. В. Международная ответственность за совершение международных преступлений и преступлений международного характера / М. В. Стрилец // Международный научный журнал «Интернаука». – 2018. – Вып. № 16. – С. 74-77.
5. Конвенция ООН о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, принята 16 декабря 1970 г. в г. Гааге [Электронный ресурс] / СПР «Кодекс». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900308>. – Дата обращения: 23.09.2020. – Загл. с экрана.
6. Сундуров Ф. Р. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 864 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, ВИНОВНЫХ В ВОВЛЕЧЕНИИ ДЕТЕЙ В ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Савченко А. А.¹, Бугаёва П. Н.²

¹ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ,

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

a.a.savchenko@mail.ru, bugaeva_polina@mail.ua

Введение. Дети признаны наиболее уязвимой частью населения в соответствии с Декларацией 1974 г. о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов [1]. Уязвимость означает отсутствие специальной защиты тех, чье «существование» и «самобытность» подвергается опасности. Крючкова Е. А. и Ковалева Т. С. отмечают, что ребенок, взрослея в условиях вооруженных конфликтов, испытывает на себе повышенное негативное воздействие. Ребенку сложнее адаптироваться в конфликтной ситуации и реагировать на нее, а его благополучие зависит от института семьи, который может быть уничтожен в результате вооруженных столкновений [2]. В соответствии с международными стандартами в области прав человека, семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства. Эти факты определяют важность наличия эффективного механизма привлечения к ответственности лиц, виновных в вовлечении детей в вооруженные конфликты.

Целью данной работы является исследование правовых аспектов международной ответственности лиц, виновных в вовлечении детей в вооруженный конфликт.

Основная часть. Согласно положениям Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов и Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 года, касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, государства-участники должны принять законодательство, устанавливающее, что вербовка в вооруженные силы или вооруженные группы детей, не достигших 15-летнего возраста, а также их участие в боевых действиях являются уголовными преступлениями. Государства-участники Факультативного протокола 2000 г. к Конвенции о правах ребенка должны принять законодательство, устанавливающее, что вербовка в вооруженные силы или в вооруженные группы лиц, не достигших 18-летнего возраста, а также их участие в боевых действиях является преступлением.

Доронина П. Е. отмечает, что «несмотря на факт введения международных ограничений в сфере вербовки детей и их использования в вооруженных конфликтах, адаптация соответствующих норм в национальных правовых системах далека от оптимума, о чем свидетельствуют факты, выявленные на основе анализа законодательства и правоприменительной практики» [3].

На международном уровне ответственность за вовлечение детей в вооруженные конфликты закреплена в Римском статуте Международного уголовного суда. Согласно пп. xxvi п. b ч. 2 ст. 8 военным преступлением является «набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях», что касается международных вооруженных конфликтов, а пп. vii п. e ч. 2 ст. 8 содержит аналогичное положение для вооруженных конфликтов немеждународного характера [4]. Совершение военных преступлений влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность.

Первый в истории приговор Международного уголовного суда (далее – МУС) был вынесен 14 марта 2012 г. именно за преступление, заключающееся в наборе и вербовке детей в возрасте до 15 лет в состав вооруженных сил. Обвиняемым являлся Томас Лубанга Дьило, лидер «Союза конголезских патриотов», который в период с сентября 2002 г. по 2 июня 2003 г. совершил военные преступления, предусмотренные ст. 8(2)(e)(vii) Римского статута МУС. Он использовал детей в возрасте от 9 лет в качестве боевиков, охранников и сексуальных рабов [5]. По итогу дела Томас Лубанга Дьило был приговорен к 14 годам лишения свободы.

Данное решение МУС является прецедентным, содержит в себе официальную позицию МУС относительно состава преступления, толкования различных терминов (определение понятий «вербовка» и «участие в военных действиях» лиц, не достигших возраста 15 лет) [6]. Указывается, что согласие несовершеннолетнего, его желание участвовать в военных действиях не влияет на декриминализацию преступления. Суд твердо отрицает любую возможность согласия ребенка на участие в вооруженном конфликте, даже учитывая образ жизни и сознание детей, выросших в условиях непрекращающихся конфликтов. Также суд широко трактует термин «участие в военных действиях». К такому участию относится обслуживание комбатантов, нахождение на передовой, сексуальная эксплуатация, работа в качестве посыльного и т.д. Отмечается также, что, принимая решение о размере наказания, Суд анализировал опыт деятельности иных международных судов и трибуналов по делам, связанным с использованием несовершеннолетних в военных действиях. Так, отдельное внимание уделено решениям Специального Суда по Сьерра-Леоне [7].

Выводы. Таким образом, для повышения эффективности международного права государство-участник Римского статута должно

изменить свое уголовное законодательство, чтобы принцип экстерриториальной уголовной юрисдикции применялся в отношении преступлений вербовки и использования в боевых действиях детей, не достигших 15 лет. Принцип универсальности же основан на концепции, гласящей, что за преступлением признается такая степень тяжести, что все государства имеют компетенцию в уголовном порядке преследовать лиц, виновных в таком преступлении. Эта компетенция имеет силу независимо от того, где было совершено преступление, какова национальная принадлежность преступника и национальная принадлежность жертвы [8].

Список литературы

1. Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов [Электронный ресурс]: Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 3318 (XXIX) от 14 декабря 1974 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml (дата обращения: 08.09.2020).
2. Крючкова Е. А., Ковалева Т. С. Защита прав детей в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые стандарты // Материалы V Международной научной конференции. Ученый совет факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, 2016. – С. 27-32.
3. Доронина П. Е. Пресечение участия детей в вооруженных конфликтах: международно-правовая регламентация // Научно-образовательный центр «ЗНАНИЕ». – С. 240.
4. Римский статус Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: 17 июля 1998 г. A/CONF.183/9. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 08.09.2020).
5. Judgment pursuant to Article 74 of the Statute [Электронный ресурс]: 05 April 2012. ICC-01/04-01/06-2842. URL: <https://www.icc-cpi.int/pages/record.aspx?uri=1379838> (дата обращения: 10.09.2020).
6. Чернышёв К. Первый приговор Международного уголовного суда: Решение Судебной палаты I Международного уголовного суда от 14 марта 2012 года в соответствии со статьей 74 Римского статута по делу «Прокурор против Томаса Лубанги Дийло» // Международное правосудие, 2012. – № 3(4). – С. 29.
7. Волчкевич А. И. Специальный суд по Сьерра-Леоне: особенности правового статуса и основные проблемы деятельности // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. – 2011. – № 3. – С. 16-28.
8. Замечание общего порядка № 10 «Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» [Электронный ресурс]: 25 апреля 2007 г. CRC/C/GC/10. – URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/crc/Rcrcomm10.html> (дата обращения: 10.09.2020).

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Соловьёва Ю. А., канд. юрид. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Soloveva5585@bk.ru

Введение. Вопросы возможности и механизмов реализации принципа самоопределения народов приобрели актуальности еще в историческую эпоху деколонизации, но и сегодня остаются предметом острых юридических дискуссий. Связано это с тем, что ни в одном из международных актов в достаточной мере не раскрывается содержание принципа самоопределения народов, его соотношение с принципом территориальной целостности государств, условия и механизмы его реализации, что приводит к признанию права на самоопределение одних народов (например, Косово), и непризнанию иных (например, Абхазия, Южная Осетия).

Основная часть. Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 1970 г. [1] закреплено, что в соответствии с принципом равноправия и самоопределения народов, каждый народ имеет право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус, осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право. Данной Декларацией к формам осуществления народом права на самоопределение отнесено следующее: 1) создание суверенного и независимого государства; 2) свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; 3) установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом.

Таким образом, право на самоопределение условно можно разделить на два вида – внешнее и внутреннее. Внутреннее самоопределение подразумевает возможность определенной группы населения государства принимать участие в его управлении, не подвергаться дискриминации в контексте доступа к руководству страной и пр. Внешнее самоопределение подразумевает, прежде всего, установление международно-правового статуса территории [2, с. 137].

В тоже время в науке международного права бытует мнение, что внешнее самоопределение нельзя рассматривать вне колониального контекста. Так, Комитетом по вопросам ликвидации расовой

дискриминации в Общей рекомендации XXI о праве на самоопределение 1996 г. отмечено, что под внешним аспектом самоопределения необходимо понимать право народов свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации. Отдельные же народы того или иного независимого государства, по мнению Комитета, права на одностороннее отделение не имеют [3].

Представителями науки международного права по этому поводу отстаивается точка зрения, что отделение «народов» (этнических групп) независимого государства потенциально возможно на основании внутреннего самоопределения, то есть в случае, когда конкретное государство само признает возможность или право на самоопределение [4, с. 290]. Правомерными способами реализации указанного принципа можно считать, во-первых, наличие такой возможности в Конституции государства (например, ст. 72 Конституции СССР), а, во-вторых, получение непосредственного согласия «материнского государства» на отделение (например, референдум о независимости Шотландии 2014 г). В других же случаях реализация принципа самоопределения народов «вступает в конфликт» с принципом территориальной целостности государств и соответственно противоречит ему.

С отмеченным полностью не соглашается профессор международного права Университета Св. Иоанна (Нью-Йорк) Кристофер Борген, по мнению которого возможность претендовать на самоопределение как исключительную меру предоставляется при наличии таких условий: 1) группа людей сможет доказать, что является народом; 2) государством серьезно нарушаются права этой группы людей; 3) отсутствуют другие эффективные меры в рамках внутреннего или международного права, которые могут решить проблемы этой группы людей [5, с. 1].

Аналогичного подхода придерживается и А. А. Хасанов, который обращает внимание на то, что в случае если государство нарушает принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод, то реализация права народа на самоопределение является правомерным основанием для создания независимого государства. Если же деятельность государства полностью соответствует международным нормами (поощряя и развивая «уважение» к правам и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии), то образование нового государства как формы самоопределения является недопустимым [2, с. 138].

Отметим, что такой научный подход нашел отображение и в судебной практике. Так, согласно постановлению Верховного суда Канады

в «Ответе, касающемся отделения Квебека» сказано, что право на отделение возникает только в случаях, «где «народ» управляется как часть колониальной империи; где «народ» является объектом подчинения иностранному игу, иностранного господства или эксплуатации; а также, возможно, где «народу» отказано в каком бы то ни было осмысленном осуществлении его права на самоопределение в пределах государства, часть которого он образует. В других обстоятельствах от народов ожидается достижение самоопределения в рамках их существующего государства [6, с. 8].

Заключение. Согласно нормам международного права принцип самоопределения народа может быть реализован при условии сохранения территориальной целостности государства. Правомерность реализации указанного принципа в форме отделения (создание суверенного и независимого государства) признается только при наличии такой возможности в Конституции государства (например, ст. 72 Конституции СССР) либо при получении непосредственного согласия «материнского государства» на отделение. Тем не менее судебной практикой (постановление Верховного суда Канады в «Ответе, касающемся отделения Квебека») доказывается обратное: право на отделение автоматически возникает в случае если государство нарушает принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод (например, агрессия против мирного населения, массовые нарушения прав человека и пр.).

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.08.2020).
2. Хасанов А. А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал российского права. – № 10 – 2017. – С. 133-142.
3. Общая рекомендация XXI о праве на самоопределение 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/1_Global/INT_CERD_GEC_7493_R.doc (дата обращения: 10.08.2020).
4. Musgrave T. D. Self-Determination and National Minorities / T. D. Musgrave. – Oxford Press University, 2000. – 344 p.
5. Borgen Christopher. The Language of Law and the Practice of Politics: Great Powers and the Rhetoric of Self-Determination in the Cases of Kosovo and South Ossetia (September 11, 2009) [Electronic resource] / Chicago Journal of International Law. – 2009. – Vol. 10. – 33 p.
6. Заключение Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) «О соответствии международному праву проекта Федерального конституционного закона № 462741-6 «О внесении изменений в Федеральный

конституционный закон Российской Федерации «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»»: одобрено Венецианской комиссией на ее 98-м пленарном заседании (Венеция, 21–22.03.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://supreme.court.gov.ua/userfiles/CDL_AD_2014_004_2014_03_21.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

УДК 340

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Соловьёва Ю. А., канд. юрид. наук, ***Лопатин А. Ю.***

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Soloveva5585@bk.ru, ant.lopatin2100@yandex.ua

На сегодняшний день, роль таможенных органов в государственной сфере находится на стадии активного развития и приобретает все большую актуальность. Необходимо сказать, что от правильного и максимального обеспечения функционирования и взаимодействия таможенных органов, как между собой, так и с иными субъектами органов исполнительной власти, зависит экономическая и территориальная целостность государства, ее защита от посягательств, угрозу которых несут разные внешние факторы. Таким образом, органы таможенной службы нуждаются в постоянном совершенствовании с целью поддержания эффективного функционирования, что и представляет актуальность выбранной темы.

Эффективное функционирование общественных отношений целиком зависит от того, какой подход выберет само государство в решении таких вопросов. В первую очередь, органы государственной власти должны следовать тщательно разработанному плану, который должен включать в себя осуществление тех необходимых действий, выполнив которые, общественные отношения будут регулироваться должным образом.

В Российской Федерации данный подход применяется в отношении вопросов, касающихся развития в области транспорта, экономики, а также, органов таможенной службы. В конце 2012 года Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию развития таможенной службы до 2020 года, что было продиктовано переходом России на инновационный принцип развития экономики, а также расширением масштабов осуществления внешнеэкономической деятельности [1, с. 11].

В соответствии со Стратегией развития таможенной службы до 2020 года, были разработаны следующие основные направления совершенствования таможенных органов [2]:

1. Совершенствование таможенного контроля после выпуска товаров. Данное направление предусматривало собой создание необходимых условий, при которых предусматривалась экономическая нецелесообразность деятельности по незаконному перемещению товаров через таможенную границу Таможенного союза и их дальнейшему обращению на территории Российской Федерации.

2. Совершенствование реализации фискальной функции, предусматривающей осуществление действий, направленных на регулирование основ таможенных платежей, правильность их начисления и др.

3. Совершенствование правоохранительной деятельности, что представляет собой реформы, направленные на укрепление органов правоохранительной деятельности путем взаимодействия с иными правоохранительными органами и органами исполнительной власти.

4. Содействие развитию интеграционных процессов и развитие международного сотрудничества, что предусматривало, прежде всего, активизацию участия органов таможенной службы Российской Федерации на международной арене.

5. Совершенствование системы государственных услуг, что включало в себя, в первую очередь, повышения качества осуществляемых государственных услуг в рамках таможенного дела.

6. Совершенствование таможенной инфраструктуры, что предусматривало количественное расширение помещений размещения таможенных органов и их приобретения за счет средств, изымаемых с федерального бюджета.

7. Совершенствование информационно-технического обеспечения (ИТО) за счет внедрения новых информационных технологий и технических средств, опираясь на последние достижения науки и техники.

Также данная Стратегия предусматривала направления, связанные с расширением кадров, а также решением различных социальных вопросов.

Важно отметить, что, по мнению ряда экспертов все направления, указанные в Стратегии, успешно реализованы. При этом основой успешной реализации стало совершенствование средств связи между сотрудниками таможенных органов путем внедрения цифровых технологий. Например, созданы центры электронного декларирования, обеспечивающие связь между инспектором и декларантом на расстоянии. Такая мера применена во избежание развития коррупции в таможенных органах [4].

Далее нововведения коснулись и процедуры таможенного декларирования. Создание системы форматно-логического контроля позволяет автоматическое заполнение таможенной декларации, что, бесспорно, вызывает одобрение.

В качестве последующего аргумента, подтверждающего эффективное выполнение плана Стратегии, являются показатели количества деклараций на товары, оформленные на импорт в период с 2013 по 2020 гг. Необходимо отметить, что благодаря выполненному плану, количество деклараций, по которым выявлены риски, уменьшилось. Например, в 2013 году число таких деклараций составляло 2786 шт., в то время, как в 2019 году их сумма составила 1670 шт. [3].

Заметим, что с целью последующего развития органов таможенной службы в Российской Федерации была принята новая Стратегия развития таможенной службы до 2030 года.

Таким образом, можно констатировать, что Стратегия развития таможенной службы в Российской Федерации до 2020 года в большей мере реализована и, по нашему мнению, все возможные недочеты ликвидирует новая Стратегия мероприятий развития таможенной службы в РФ до 2030 года. В Донецкой Народной Республике имеет место необходимость принятия соответствующего нормативно-правового акта, включающего в себя основные направления совершенствования деятельности таможенной службы, с целью дальнейшего поддержания эффективного осуществления своих полномочий, которое имеет место на сегодняшний день в Республике.

Список литературы

1. Коварда В. В., Харланова В. Н., Реутова Ю. И. Исследование влияния деятельности таможенных органов на формирование благоприятного предпринимательского климата в России // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 2, <https://esj.today/PDF/02ECVN219.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
2. Распоряжение Правительства РФ «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» [электронный ресурс] – [от 28.12.2012 N 2575-р] – [в ред. от 10.02.2018]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140447/ – (дата обращения: 01.10.2020)
3. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ деятельности таможенных органов в рамках реализации основных стратегических документов, направленных на развитие таможенной службы, в 2013–2018 годах и истекшем периоде 2019 года» [электронный ресурс] / А. Н. Батуркин. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ua/view/559653632/?page=2&* – (дата обращения: 02.10.2020)
4. Бондаренко К. Э. «Результаты комплексной программы развития ФТС России на период до 2020 года» [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tks.ru/columns/bondarenko/2019/09/23/0001> – (дата обращения: 02.10.2020)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Тимофеева А. А., Дмитриева М. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.timofeeva@donnu.ru, mariadmitrieva2107@gmail.com

Введение. Часть 1 статьи 14 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – Конституция ДНР) [1] закрепляет право каждого на жизнь. Однако с какого же момента возникает право на жизнь: с момента зачатия или с момента рождения? В связи с этим спорным вопросом остается правовой статус не рождённого ребенка (эмбриона). Следует отметить, что и на международном, и на национальном уровне отсутствует четкая оценка правового положения эмбриона.

Цель публикации – провести анализ конституционного права на жизнь и правового статуса эмбриона человека в национальном законодательстве.

Основная часть. Согласно ч. 2 ст. 12 Конституции ДНР, основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Основной закон связывает возникновение прав и свобод с определённым юридическим фактом – фактом рождения. Момент рождения определяется ч. 1 ст. 44 Закона ДНР «О здравоохранении», в соответствии с которым моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов [2].

Гражданское законодательство наделяет эмбрион, зачатого ребенка правом на наследование, однако оно не может быть реализовано, если ребенок не будет рожден. Так, согласно ч. 1 ст. 1245 Гражданского кодекса ДНР к наследованию могут призываться зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [3].

На международном уровне многочисленные конвенции, касающиеся прав человека, закрепляют принцип абсолютной защиты человеческой жизни. На защиту прав не рождённого ребенка среди универсальных международных актов выступает лишь положение преамбулы Конвенции о правах ребенка, согласно которой государства-участники Конвенции принимают во внимание, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в надлежащей правовой защите как до, так и после рождения» [4]. Однако только одна из этих конвенций (Американская конвенция о правах человека) устанавливает точный момент, с которого начинается жизнь (зачатие) [5], тем самым защищая эмбрион: «Это право защищается законом, как правило, с момента зачатия».

В научных кругах существуют три позиции относительно начала течения права на жизнь эмбриона. По мнению сторонников абсолютной позиции, человеческий эмбрион – живой организм, имеющий право на жизнь.

Представители либерального подхода считают, что эмбрион на любой стадии развития не является личностью, а потому не имеет ценности и не наделен правом на жизнь, следовательно, не нуждается в какой-либо государственной защите.

Сторонники умеренной позиции считают, что эмбрион развивается в человеческое существо постепенно, поэтому возникновение у эмбриона права на жизнь связано с определенным уровнем развития или достижением жизнеспособности [6, с. 21].

Законы, касающиеся аборт, широко варьируются по содержанию в зависимости от страны. Некоторые государства, такие как Чили, Сальвадор, Никарагуа, Мальта и Ватикан, запрещают исключительно процедуру аборта. Для этих строгих правил не существует исключений. Напротив, некоторые государства, такие как Канада и Соединенные Штаты Америки, и многие другие не налагают никаких ограничений на положения, касающиеся абортов. Они имеют самое либеральное отношение к абарту и праву матери выбирать свою беременность. Как сторонники, так и противники легального аборта считают, что их аргументы затрагивают основополагающее право человека [7].

Стоит отметить, что в ДНР аборты разрешены. В соответствии с ч.ч. 1-3, 7 ст. 49 Закона ДНР «О здравоохранении» вопрос материнства решается каждой женщиной самостоятельно. Возможно искусственное прерывание беременности по общему правилу на сроке до 12 недель, и на сроке от 12 до 22 недель – в случаях определенных нормативно-правовыми актами.

Уголовная ответственность предусмотрена за незаконное проведение искусственного прерывания беременности. Так, в соответствии со ст. 124 Уголовного кодекса ДНР уголовно наказуемыми являются: 1) проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля; 2) то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью [8]. Однако уголовно-правовой охране в данной статье подвергается жизнь и здоровье матери ребенка, а не эмбриона.

Следовательно, в ДНР принят либеральный подход в отношении права на жизнь эмбриона. Никто не имеет права подчинять другого так, как нежелательная беременность подчиняет женщину, требуя от нее рисковать своим здоровьем и жизнью ради спасения собственного ребенка. Давнее стремление женщин к добровольному материнству – требование минимального контроля над своей судьбой как человека. С точки зрения прав человека отход от добровольного материнства стал бы для женщин крайней формой дискриминации.

О таком выводе также свидетельствуют положения ст. 48 Закона ДНР «О здравоохранении». Мужчина и женщина, одинокая женщина имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий. При использовании эмбрионов граждане имеют право на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных.

Заключение. Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что эмбрион человека в ДНР правом на жизнь не наделяется. Защита права на жизнь эмбриона может препятствовать праву матери на самоопределение. Справедливо признавать право матери на аборт, поскольку женщина не только обладает собственной волей в отношении своего тела, но и обстоятельства зачатия могли быть противоправными (при изнасиловании) или будущий ребенок может иметь патологии, несовместимые с полноценной жизнью.

В связи с этим считаем, что вопрос правового статуса эмбриона человека требует наличия особого нормативно-правового регулирования, как со стороны государства, так и международных сообществ.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 14. 05.2014. – URL: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 03.10.2020).
2. О здравоохранении: Закон Донецкой Народной Республики от 24.04. 2015 г. – URL: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-42-ihc-20150424/> (дата обращения: 03.10.2020).
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 03.10.2020).
4. Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 03.10.2020).
5. Американская конвенция о правах человека (22 ноября 1969 г.). – URL: <http://base.garant.ru/2559460/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/> (дата обращения: 03.10.2020).
6. Еремеева О. И. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека / О. И. Еремеева, Н. А. Сайфуллина // Инновационная наука. – 2016. – № 3-2. – С. 40–44.
7. Rights of Fetus and Mother in the Abortion Debate. – URL: <https://www.lawteacher.net/free-law-essays/medical-law/rights-of-fetus-and-mother-law-essays.php> (дата обращения: 03.10.2020).
8. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 03.10.2020).

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Тимофеева А. А., Клевцов В. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.timofeeva@donnu.ru, mr.klevtsov2000@mail.ru

Введение. Согласно ст. 3 Конституции Донецкой Народной Республики человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В Донецкой Народной Республике признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Донецкой Народной Республики (ч. 1 ст. 12).

Таким образом, помимо формального закрепления прав на государство также возлагается обязанность соблюдать и обеспечивать их реализацию на практике. В ч. 1 ст. 38 Конституции ДНР гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Для этого необходим механизм реализации, который на сегодняшний день остается неопределенным.

Основная часть. Проблемы, связанные с реализацией конституционно-правовых норм, рассматривались в рамках комплексных исследований такими учёными, как С. А. Авакьян, М. В. Баглай, В. Г. Баев, В. В. Никулин, В. Е. Чиркин и других.

Анализируя позиции исследователей, следует отметить наличие дифференцированных взглядов относительно сущности понятия «механизм реализации». Часть авторов под понятием «механизм реализации» понимают совокупную деятельность органов исполнительной власти в части реализации конституционно-правовых норм. Другие вкладывают в его значение расширенный состав субъектов, дополняя его законодательной и судебной системой страны.

Несмотря на различия в трактовках, ученые едины в том, что механизм реализации конституционно-правовых норм представлен как основная деятельность правового государства в целом.

Считаем уместным определить, прежде всего, что же является конституционно-правовой нормой. В одной из работ С. А. Авакьян пишет, что конституционно-правовой нормой считается «установленное или санкционированное государством общеобязательное правило поведения, регулирующее общественные отношения, составляющие предмет конституционного права» [1].

Конституционно-правовым нормам присущи общие признаки юридических предписаний, то есть они регулируют общественные отношения, устанавливают обязательные правила поведения, содержатся в

действующих правовых актах государства; охраняются и обеспечиваются в случае необходимости принудительной силой государства.

В свою очередь М. В. Баглай отмечает, что основное отличие конституционно-правовых норм от других отраслей права заключается в: а) содержании и сфере общественных отношений, на регулирование которых направлены; б) источниках, в которых они содержатся, поскольку важнейшие нормы закреплены в Конституции и имеют высшую юридическую силу; в) учредительным характером своих предписаний, поскольку конституционно-правовые нормы определяют формы правовых актов, порядок их принятия и опубликования, компетенцию государственных органов; г) особенностями внутренней структуры [2].

В одной из своих работ А. Л. Миронов справедливо указывает на неоднородность конституционно-правовых норм, что определяет особенности механизма их реализации. В теории конституционного права выделяются четыре вида реализации конституционно-правовых норм: соблюдение, исполнение, использование и применение [3].

Первый вид подразумевает поведенческую модель, при которой субъект права следует конституционно-правовым запретам и не выполняет действий, противоречащих основному закону. К примеру, ст. 14 Конституции ДНР гласит о том, что «каждый имеет право на жизнь». Т.е. конституционно-правовая норма реализуется путём пассивного соблюдения [4].

В свою очередь, исполнение является активным действием и характеризуется претворением в жизнь обязывающих предписаний конституционно-правовых норм. Примером может выступить ст. 50 Конституции ДНР, согласно которой «каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы». Механизм реализации данной нормы будет выражен в форме исполнения налогоплательщиком конституционной обязанности по уплате налогов.

Использование конституционно-правовой нормы также подразумевает активное действие субъекта, выполняя которое реализуются уполномочивающие нормы Конституции. Использование представляет собой форму реализации, когда соответствующие субъекты совершают дозволенные действия и осуществляют предоставленные им права.

В свою очередь, применение конституционно-правовой нормы – это властная деятельность компетентных органов по реализации конституционных предписаний в контексте конкретных жизненных случаев и индивидуально-определенных лиц.

Анализируя представленные виды можно прийти к заключению о том, что специфика реализации конституционно-правовых норм проявляется в субъективном отношении правоприменителей и их статусе. Другими словами, должностное лицо использует одновременно несколько

видов реализации конституционно-правовых норм – соблюдает их, а также использует или применяет в рамках своей компетенции.

Согласно позиции В. Е. Чиркина в структуре механизма реализации конституционно-правовых норм выделяются три способа: обязывание, дозволение, запрещение [5]. Обязывание, как способ реализации конституционно-правовых норм означает необходимость безоговорочного выполнения конституционной нормы. В качестве примера можно привести ст. 49 Конституции ДНР: «Каждый, находящийся на территории Донецкой Народной Республики, обязан соблюдать Конституцию Донецкой Народной Республики, законы Донецкой Народной Республики, уважать права и свободы других лиц».

Дозволение означает предоставление возможности субъекту конституционно-правовых отношений выполнить то или иное действие (например, ст. 39 Конституции ДНР устанавливает право каждого на судебную защиту).

В свою очередь, запрещение следует рассматривать как установленную необходимость невыполнения определенных действий. Примером данного способа реализации выступает ст. 40 Конституции ДНР, которая гласит, что «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом».

А. А. Югов и С. В. Белых справедливо отмечают, что представление научной конъюнктуры о механизме реализации конституционно-правовых норм имеет высокую значимость, проявляющуюся в усилении правопонимания и использовании Основного закона «по стабилизации общественно-политической жизни и укреплению правовой системы страны в целом» [6]. С мнением данных авторов следует согласиться и дополнить, что механизм реализации конституционно-правовых норм повышает авторитет государства, как у граждан этого государства, так и за рубежом.

Заключение. Механизмом реализации конституционно-правовых норм следует считать совокупность правовых и управленческих элементов, при помощи которых обеспечивается выполнение конституционных предписаний.

Данные предписания могут быть реализованы в следующих формах:

– соблюдение, т. е. воздержание субъектов права от активных или пассивных действий, запрещенных Основным законом;

– исполнение, т.е. реализация обязанности должностных лиц выполнять предписанные Конституцией требования;

– использование, т. е. реализация субъектами тех прав, которые предоставлены им Конституцией (например, реализация гражданами права на объединение, проведение демонстраций, митингов, шествий);

– применение конституционно-правовой нормы в контексте конкретных жизненных случаев и индивидуально-определенных лиц.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное право / С. А. Авакьян. – М.: Юристъ, 2005. – 864 с.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. – М.: Норма; Инфра-М, 2001. – 784 с.
3. Миронов А. Л. Методы конституционно-правового регулирования / А. Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – №5. – С. 60-61.
4. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 28.09.2020).
5. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – М.: ЮРИСТЪ, 2018. – 672 с.
6. Югов А. А., Белых С. В. Механизм реализации Конституции Российской Федерации / А. А. Югов, С. В. Белых // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – №4 (112). – С. 56-57.

УДК 342.4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Тимофеева А. А., Паниbrateц Д. О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.timofeeva@donnu.ru, panibratec2000@mail.ru

Введение. Конституционно-правовая ответственность представляет собой институт конституционного права, вызывающий множество теоретических дискуссий. В частности, в научной среде отсутствует единство теоретических подходов к конституционно-правовой ответственности. Хотя следует отметить, что именно в юридической науке впервые начали говорить о конституционно-правовой ответственности.

Цель публикации – проанализировать теоретические подходы к конституционно-правовой ответственности.

Основная часть. Конституционно-правовая ответственность рассматривается А. Н. Пугачевым как закрепленная конституционно-правовыми нормами обязанность субъекта конституционно-правовых отношений отвечать за несоответствие своего юридически значимого поведения положениям конституционного законодательства, обеспечиваемая возможностью применения мер государственного или общественного воздействия уполномоченными субъектами [1, с. 111]. Данная позиция принята автором вслед за В. А. Виноградовым [2, с. 20].

В. И. Лучин рассматривает конституционно-правовую ответственность как политическую ответственность, которая приобретает конституционные формы. Уровень политической ответственности

субъектов власти и управления выступает одним из главных критериев демократичности политической системы и уровня развития гражданского общества. При этом автор указывает, что конституционная ответственность представляет собой обусловленную нормами конституции необходимость соответствующих субъектов отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае уклонения – претерпевать установленные лишения [3, с. 283]. Особые требования к ответственности публично-властных институтов обусловлены спецификой конституционно-правовых норм.

В свою очередь, О. Е. Кутафин понимает под конституционно-правовой ответственностью меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении деликта и выражающуюся в установлении для правонарушителя определенных негативных последствий [4, с. 387]. Следовательно, автор рассматривает ее как один из видов юридической ответственности.

Стоит отметить, что существует противоречивая точка зрения Г. К. Зариповой, согласно которой «в российском законодательстве четкого разграничения между уголовной и конституционной ответственностью нет» [5, с. 87]. С такой позицией трудно согласиться, поскольку в качестве мер конституционно-правовой ответственности следует рассматривать также отставку Правительства Российской Федерации вследствие выражения недоверия Правительству Российской Федерации Государственной Думой (ч. 3 ст. 117 Конституции Российской Федерации) [6].

Приведенное нами обоснование соответствует видам конституционно-правовых санкций, которые выделяет В. О. Лучин:

- официальное признание результатов деятельности публичных органов и должностных лиц неудовлетворительной либо указание на допущенные нарушения и недостатки;

- досрочное реформирование органа публичной власти (ропуск Государственной Думы, отставка Правительства);

- лишение или ограничение специального конституционно-правового статуса (отрешение от должности Президента Российской Федерации, освобождение от должности высших должностных лиц субъектов, отзыв высшего должностного лица субъекта, досрочное прекращение полномочий депутата как результат признания его виновным в совершении преступления по вступившему в силу приговору суда, досрочное прекращение (приостановление) полномочий судьи, отзыв дипломатического представителя);

- устранение допущенного конституционного нарушения (отмена, приостановление действия нормативных и индивидуальных актов публичных органов, их должностных лиц, признание недействительными результатов проведенного голосования, выборов депутатов, отмена

регистрации или отказ в регистрации кандидата, избирательного объединения, приостановление или запрет деятельности политической партии или общественного объединения);

– ограничение, лишение общего или специального статуса гражданина (лишение государственных наград, лишение определенных прав, преимуществ и льгот, отмена решения о приеме в гражданство, лишение статуса вынужденного переселенца или беженца), принуждение к исполнению конституционных обязанностей и

– имущественные санкции [3, с. 156].

Относительно наступления для субъектов конституционной ответственности в случае отступления от конституционно-правовых требований мнения Г. К. Зариповой и В. О. Лучина сходятся [5, с. 88].

Исследователь А. А. Кондрашев определяет конституционную ответственность как правовую связь, состояние, которое возникает вследствие несоблюдения правовой нормы участниками нарушенного правоотношения, воплощается в установлении нормативного, обращенного к правонарушителю требования подвергнуться государственному или общественному осуждению, и реализуется в применении государственно-принудительных мер в виде разнообразных ограничений к правонарушителю или в восстановлении нарушенных прав или правопорядка нарушителем под прямой угрозой применения государственного принуждения [7, с. 27].

И. О. Рябова формулирует определение конституционно-правовой ответственности следующим образом: «вид юридической ответственности, осуществление мер которой устанавливается конституционно-правовыми нормами, и направлено на защиту конституционно-правовых отношений» [8, с. 22]. Однако дефиниция отражает видовую принадлежность ответственности, не указывая на ее сущность. Также И. О. Рябова отмечает политический характер конституционно-правовой ответственности при том, что относит ее к видам юридической ответственности.

Заключение. Таким образом, проанализированы теоретические подходы к конституционно-правовой ответственности, в них конституционно-правовая ответственность рассматривается как: 1) обязанность, необходимость отвечать за юридически значимое поведение; 2) мера государственного принуждения; 3) неблагоприятные последствия; 4) правовая связь.

Конституционно-правовая ответственность рассматривается и как политико-правовая, и как один из видов юридической ответственности. Политико-правовая ответственность возникает за ненадлежащее осуществление государственной власти в рамках конституционных норм, а юридическая ответственность представляет собой применение негативных санкций за нарушение нормативно определенных правил.

Учитывая разнообразие вышеизложенных мнений, можно предположить, что наличие законодательного закрепления конституционно-правовой ответственности поставит точку в разночтениях относительно, прежде всего, понятия конституционно-правовой ответственности.

Список литературы

1. Пугачев А. Н. Конституционно-правовая ответственность в механизме охраны Основного Закона / А. Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2009. – № 4. – С. 105-111.
2. Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование / В. А. Виноградов. – Москва, 2000. – 286 с.
3. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В. О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
4. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
5. Зарипова Г. К. Досрочное прекращение полномочий главы государства как мера конституционной ответственности (на примере Российской Федерации и Федеративной Республики Германии) / Г. К. Зарипова / Образование в России и актуальные вопросы современной науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 86-94.
6. Конституция Российской Федерации: Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 237.
7. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность субъектов Федерации: вопросы теории и проблемы реализации / А. А. Кондрашев // Журнал российского права. – 2000. – №2. – С. 23-27.
8. Рябова И. О. Конституционно-правовая ответственность выборных должностных лиц / И. О. Рябова // Теория и практика современной юриспруденции: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 21-24.

УДК 341.4

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЭКСТРАДИЦИИ И ЕЁ СООТНОШЕНИЕ С ПОНЯТИЕМ «ВЫДАЧА» ПРЕСТУПНИКА

Чубарова Е. А., Стариков Г. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
o.chubarova@donnu.ru, starikov_96@mail.ua

Введение. XXI столетие характеризуется политической и государственно-правовой интеграцией мирового сообщества, активизацией взаимодействия международного и внутреннего права, объединением усилий различных государств в борьбе с вызовами и угрозами, самыми опасными среди которых стали международный терроризм и транснациональная организованная преступность. В связи с этим, возросла

необходимость в оказании правовой помощи между государствами по уголовным делам, а также выдаче обвиняемых и осужденных, что, в конечном счете, послужило толчком к формированию самостоятельного правового института выдачи (экстрадиции).

Актуальность рассматриваемой тематики обусловлена тем, что проблема отраслевой принадлежности выдачи преступников в теории права относится к числу дискуссионных, поэтому её исследование сегодня имеет важное значение как в теоретическом, так и в практическом ключе.

Целью данного исследования является определение на основе доктринальных положений, а также действующего российского законодательства правовой природы института экстрадиции, а также его соотношение с понятием «выдача» преступника.

Проблеме определения правовой природы рассматриваемого института посветили свои труды такие современные исследователи в области международного права, как: Бакуменко А. А., Красненкова Е. В., Романов А. К., Саврико И. В., Шитова Т. В. и многие другие.

Основная часть. Необходимо отметить, что на сегодняшний день единый подход к пониманию содержания понятия «экстрадиция» отсутствует. Так, Красненкова Е. В. считает, что экстрадиция – это передача преступника государством, на территории которой он находится, другому государству для соблюдения принципа справедливости, а именно для судопроизводства или применения к виновному лицу наказания (в случае вынесения заочного решения судом – обвинительного приговора или уклонения от органов правосудия) [1]. В свою очередь Шитова Т. В. и Бакуменко А. А. под экстрадицией в международном праве понимают арест и последующую передачу государством государству на основании запроса лица, которое подозревается или обвиняется в совершении преступления, или же уже осуждено, и пытается укрыться от правосудия [2].

При этом, необходимо отметить, что в юридической литературе термин «экстрадиция» принято рассматривать как в узком, так и в широком значении.

Так, в узком значении экстрадиция понимается как синоним понятия «выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора», а в широком – выступает как обобщающий термин, который охватывает не только выдачу для уголовного преследования, но и смежный с ней подинститут передачи лиц международным судебным органам, а также институт передачи лиц в целях отбывания наказания [3]. При этом, в последнем случае употребление анализируемого понятия основывается на его лингвистическом толковании: «ex traditia», что в переводе с латыни означает всякую передачу лица вовне [4].

Также необходимо отметить, что ученые Строганова А. К. [5] и Коняхина В. [6] разделяют научную позицию, согласно которой понятие

«экстрадиция» сводится к отождествлению с понятием «выдача» и является общепринятой.

Джигирь А. И. полагает, что «на доктринальном уровне синонимичность терминов «экстрадиция» и «выдача» является бесспорной, а, следовательно, их использование в научной литературе допустимо в равной степени» [7].

Однако, существует и отличная научная позиция. Так, по справедливому мнению Романова А. К. и Лысягина О. Б., экстрадиция и выдача – не тождественные понятия. Экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Как известно, процедура экстрадиции может завершаться и отказом в выдаче. Кроме того, нормы уголовно-процессуального законодательства выделяют, с одной стороны, выдачу для уголовного преследования, а с другой – передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания [8]. Авторы полагают, что институт экстрадиции вырос из института выдачи и претерпел много изменений, а в данный период времени он становится на новый уровень развития.

Исследование экстрадиции осложняется еще и тем, что это институт международного сотрудничества государств в области борьбы с преступностью имеет межотраслевой характер. Так, относительно правовой природы института экстрадиции в юридической литературе существует несколько точек зрения, согласно которым, экстрадиция является:

- 1) институтом уголовно-процессуального права;
- 2) институтом уголовного права;
- 3) институтом административного или государственного права;
- 4) институтом международного уголовного права;
- 5) имеет дисциплинарный характер;
- 6) находится на стыке международного и внутригосударственного права.

В Российской Федерации положения, регламентирующие выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора, выделены законодателем в главу 54 «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Таким образом, принятие в 2001 г. УПК РФ разрешило спор в России о месте института экстрадиции в системе права в пользу уголовно-процессуального права.

Заключение. Анализ научной литературы, а также действующего российского законодательства по исследуемому вопросу позволил сделать

вывод о том, что в российском правовом поле отсутствует законодательно закрепленная дефиниция экстрадиции. В связи с чем, научные дискуссии по поводу содержания этого термина не прекращаются и по сегодняшний день.

Соглашаясь с точкой зрения, согласно которой институт экстрадиции и выдачи понятия не тождественные, представляется, что употребление в названии главы 54 УПК РФ слова «выдача» является некорректным и его необходимо заменить на слово «экстрадиция». Кроме того, считаем целесообразным главу 54 УПК РФ дополнить нормой, закрепляющей легальное определение понятия «экстрадиция» следующего содержания: «Экстрадиция – это вид правовой помощи, осуществляемой субъектами международного права по запросу компетентных органов, включающий выдачу обвиняемых и осужденных в целях их привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания на основе международно-правовых норм и внутригосударственного законодательства».

Список литературы

1. Красненкова Е. В. К вопросу об экстрадиции в международном праве // Актуальные проблемы международных отношений и международного права. – 2019. – С. 16-17.
2. Шитова Т. В., Бакуменко А. А. Экстрадиция как международно-правовая категория // Евразийская юридическая конференция. – 2019. – С. 81-83.
3. Ижнина Л. П. Соотношение терминов «правовая помощь по уголовным делам», «экстрадиция» и «выдача преступников» в российском уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 369-372.
4. Дадынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. – М.: Спарк, 1998. – 560 с.
5. Строганова А. К. Условия и основания отказа в выдаче // Российский следователь. – 2002. – №3. – С. 10-13.
6. Коняхин В. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. – 2005. – №1. – С. 17-19.
7. Джигирь А. И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. – 2008. – № 6. – С.107-108.
8. Романов А. К., Лысягин О. Б. Институт экстрадиции: понятие, концепция, практика // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 91-98.

Уголовное право и процесс

УДК 343.01

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ИНСТИТУТА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Баранчиков Е. В.

Управление правового обеспечения МВД ДНР, г. Донецк, ДНР
san.svyatodar@yandex.ru

Введение. Институт назначения наказания в российском уголовном праве представляет собой важнейшую составляющую отрасли уголовного права, обеспечивающую справедливость назначаемой судом меры государственного принуждения. Однако в научной среде отсутствует единство мнений относительно понятия и структуры института назначения наказания в российском уголовном праве.

Цель публикации – проанализировать понятие и структуру института назначения наказания в российском уголовном праве.

Основная часть. Согласно ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] определяются общие начала назначения наказания. К общим началам назначения наказания относится принцип индивидуализации наказания. Как справедливо отмечают Н. А. Серых, Е. О. Филиппова, индивидуализация наказания представляет собой один из основных принципов института назначения наказания, по которому суд назначает виновному лицу, которое совершило противоправное деяние, меру наказания, на основе оценки общих и специальных критериев. Индивидуализация направлена на достижение такой цели наказания, как исправление осужденного лица [2, с. 721]. Другие правила назначения наказания, включая обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, собраны в главе 10 УК РФ. В частности, к другим правилам, конкретизирующим особенности назначения наказания, можно отнести правила назначения наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ), по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ). Статьи 88, 89 УК РФ регламентируют специальные условия назначения наказания несовершеннолетним.

Система наказаний для несовершеннолетних лиц, в отличие от системы наказаний для взрослых преступников, состоит только из шести видов наказаний. Кроме того, все шесть указанных наказаний, по сравнению с соответствующими наказаниями, которые могут быть назначены совершеннолетним преступникам, имеют существенные

различия, например, обязательное наличие дополнительных условий для назначения отдельных видов наказаний (штрафа, общественных и исправительных работ, ареста).

Исследователь М. Ф. Мингалимова рассматривает назначение наказания в качестве системы регламентированных в гл. 10, ст. 88, 89 Общей части и статьях Особенной части УК РФ норм, предусматривающих основание, пределы, порядок и условия назначения наказания. При этом в качестве его содержания указывает следующие составляющие: принципы назначения наказания, общие начала его назначения, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, иные (специальные) правила, корректирующие общее требование о назначении наказания в пределах санкции нормы Особенной части УК РФ [3, с. 8-9]. Считаем, что общие начала назначения наказания являются гарантией реализации принципов уголовного закона. В свою очередь, принципы уголовного закона являются отдельным институтом уголовного права, а принципы назначения наказания и общие начала его назначения представляют собой синонимичные понятия, и не стоит выделять в качестве отдельных структурных элементов института назначения наказания. Данную позицию, отождествляя принципы назначения наказания и общие начала назначения наказания, также разделяют В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Г. Л. Кригер, однако ученый Л. Л. Кругликов возражает на это, что ст. 60 УК РФ регламентирует лишь часть принципов назначения наказания, а данный субинститут шире за счет, например, принципа целевого устремления наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) [4, с. 54]. Стоит отметить, что такой принцип целевого устремления наказания официально нормативно не закреплен и выведен ученым из целей наказания, является теоретической конструкцией, представляющей научную ценность.

Иную позицию в данном вопросе занимают Д. Д. Додина, В. А. Герман, отождествляя принципы уголовного закона и принципы назначения наказания. Авторы предлагают дублировать эти принципы в ст. 60 УК РФ [5, с. 426]. Считаем, такую дублирующую меру излишней, поскольку принципы законности, равенства и гуманизма и так пронизывают уголовный закон, и закреплены как принципы уголовного закона в главе 1 УК РФ. Само собой разумеется, что данные принципы учитываются при назначении наказания. Законодатель подчеркивает именно справедливость назначенного наказания в ст. 60 УК РФ, в виду того, что справедливость отражает сущность правосудия. Справедливым признается наказание, которое соответствует тяжести совершенного преступного деяния, а также обстоятельствам его совершения и личности человека. Исследователи Ю. А. Дронова, Л. В. Туманова справедливо подчеркивают, что справедливость проявляется в конкретных правовых ситуациях, как принцип при назначении наказания в уголовном праве, а

также в судебной практике распространено изменение приговора в связи с несправедливостью назначенного наказания [6, с. 118-120].

Е. В. Евдокимова предлагает авторское определение «института назначения наказания» как внутриотраслевое, комплексное образование, представляющее собой систему взаимосвязанных, качественно однородных уголовно-правовых субинститутов, предусматривающих предпосылки, основания, пределы и порядок избрания судом конкретной меры наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, с последующим закреплением такого решения в обвинительном приговоре [7, с. 161]. Предпосылки избрания судом конкретной меры наказания лицу являются скорее общими началами назначения наказания, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, иными правилами, конкретизирующими процесс назначения наказания. Систематизируя данные составляющие под обобщающим термином «предпосылки» может привести к неправильному выводу, что предпосылки избрания судом конкретной меры наказания лицу отражают внутреннее убеждение судьи.

Заключение. Таким образом, проанализировано, что институт назначения наказания в российском уголовном праве представляет собой систему уголовно-правовых норм, предусматривающих основания, пределы, порядок и условия назначения наказания признанным виновным в совершении преступления лицам, в том числе несовершеннолетним. При этом структурными элементами института назначения наказания являются: общие начала его назначения, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, особые правила, конкретизирующие особенности назначения наказания.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Серых Н. А. Общие и специальные критерии индивидуализации наказания / Н. А. Серых, Е. О. Филиппова // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 1 (40). – С. 721-723.
3. Мингалимова М. Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. Ф. Мингалимова. – Москва, 2019. – 26 с.
4. Кругликов Л. Л. О принципах назначения уголовного наказания / Л. Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 54-57.
5. Додина Д. Д. Институт назначения наказания: понятие и структура / Д. Д. Додина, В. А. Герман // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е. Н. Рахманова. – 2016. – С. 423-427.
6. Дронова Ю. А. Реплика о справедливости как правовой категории / Ю. А. Дронова, Л. В. Туманова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 1 (61). – С. 113-122.
7. Евдокимова Е. В. Понятие и структура института назначения наказания / Е. В. Евдокимова // Проблемы законности. – 2012. – № 118. – С. 153-162.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бордюгов Г. Л.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
glebbrd86@mail.ru

История судебной экспертизы свидетельствует о том, что на разных этапах ее развития существовали различные толкования ее определения, процессуальной природы и т.д. Сущность и значение судебной экспертизы в процессе доказывания, как с точки зрения уголовного, гражданского, арбитражного процесса, так и криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии рассматривались учеными и практическими работниками многих стран, в том числе дореволюционными, советскими и российскими юристами [1, с. 3].

В частности, Я. И. Баршев в первой половине 19 столетия акцентировал внимание на том, что осмотр посредством сведущих лиц «должен быть признан непосредственным потому, что мнение сведущих вполне здесь представляет и заменяет мнение судьи или следователя, которые призывают на помощь» [2, с. 52-53], тем самым приравнивая сведущих людей к судьям и следователям. В. Д. Спасович, признавая экспертизу разновидностью личного осмотра судьи, утверждал, что «суждения экспертов суть только дополнение личного осмотра» [3, с. 104]. Л. Е. Владимиров, рассматривая вопрос о юридическом понятии экспертизы, утверждал, что эксперт, в частности, «врач-эксперт есть судья» [4, с. 119], при этом он признавал, что эксперты постановляют «научный приговор» [4, с. 99]. Вместе с тем, многие современники Л. Е. Владимирова не поддерживали его взглядов. К. К. Арсеньев, критикуя взгляды Л. Е. Владимирова, не считал экспертов судьями, но и не ставил их на один уровень со свидетелями, а предлагал «дать им в уголовном процессе совершенно особое место, соответствующее той особой роли, которую они в нем играют» [5, с. 326]. При этом, говоря об экспертизе как об особом виде доказательств, он писал: «экспертиза есть совершенно самостоятельное доказательство, требующее самостоятельных, отдельных правил, к ней собственно примененных» [5, с. 316]. И. Я. Фойницкий, также критикуя взгляды Л. Е. Владимирова, отмечал, что судья «есть орган закона», а эксперт «орган науки, знания» [6, с. 279].

Таким образом, еще в дореволюционной России учеными-юристами исследовался вопрос процессуальной сущности судебной экспертизы, при этом «его характерными чертами стали узкое понимание экспертизы,

заключения эксперта как доказательства, отграничение экспертизы от участия специалистов в следственных действиях и допросах сведущих лиц» [7, с. 24]. Однако наиболее последовательными в этих вопросах являются ученые юристы советского периода развития криминалистики и науки уголовно-процессуального права. В частности, видный советский криминалист И. Н. Якимов в 30-е годы прошлого столетия при разработке руководства по уголовной технике и тактике под экспертизой понимал «решение или заключение сведущих лиц по какому-либо специальному вопросу, возникающему в деле» [8, с. 342]. Взгляды советских ученых более позднего периода на понятие и правовую природу судебной экспертизы изложены во многих работах, в частности в работах А. А. Эйсмана [9], В. М. Галкина [10] и др. Не утратила актуальность данная тема и в наши дни [11; 12].

И все же, несмотря на то, что данный вопрос широко освещался в специальной литературе, многое остается нерешенным. В частности не решена проблема назначения судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела или же процессуальный статус документа, который составляется при проведении исследований до возбуждения уголовного дела. Также не решен вопрос о процессуальном статусе лица, которое проводит исследование до возбуждения уголовного дела. Этот вопрос в литературе практически не исследовался, хотя имеет важное практическое значение.

Инструкцией о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований, утвержденной приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 10 февраля 2016 года № 99, регламентируется порядок назначения и проведения таких исследований. При этом лицо, проводящее экспертное исследование вне судопроизводства, именуется экспертом, а документ, составленный таким лицом, именуется заключением экспертного исследования. Однако в процессуальных кодексах лицо, которое проводит экспертизу, также именуется экспертом. Вместе с тем, в процессуальных кодексах содержатся нормы, регламентирующие статус специалиста, однако специалист не проводит исследований и не составляет никаких заключений.

В Законе Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» термины «судебный эксперт» и «эксперт» употребляются как синонимичные. Хотя следует заметить, что термина «судебный эксперт» нет ни в одном процессуальном кодексе, как, впрочем, и термина «судебная экспертиза», при этом в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики содержатся термины «судебно-психиатрическая экспертиза» и «судебно-медицинская экспертиза». На практике экспертиза, назначенная органом расследования или судом, именуется судебной экспертизой, а лицо, которое проводит судебную экспертизу, именуется судебным экспертом.

Указанное приводит не только к терминологической путанице, но и к процессуально-значимым неточностям и недоразумениям. В связи с этим, предлагается внести изменения в Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности», где более подробно регламентировать проведение экспертных исследований вне судопроизводства, при этом экспертное исследование определить, как исследование, требующее применения специальных знаний, проведенное вне судопроизводства по заявлению физического лица или письму юридического лица.

Вместе с тем, более правильно было бы внести соответствующие изменения и в процессуальные кодексы, где более четко обозначить термины «судебный эксперт» и «судебная экспертиза».

Список литературы

1. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права. Дис... д-ра юрид. наук: 12.00.09. – Санкт-Петербург, Челябинск, 2001. – 467 с.
2. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – М.: «ЛексЭст», 2001. – 240 с.
3. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством // Избранные труды / В. Д. Спасович. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2015. – С. 81-159.
4. Владимиров Л. Е. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве / Л. Е. Владимиров. – Харьков: Университетская типография, 1870. – 136 с.
5. Арсеньев К. К. Судебное следствие. Сборник практических заметок / К. К. Арсеньев. – С.-Петербург: тип. В. Демакова, 1871. – 369 с.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. Том II. / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 572 с.
7. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Монография / В. Н. Махов. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
8. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. / И. Н. Якимов. – М.: ЛексЭст, 2003. – 496 с.
9. Эйсман А. А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование) / А. А. Эйсман. – М.: Юрид. лит., 1967. – 152 с.
10. Галкин В. М. Юридическая природа экспертизы // Труды ВНИИСЭ / В. М. Галкин. – М.: ВНИИСЭ, 1971. – Вып.3. – С. 39-56.
11. Прудникова Л. Б. Правовая природа судебной экспертизы (краткий анализ понятия и сущности) // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VI Международной научно-практической конференции / Л. Б. Прудникова, С. Л. Россошик. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 208-212.
12. Савощикова Е. В. Понятие судебной экспертизы – как эффективного звена метода доказывания // Успехи современной науки и образования / Е. В. Савощикова, Г. Т. Тазетдинов. – 2017. – Том 3. – № 1. – С. 205-210.

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бордюгов Л. Г., канд. юрид. наук,
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
Leonidbrd@yandex.ru

Кадровое обеспечение судебно-экспертной деятельности играет важную роль в повышении уровня обеспечения правосудия независимой, объективной экспертизой, ориентированной на использование новейших достижений науки и техники. Кроме владения на должном уровне специальными знаниями, в подготовке будущих судебных экспертов важным фактором является выработка у них профессиональных и морально-этических качеств и способностей, использование которых позволит на высоком профессиональном уровне исполнять свои процессуальные обязанности.

Судебно-экспертная деятельность характеризуется определенной спецификой, поэтому государственные судебно-экспертные учреждения должны уделять пристальное внимание к процессу отбора и подготовки кадров.

Е. Р. Россинская справедливо отмечает, что судебный эксперт, являясь «специалистом двойной компетенции», помимо знаний в базовой науке и теории судебной экспертизы должен «обладать глубокими юридическими знаниями, владеть современными экспертными технологиями, сертифицированными и утвержденными методиками экспертного исследования» [1, с. 12].

В практике проведения судебных экспертиз важным вопросом является методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности. Поэтому назрела необходимость введения в государственных судебно-экспертных учреждениях должностей судебных экспертов и должностей научных сотрудников. При этом научные сотрудники наряду с проведением научно-исследовательских работ, должны иметь квалификацию судебного эксперта и по поручению руководства судебно-экспертного учреждения проводить судебные экспертизы и экспертные исследования. Судебные эксперты в свою очередь наряду с проведением судебных экспертиз должны проводить научно-исследовательские работы по созданию методик или методических рекомендаций по проведению судебных экспертиз. Именно такой подход, сочетающий теорию и практику судебной экспертизы, на наш взгляд, является наиболее приемлемым.

Исследователи психолого-правовых особенностей судебно-экспертной деятельности относят ее к разряду «критических» видов

деятельности. Сотрудники судебно-экспертных учреждений во время осуществления судебно-экспертной деятельности, и особенно во время выполнения функций судебного эксперта, работают в напряженных условиях, связанных с такими особенностями их работы, как: сложный научный характер и интенсивность интеллектуального труда; выполнение неотложных и особо важных заданий по проведению судебных экспертиз; высокая социальная ответственность за результаты своего труда; постоянная морально-психологическая нагрузка и напряженность; выполнение служебных обязанностей в стрессовых ситуациях; проявление психологического давления и угроз против судебного эксперта в связи с исполнением им обязанностей. Судебные эксперты выполняют свои служебные обязанности в условиях дефицита времени, влияния на них особо сильных раздражителей и доминирования негативных эмоций при недостатке положительных, повышенной ответственности при принятии решений и тому подобное.

При этом следует отметить, что судебный эксперт как самостоятельная процессуальная фигура должен быть независимым не только от суда и органов предварительного расследования, а и от других участников процесса. Он должен быть независим в решении вопросов о порядке проведения экспертного исследования, выборе методик и технических средств, анализе полученных в процессе исследования результатов и формулировании выводов судебной экспертизы. Независимость судебного эксперта обеспечивается определенными критериями, которые закреплены в Законе Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности». Кроме того, независимость судебного эксперта должна обеспечиваться государством путем создания необходимых условий для его деятельности и надлежащим материальным и социальным обеспечением.

Профессия эксперта современной психологией отнесена к вершине профессионального мастерства, достичь которого возможно только посредством полного саморазвития и максимальной самореализации личности [2, с. 248].

При этом не следует забывать, что судебный эксперт должен обладать такими свойствами, как творческое мышление, коммуникабельность, волевые качества, организационные способности, способность противостоять отрицательным эмоциям [3, с. 63].

Исследователи данного вопроса среди способностей, которыми должен обладать судебный эксперт, предлагают выделять высокий уровень развития образного, логического и аналитического мышления; развитое пространственное мышление; высокий уровень устойчивости внимания, концентрации и переключения внимания, развития памяти; умение четко, ясно, лаконично выражать свои мысли в любой форме, быстро

анализировать и обрабатывать поступающую информацию. Среди личных качеств: умение прогнозировать события; склонность к исследовательской деятельности; наблюдательность; ответственность; тщательность, систематичность в работе; терпеливость; критичность; внимательность; аккуратность; честность; принципиальность; сосредоточенность; эмоционально-волевая устойчивость; независимость, настойчивость; требовательность к себе [4, с. 547].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что становление судебного эксперта как профессионала начинается с качественного отбора будущих специалистов, является длительным и непрерывным процессом, [5, с. 70], призванным обеспечить наличие у будущего судебного эксперта таких качеств, как объективность, непредвзятость и независимость в решении экспертных задач [6, с. 8].

Список литературы

1. Россинская Е. Р. Федеральные государственные образовательные стандарты 3-го поколения и подготовка судебно-экспертных кадров в России / Е. Р. Россинская // Право и государство. – 2016. – № 1 (70). – С. 12-15.
2. Куприянова О. Б. Роль науки в становлении профессионализма судебного эксперта / О. Б. Куприянова // Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 27 окт. 2016 г.). – Алматы. – 2016. – С. 246-248.
3. Коновалова В. Е. Правовая психология: Учеб. пособие для юрид. вузов и фак. по спец. «Правоведение» / В. Е. Коновалова. – Харьков: Основа, 1990. – 198 с.
4. Шепітько В. Ю. Вибрані твори / Избранные труды / В. Ю. Шепітько. – Харків: Видавнича агенція «Апостіль», 2010. – 576 с.
5. Поскребка А. Л. Профессиональный статус эксперта в судебной почерковедческой экспертизе / А. Л. Поскребка, А. А. Куприянова // Евразийское партнерство судебных экспертов: вызовы, проблемы, пути решения и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 апр. 2018 г. / редкол.: А. И. Швед [и др.]; Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 69-70.
6. Лапина И. А. Подготовка судебных экспертов как одна из основных задач Государственного комитета судебных экспертиз / И. А. Лапина // Судебная экспертиза Беларуси. – 2018. – № 2(7). – С. 5-8.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Буханова А. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

AngelDobra7777@mail.ru

Введение. Одной из главных задач внутренней политики государства является борьба с преступностью, которая возлагается на правоохранительные органы, прокуратуру и судебные инстанции. Производная процессуально-правовой деятельности по исполнению функциональных обязанностей и разрешению поставленных задач, в конечном результате выражается принятием характерных решений в рамках закона.

Высший орган судебной власти от имени государства:

- принимает решения в которых устанавливает виновность лица в совершении преступления;
- назначает наказание лицу, изобличённому в совершении преступления;
- восстанавливает права и обязанности лиц, необоснованно обвиняемых в противоправных деяниях.

Немаловажным являются решения, принятые судом до завершения уголовного дела, по существу.

Уголовно-процессуальное право, как наука, нуждается в принятии для общего понимания и руководства определения «процессуальные решения», а также установлении общих требований касательно уголовно-процессуального закона. Целью данной работы является всестороннее изучение и проведение анализа понятия процессуальные решения в уголовном судопроизводстве.

Основная часть. В Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики (далее УПК ДНР) определение «процессуальное решение» не имеет своего юридического закрепления и единого толкования. При исполнении своих функциональных обязанностей, предусмотренных законодательством, орган дознания, следователь, прокурор и суд ежедневно принимают процессуальные решения, чем самым реализуют функциональность уголовного судопроизводства, предусмотренную ст. 1 УПК ДНР. Принятие таких решений непосредственно реализуют поставленные задачи уголовного судопроизводства, которые заключаются в защите прав и законных интересов граждан Республики, быстрое и полное раскрытие

преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, чтоб каждый виновный был привлечен к ответственности, а невиновный не был наказан.

Для единого понимания и четкого выполнения требований уголовного закона, УПК ДНР устанавливает исчерпывающий перечень оснований и определяет процессуальный порядок принятия процессуальных решений на всех стадиях уголовного процесса. Процессуальные решения в уголовном судопроизводстве являются основанием для проведения определенных процессуальных мероприятий и следственных действий, а также выступают формой фиксации и содержания правовой информации для дальнейшего приобщения к уголовному делу.

Такие ученые как П. А. Lupинская, М. И. Бажанов, Д. А. Машукова, Н. В. Глинская, М. П. Климчук, А. Б. Муравин, Н. В. Профатилова, Ю. В. Манаев посвятили свои научные труды теоретическим и практическим проблемам понятия «процессуальные решения».

По мнению доктора юридических наук П. А. Lupинской, решения в уголовном судопроизводстве – это правовой документ, в котором компетентный орган в пределах своих полномочий и в соответствии с законом делает вывод об установленных фактических обстоятельствах и на основе этих обстоятельств, а также закона, дают ответы на правовые вопросы и выражают властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона [7, с. 65].

С точки зрения М. И. Бажанова, познание объективной действительности происходит по мере движения уголовного дела, причем процессуальные акты, следующие друг за другом, отражают этапы достижения объективной истины [2, с. 217].

Д. А. Машукова считает, что процессуальные решения – это прежде всего вывод компетентных органов по разрешению вопросов, возникающих в ходе производства по уголовному делу, которые устанавливают, изменяют или прекращают права и обязанности участников уголовного судопроизводства [5, с. 196]. Н. В. Глинская утверждает, что уголовно-процессуальным решением является выраженный в установленной законной форме индивидуальный правоприменительный акт, в котором компетентные органы дают ответы на вопросы, возникшие по уголовному делу и выражают волеизъявление про действия или бездействия, которые исходят из установленных на момент вынесения решения фактических обстоятельств дела [3, с. 24].

Не оставил без внимания научную проблему и один из заслуженных советских ученых в области уголовного процесса А. Б. Муравин, который стремительно занимался изучением данной тематики, так на его усмотрение процессуальное решение – это индивидуальный правоприменительный акт, направленный на реализацию назначения уголовного судопроизводства, принятый соответствующими

государственными органами или должностными лицами в пределах своих полномочий, содержащий правовые выводы по вопросам, возникающим в ходе досудебного производства, и наделенный свойствами законности, обоснованности и процессуальной мотивации [6, с. 312].

М. П. Климчук отмечает, что процессуальные решения – это, прежде всего акт, в котором компетентные органы в установленном законом порядке с целью решения правовых и криминологических заданий уголовного судопроизводства отвечают на вопросы по уголовному делу [4, с. 58].

Каждое судебное решение является процессуальным, но не каждое процессуальное решение является судебным, поскольку судебные решения принимают исключительно субъекты уголовного судопроизводства, которые осуществляют судебную деятельность.

Одним характеризующим принципом судебного решения является то, что такое решение должно быть принято в установленной законом форме, то есть в виде постановления, определения или приговора, которые имеют определенные требования, прописанные УПК ДНР [1, с. 18].

Статьей 323 УПК ДНР предусмотрено, что приговор должен быть законным и обоснованным. В тексте закона понятие законности не раскрывается, однако в совокупности требований можно выделить следующие принципы, которые обеспечивают законность. Процессуальное решение должно быть вынесено уполномоченным лицом в установленные сроки, соответствовать предусмотренной форме и правовому содержанию при строгом соблюдении норм закона.

Обоснованность приговора заключается в том, что выводы суда, изложенные в приговоре, соответствуют обстоятельствам уголовного дела и подтверждаются совокупностью предоставленных доказательств.

В действующем УПК ДНР требование к приговору выражающее мотивацию не закреплена, однако мы считаем, что данное требование должно быть содержательно дополнено. Статью 323 УПК ДНР назвать «Законность, обоснованность и мотивация приговора» и прописать: «под мотивацией судебного решения следует понимать совокупность фактических и правовых аргументов, приведенные судьей в целях обоснования выводов, полученных в результате рассмотрения уголовного дела, которые выражают его законность, обоснованность и справедливость».

Заключение. Рассмотренные мнения великих научных деятелей, занимающиеся вопросом по изучению самого определения процессуальные решения в уголовном судопроизводстве, сводятся к одному логическому выводу, что это, прежде всего, правовой акт или уголовно-процессуальный акт. Судебные решения можно отнести к структурному элементу правоприменительной судебной деятельности и трактовать понятие судебные решения как один из видов правоприменительного акта. Все процессуальные решения имеют

управленческий характер, поскольку правовое решение является управленческим по сути.

В целях согласованности положений действующего уголовно-процессуального закона и усовершенствования законодательного урегулирования института процессуальных решений, статью 32 УПК ДНР предложено дополнить в следующей редакции: «процессуальные решения» представляют собой документ, правоприменительный акт органа досудебного расследования, прокуратуры или суда, которые непосредственно связанные с осуществлением уголовного производства».

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики Принят Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года № 240-ИНС.
2. Бажанов М. И. Об истинности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства: тезисы докладов межвузовской научной конференции, октябрь 1968 г. — Харьков, 1968. — С. 216—217.
3. Глинская Н. В. Обоснование решений в уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. Харьков Б. в., 2003. 238 с.
4. Климчук М. П. Обоснованность уголовно-процессуальных решений как элемент основы законности. Журнал Академии адвокатуры Украины. — 2015. — Т. 8, № 2. — С. 55–60.
5. Машукова Д. А. Классификация процессуальных решений следователя. Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2002». В 5-ти томах. — Нальчик: Изд-во Каб.-Балк. ун-та, 2002. — Т. 4. С. 193–196.
6. Муравин А. Б. Уголовный процесс: учебное пособие. — Харьков, 2000. — 400 с.
7. Лупинская П. А., Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРАМ, 2013. — 1008 с.

УДК 343.13

ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гапотченко А. Г.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
dp131291gag@gmail.com

Введение. Правовой анализ мер пресечения, которые регламентированы в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) [1], позволяет выделить отдельные дискуссионные вопросы их избрания и применения.

Цель. Основная цель тезисов – обоснование необходимости дополнения действующего в УПК ДНР перечня мер пресечения еще одной, – домашним арестом.

Основная часть. Одной из мер пресечения в уголовном процессе многих государств является домашний арест.

В настоящее время данная мера пресечения предусмотрена УПК: Российской Федерации (далее – РФ) [2], Республики Казахстан; Республики Беларусь; Азербайджанской Республики и УПК Украины 2012 г.

В УПК ДНР вышеуказанная мера пресечения отсутствует.

Стоит отметить, что в РФ домашний арест в качестве меры пресечения избирается только судом, в целях изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества. В качестве места изоляции может выступать только жилище, в котором вышеуказанные субъекты проживают в качестве собственника или арендатора на законных основаниях. В исключительных случаях, местом содержания лица по домашним арестом может быть медицинское учреждение.

По данным судебной практики РФ, в 2019 году данная мера пресечения была применена в отношении 1037 граждан [3].

Анализ законодательства РФ показывает, что суд, с учетом информации о личности подозреваемого или обвиняемого, материалов уголовного дела, при избрании указанной меры пресечения, может налагать на него следующие ограничения и запреты:

- 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает;
- 2) находиться в определенных местах, а также ближе определенного расстояния к определенным объектам;
- 3) общаться с определенными лицами.

Суд не вправе ограничивать или запрещать подозреваемому или обвиняемому вызывать по телефону скорую помощь, сотрудников правоохранительных органов и других специализированных служб, а также общаться с лицом, расследующим уголовное дело.

О каждом таком звонке подозреваемому или обвиняемому необходимо уведомлять надзорный орган.

Нарушение условий соблюдения домашнего ареста влечет его замену на более строгую меру пресечения.

Способы наблюдения за подозреваемым, обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, можно разделить на два блока:

- 1) без применения специальных технических средств;
- 2) с использованием технических средств.

К первому блоку относятся: периодические телефонные звонки или же возложение обязанности на подозреваемого, обвиняемого, подсудимого

осуществлять телефонные звонки в органы предварительного расследования или в суд; проведение проверок по месту жительства с правом беспрепятственного вхождения в жилое помещение. Проверки должны проводиться не реже двух раз в неделю в любое время суток.

Ко второму блоку относятся средства беспроводной системы связи, в том числе применение электронного браслета (без нарушения телесной неприкосновенности); прослушивание и запись мобильных, радиотелефонов, других переговоров, их блокирование с последующим отключением.

Домашний арест можно применять в виде полной и не полной изоляции. При этом лицо не изолируют от общества и семьи, и оно пользуется общеустановленными социальными благами.

По нашему мнению, УПК ДНР следует также дополнить мерой пресечения в виде домашнего ареста, а также на законодательном уровне определить основания и процессуальный порядок её избрания и применения.

Заключение.

1. Полагаем, что часть 1 статьи 163 УПК ДНР «Меры пресечения» необходимо дополнить пунктом 5 – домашний арест.

2. Основания и процессуальный порядок избрания и применения домашнего ареста должны быть регламентированы нормами УПК ДНР.

3. Применение на территории Донецкой Народной Республики меры пресечения в виде домашнего ареста в значительной степени будет способствовать гуманизации и демократизации уголовного законодательства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 (в редакции по состоянию на 19.06.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su//zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protssualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ (в ред. по состоянию на 31.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/40cd0f0718f4eed66f7fdd5efd e44f45a11fb56a/ Название с экрана.
3. Судебная статистики РФ за 2019 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/13/s/14> – Название с экрана.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЦОМ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ганотченко А. Г., Комиссаров В. В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
dp131291gag@gmail.com, pavlov7798@mail.ru

Введение. Институт обжалования решений, действий или бездействия в уголовном производстве играет особую роль в системе процессуальных инструментов, направленных на обеспечение задач уголовного судопроизводства, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР). Главным показателем развития демократии в Донецкой Народной Республике является уровень реализации прав человека и обеспечение их защиты. Одним из способов гарантирования законных интересов лица в уголовном процессе является обжалование гражданином решений, действий или бездействия органов государственной власти.

Цель. Основной целью тезисов является проведение исследования норм УПК ДНР, регулирующих основания и процессуальный порядок обжалования решений, действий или бездействия органов власти.

Основная часть. В соответствии со ст. 38 и 39 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) [1], в нашей стране гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Предоставление возможности обжаловать в суде решения и действия (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и их должностных лиц представляют один из наиболее эффективных правозащитных механизмов.

Указанные конституционные нормы конкретизированы в главе 22 УПК ДНР «Обжалование действий следователя и прокурора», которая регламентирует основания, процессуальный порядок и сроки обжалования [2].

В настоящее время сохраняется насущная потребность в продолжении научных исследований с целью внесения научно обоснованных законодательных предложений об усовершенствовании правового регулирования процедуры обжалования решений, действий или бездействия органов власти в порядке реализации права граждан на такое обжалование. При этом, «защита» как юридическая категория

одновременно обладает конституционно правовым и уголовно-процессуальным характером [2, с. 129].

Теоретический и практический интерес представляет изучение проблемных аспектов порядка реализации права на обжалование в суде решений и действий властных органов или некоторых гражданских объединений.

Так, в настоящее время отсутствуют, определенные в законодательном порядке пределы полномочий субъекта, в чью компетентность входит рассмотрение жалобы, однако анализ некоторых норм УПК ДНР (например, ст. 122, 251-257 и других), позволяет сформулировать вывод, что данные лица, по сути, не выходят за рамки простой констатации факта нарушения или его отсутствия. При этом выяснение таких фактов и обстоятельств часто находится в неразрывной связи с исследованием конкретных действий дознавателя, следователя, прокурора по квалификации деяния, сбору доказательств, избранию мер уголовно-правового воздействия.

Кроме того, вопросы, связанные с соблюдением правил квалификации деяния с целью наиболее точной и объективной характеристики уголовно наказуемого деяния [4, с. 97], оценки собранных доказательств, впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства при рассмотрении дела по существу. Из этого вытекает наделение прокурора и суда правами отмены постановления следователя или органа дознания и отказа в удовлетворении жалобы.

Необходимо также четко очертить круг тех постановлений, в которых отражаются обжалуемые решения, действия (бездействие) должностных лиц.

Такого рода документы условно можно разделить на несколько видов, применяя классификацию по основаниям:

1) постановления, препятствующие дальнейшему движению уголовного дела;

2) решения и действия, касающиеся отдельных процессуальных вопросов, определенное решение которых причинить ущерб конституционным и процессуальным лицам;

3) действия, решения, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию [5, с. 217].

Определенную проблему составляет возможность обжалования отказа в удовлетворении ходатайства потерпевшего о переквалификации действий обвиняемого на статью УК, предусматривающую иное, более тяжкое наказание. В таком случае единственная возможность обжалования имеется в стадии предварительного расследования, поскольку УПК ДНР не предоставляет суду право на переквалификацию деяния подсудимого по более тяжелой статье уголовного кодекса.

Очевидным пробелом уголовно-процессуального законодательства ДНР является отсутствие регламентации порядка рассмотрения жалоб, требований к их содержанию и форме. Так, составление жалоб произвольной форме, может привести к серьезным трудностям при рассмотрении и направлении ответа заявителю. Такое положение, с точки зрения авторов, требует разработки и законодательной фиксации всех реквизитов жалобы.

Заключение.

Изучение избранной темы позволяет сформулировать ряд выводов, обобщений и рекомендаций.

1. Институт обжалования действий, решений или бездействий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, является действенным правовым инструментом контроля за производством предварительного расследования.

2. Необходимость обеспечения надлежащей защиты нарушенных или поставленных под угрозу конституционных прав и свобод граждан или юридических лиц требует незамедлительного законодательного разрешения и дополнительной правовой регламентации в УПК ДНР.

3. Предлагаем дополнить УПК ДНР статьей «Основания и процессуальный порядок обжалования действий, решений или бездействий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство».

Список литературы

1. Конституция ДНР по состоянию на 06.03. 2020 г. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya> – Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с эк.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Принят Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года. // Право ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravodnr.ru/lawdnr/ugolovno-protsessualnyiy-kodeks-dnr/> Дата обращения: 21.10.2020. – Загл. с эк.
3. Безгласная О. А. Некоторые актуальные проблемы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №1. – С. 128-132.
4. Пусурманов Г. В. О правилах квалификации преступлений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2019. – №1 (69). – С. 96-99.
5. Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. – М.: Юрист, 2008. – 253 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВЗЫСКАНИЯ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК

Гапотченко А. Г., Крамарчук И. О.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
dp131291gag@gmail.com, ira13012001@rambler.ru

Введение. Исследование процессуального порядка взыскания судебных издержек имеет дискуссионный характер. Особую актуальность данная тема приобретает в связи с развитием уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики, а также необходимостью использования строго определенной суммы, возникающей во время уголовно-процессуальных действий.

Основная часть. Уголовный процесс условно можно назвать конкретной реакцией государственного аппарата на юридический факт, выражающийся в нарушении общественного порядка в виде преступления. В ходе разбирательства по конкретному нарушению возникают определенные расходы государства выраженные в уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республике как судебные издержки.

Статья 100 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики закрепляет состав судебных издержек, что позволяет участникам уголовного судопроизводства реализовывать своё право по возмещению материальных затрат, возникающих в результате уголовного производства.

Обращаясь к вопросу о судебных издержках невозможно не затронуть проблематику субъектов, которых можно отнести к деятельности, имеющий результат в виде рассматриваемых нами возмещений убытков. В широком понятии к таковым относят всех лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Анализируя данный вопрос, можно сказать о неправильности данного тезиса.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что термин судебные издержки включает в себя расходы органов, участвующих в уголовном производстве, а именно органов дознания, предварительного следствия и суда [2]. Согласно этому, стоит отметить, что термин судебные издержки было бы целесообразно заменить термином уголовно-процессуальные издержки, что дало бы возможность внести ясность и коррективы в возмещение данных убытков государству.

В системе уголовно-процессуальных затрат имеют место расходы, без которых невозможно стабильное и результативное развитие юстиции в стремительно процветающей республике.

Одним из вопросов, относящегося к данной системе и касающегося уголовного судопроизводства, а также экономики является проблема выплаты расходов. Согласно части 4 статьи 101 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики возмещение расходов свидетелям, потерпевшим, законным представителям потерпевших, экспертам, специалистам, переводчикам и понятым производится из средств органов дознания, предварительного следствия и суда [1]. Стоит согласиться, что такой подход малоэффективен, так как это наносит существенный удар по экономической составляющей государства, что даёт нам возможность делать вывод о так называемом «дорогом» правосудии. Это заставляет задуматься о тенденции к развитию в аспекте экономического планирования нацеленного на совершенствование эффективного плана возмещения расходов органам уголовного производства. При рассмотрении данной проблемы, невозможно не заметить, что решение даёт основания на изменение уголовно-процессуального законодательства, которое закрепляло бы разумный экономико-стратегический план компенсации материальный избытков, касающихся уголовного производства.

Также, затрагивая тему развития уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики, в отношении процессуального порядка взыскания судебных издержек можно выделить такие стороны развития, как:

- популяризация данной темы среди лиц, занимающихся уголовным производством, что в дальнейшем даст возможность поиска средств и направлений по сокращению судебных затрат в разумных пределах без ущерба государству;

- развитие структурированности данных затрат, что позволит возлагать часть их на осуждённого в целях возмещения ущерба государству;

- усиление внимания к проблеме определения размеров судебных издержек и возложения на осужденных, что в результате приведёт к закономерному распределению средств;

- улучшение деятельности по возмещению затрат, рассматривая это в качестве стимулирования взаимодействия граждан с правоохранительными органами;

- разработка системы классификации судебных затрат по различным признакам, что в дальнейшем даст возможность целесообразного взыскания в различных случаях, которые на данный момент законом не предусмотрены.

Заключение. В связи с неуклонным развитием уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики и постоянным его совершенствованием, прогрессивное движение разработки взыскания судебных издержек даёт возможность четко и неуклонно

выполнять задачи уголовного судопроизводства, закрепленных в статье 2 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 (в редакции по состоянию на 19.06.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.
2. Карипова А. Т. Процессуальные издержки в уголовном процессе / А. Т. Карипова, Е. А. Омаров, А. Ж. Акишов // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2019. – № 2. – С. 91–99.

УДК 343.13

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ ДНР

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gapot4enko@yandex.ua

Введение. С 2018 г. в Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) действует Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК ДНР) [1]. Изучение и анализ его норм в стадии возбуждения уголовного дела, позволяет выделить отдельные дискуссионные вопросы, которые, по нашему мнению, требуют дальнейшего усовершенствования.

Цель. Основной целью тезисов является исследование норм УПК ДНР, которые регулируют прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела, и внесение в них конкретных предложений по данным вопросам. В Российской Федерации (далее – РФ) вопросы прокурорского надзора изучены в работах Ю. Е. Винокурова, А. Ф. Козусева, Б. В. Коробейникова, В. Б. Ястребова и других учёных. В ДНР подобные фундаментальные научные исследования по данной теме в настоящее время отсутствуют.

Основная часть. В правовом государстве эффективности борьбы с преступностью определяется многими факторами, в том числе наличием правовых оснований для выявления и пресечения компетентными органами готовящихся преступлений, расследования и раскрытия уже совершенных. Вопросы защиты граждан и общества от преступных посягательств приобретают особую актуальность в связи с активизацией вызовов, которые дестабилизируют общественный порядок и угрожают конституционному строю.

В этой связи, особое значение приобретает деятельность Прокуратуры ДНР, которая в соответствии с ч.1 ст.1 Закона ДНР «О прокуратуре» осуществляет надзор за соблюдением Конституции ДНР и исполнением законов, действующих на территории ДНР, в том числе за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [2].

Деятельность правоохранительных и судебных органов по возбуждению уголовных дел, их расследованию, и судебному рассмотрению регулируется нормами УПК ДНР. Указанная процессуальная деятельность строится на принципах, которые закреплены в Конституции ДНР и обеспечивают выполнение задач уголовного судопроизводства органами дознания, расследования, прокуратуры и суда. Ни одна норма УПК ДНР не должна им противоречить.

Действия, которые не предусмотрены УПК ДНР, или проведены с его нарушением, являются незаконными, и не могут быть положены в основу итогового процессуального решения.

Нормы ст.107 УПК ДНР обязывают прокурора, следователя, орган дознания принимать заявления и сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях, в том числе и в делах, которые не подлежат их ведению. Этой же нормой предусмотрена возможность проведения проверки указанных заявлений в срок не более десяти дней. Новшеством УПК ДНР является то, что законодатель внес возможность продления срока проверки до тридцати дней. Подобной нормы не было ни в одном из предыдущих УПК СССР и Украины. Таким образом, срок стадии возбуждения уголовного дела увеличен по УПК ДНР до тридцати дней.

Вместе с тем, перечень познавательных действий при проведении проверки остался прежним: отобрание объяснений, истребование необходимых документов и проведение оперативно-розыскных мероприятий. Такая позиция законодателя, по нашему мнению, является непоследовательной, поскольку перечень познавательных действий в этой стадии существенно ограничен, и не дополнен новыми процессуальными возможностями по установлению оснований для возбуждения уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В данном вопросе с положительной стороны следует отметить УПК РФ, в ст.144 которого также предусмотрена возможность продления срока проверки заявления до 30 суток. При этом законодатель существенно расширил перечень познавательных действий в данной стадии, а именно:

– получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, назначение судебной экспертизы, участие в ее производстве и получение заключения эксперта в разумный срок, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование и иное [3]. Полагаем, что в подобном направлении должно развиваться и законодательство ДНР.

УПК ДНР не предусматривает уведомления прокурора о получении и регистрации сообщения о совершенном или готовящемся преступлении.

Часть 2 ст.112 УПК ДНР обязывает следователя и орган дознания не позднее суток направить прокурору копию итогового процессуального решения – о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела

Процессуальная деятельность, которая может осуществляться в срок до 30 дней, – от появления повода к возбуждению уголовного дела до принятия одного из итоговых процессуальных решений данной стадии уголовного процесса находится вне прокурорского надзора. Считаем, что такое положение является недопустимым, и требует законодательного урегулирования. По нашему мнению, статью 107 УПК ДНР следует дополнить частью 6 следующего содержания: «О получении, регистрации и содержании заявления о любом совершенном или готовящемся преступлении руководитель следственного органа, следователь, дознаватель в течение суток письменно уведомляют прокурора».

Таким образом, конкретизируется начальная граница прокурорского надзора в уголовном процессе. Имея сведения о полученном заявлении и его содержании, прокурор, в пределах своих полномочий будет иметь возможность осуществлять контроль законности: проведения следственных и иных проверочных действий, соблюдения процессуальных сроков проверки, прав и законных интересов заявителя и лиц, в отношении которых она проводится.

Заключение.

1. Правовая регламентация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела по УПК ДНР требует усовершенствования.

2. УПК ДНР охватывает и регламентирует прокурорский надзор в уголовном процессе только после принятия решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

3. Вопросы, которые выясняет прокурор при проверке законности возбуждения уголовного дела, должны быть законодательно определены и отражены в УПК ДНР.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 (в редакции по состоянию на 19.06.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su//zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.
2. Закон Донецкой Народной Республики «О прокуратуре» от 31.08.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su//zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature/> – Название с экрана.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в редакции по состоянию на 31.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481/a3d0f7ee6816ad8ac5a3a3975cf93b26a443c4f8/ – Название с экрана.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ ДНР

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц., *Гапотченко А. Г.*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

gapot4enko@yandex.ua, dp131291gag@gmail.com

Введение. Изучение и анализ применения отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) [1] позволяют выделить отдельные вопросы, которые требуют дальнейшего усовершенствования.

Цель. Основной целью является проведение исследования по вопросам усовершенствования отдельных норм УПК ДНР, которые регулируют избрание меры пресечения в виде личного поручительства, и внесение предложений по их законодательному урегулированию.

Основная часть. Меры пресечения в соответствии со ст.162 УПК ДНР применяются к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному с целью предотвратить попытки уклониться от дознания, следствия или суда, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу или продолжить преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения процессуальных решений.

Меры пресечения применяются при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный будет пытаться уклониться от следствия и суда или от исполнения процессуальных решений, препятствовать установлению истины по делу или продолжать преступную деятельность.

Общие правила применения мер пресечения в уголовном процессе, по нашему мнению, довольно полно и понятно изложены в главе 13 УПК ДНР, и не требуют дополнительных разъяснений.

При этом также следует учитывать общие вопросы, которые связаны с процедурой избрания той или иной меры пресечения:

- 1) наличие оснований для избрания меры пресечения;
- 2) обстоятельства, которые обуславливают избрание определенной меры пресечения относительно подозреваемого или обвиняемого;
- 3) обстоятельства, которые учитываются при избрании меры пресечения;
- 4) процессуальный порядок избрания меры пресечения;
- 5) процессуальные документы, которые составляются во время избрания меры пресечения;

б) соблюдение в уголовном процессе прав и законных интересов лица, в отношении которого избирается мера пресечения.

С учётом изложенного, считаем необходимым более детально рассмотреть процедуру избрания меры пресечения в виде личного поручительства.

Анализ оснований для избрания меры пресечения предполагает оценочное суждение следователя или прокурора при решении данного вопроса. В то же время, именно наличие в материалах уголовного дела достаточных доказательств, которые указывают на то, что в действиях определенного лица содержатся признаки конкретного преступления, является основанием для начала процедуры избрания меры пресечения, которое побуждает следователя выполнить предусмотренные законом действия для её применения.

В соответствии с ч. 1 ст.163 УПК ДНР мерами пресечения являются: 1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) залог; 4) заключение под стражу; 5) наблюдение командования воинской части.

Мера пресечения в виде личного поручительства регламентирована ст. 166 УПК ДНР и состоит в отобрании от лиц, заслуживающих доверия, письменного обязательства о том, что они ручаются за надлежащее поведение и явку обвиняемого по вызову, и обязуются при необходимости доставить его в органы дознания, предварительного следствия или в суд по первому требованию. Число поручителей определяет следователь, но их не может быть меньше двух.

Диспозиция указанной нормы указывает, что законодатель предъявляет определенные требования к поручителям. Во-первых, это должны быть лица, которые заслуживают доверия. Во-вторых, эти лица должны письменно поручиться за надлежащее поведение и явку обвиняемого, а в случае отказа, доставить его в соответствующие органы по первому требованию.

По нашему мнению, практическое исполнение таких требований лицом, которое будет назначено поручителем, является проблематичным и не всегда возможным исполнить в силу разных обстоятельств.

Вместе с тем, процессуальный механизм привлечения указанных лиц и требования к таким лицам, в УПК ДНР не регламентированы.

По нашему мнению, поиск или определение лиц, которые могут быть поручителями, может осуществляться как следователем, прокурором, так и самим подозреваемым (обвиняемым). В любом случае, такие действия должны быть отражены письменно в соответствующих процессуальных документах (письме следователя, прокурора определенному лицу, – если инициатором поиска и определения поручителя является следователь; заявлении или ходатайстве на имя следователя, – если инициатором определения поручителя является подозреваемый или обвиняемый).

Полагаем, что требования к личности поручителя должны быть определены законодателем и регламентированы в указанной выше статье УПК ДНР. При выборе поручителя следует учитывать:

- 1) возраст и состояние здоровья поручителя (в том числе отсутствие психических, алкогольных и наркологических болезней);
- 2) наличие у поручителя постоянного места работы и проживания;
- 3) отсутствие судимостей;
- 4) характеристики с места работы и проживания;
- 5) имущественное состояние поручителя;
- 6) другие данные, которые имеют значение для назначения лица поручителем.

С учётом указанных данных, личность поручителя должна определяться по взаимному согласию между подозреваемым и поручителем. В любом случае, они должны заслуживать обоюдного доверия.

Лицо, которое определяется поручителем должно знать и осознавать свои процессуальные права, обязанности и ответственность за их неисполнение. В таком случае возникает необходимость разъяснения следователем поручителю его прав и обязанностей в форме соответствующего протокола, который приобщается к материалам дела. Также считаем необходимым, ознакомление подозреваемого с указанным протоколом.

Считаем, что только после выполнения указанной процедуры, у следователя возникают все основания для избрания данной меры пресечения и формирования соответствующего постановления.

Заключение.

1. Правовая регламентация избрания меры пресечения в виде личного поручительства по УПК ДНР требует усовершенствования.

2. УПК ДНР не регламентирует требований к лицам, которые могут быть поручителями.

3. Вопросы процессуального порядка привлечения поручителей при избрании указанной меры пресечения и фиксации данного факта в материалах уголовного дела должны быть законодательно определены и отражены в УПК ДНР.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 (в редакции по состоянию на 19.06.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ГОСУДАРСТВАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц., *Легенький В. Р.*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

gapot4enko@yandex.ua, legvalentinlvr@gmail.com

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что в различных государствах сформированы независимые и специфические особенности правового регулирования общественных отношений. В основном, это выражено посредством главенства тех или иных источников права, особенностей их правоприменения. При этом не являются исключением особенности закрепления и реализации основополагающих принципов уголовного процесса в различных странах, исходя из внутринациональной специфики регламентации правовой системы.

Цель. Основная цель тезисов заключается в обобщении существующего состояния научной разработки и законодательной регламентации проблем правового регулирования принципов уголовного процесса в законодательстве отдельных зарубежных стран.

Основная часть. В настоящее время в рамках государств континентальной правовой системы сложилось два подхода к нормативному закреплению принципов уголовного процесса.

Первый из таких подходов предполагает отсутствие в уголовно-процессуальном законе отдельной главы с перечнем принципов и раскрытием их содержания и сущности. При этом такие принципы закреплены на уровне правовой доктрины, и имеют одинаковую юридическую силу с иными уголовно-процессуальными нормами.

Например, отсутствие соответствующих разделов, касающихся принципов уголовного судопроизводства в Уголовно-процессуальном кодексе Германии, определяется тем, что он был принят достаточно давно, в то время как тенденции относительно установления принципов в процессуальных кодексах приобрели развитие только лишь в 20 веке. В свою очередь, Уголовно-процессуальный кодекс Франции не содержит основных принципов уголовного судопроизводства, поскольку они были уже закреплены в ином документе, который играет более высокую роль в национальной правовой системе Франции, а именно в Декларации прав человека и гражданина 1789 года, которая помимо прочего является неотъемлемой частью действующей Конституции Франции.

Второй подход характеризуется нормативным закреплением принципов уголовного процесса, выработанных в науке, а также более или менее подробным раскрытием их содержания. Этот подход распространен

в большинстве постсоветских стран, а также в ряде швейцарских кантонов [1, с. 170]. Вместе с тем, интерес представляет нормативное закрепление принципов уголовного процесса в уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии. Примечательно, что Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) подразделяет принципы на общепроцессуальные (ст. 12-23) и действующие в судебных стадиях процесса (ст. 272,273) [2].

Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии (далее – УПК Швейцарии) их классифицирует на:

а) содержащиеся в разделе 2 титула 1452 «Основные положения уголовно-процессуального права»;

б) на изложенные в разделе 8 титула 2 «Общие правила производства по делу» [1, с. 682-687, 701-720].

При этом УПК Швейцарии включает специфические принципы, которые регламентированы только в этом законодательном акте. Так, одним из таких принципов является принцип *in dubio pro duriore* («при сомнении – по наиболее строгому варианту»). Сущность принципа заключается в следующем: если у полиции есть сомнения, начинать ли дознание, то необходимо приступить к его производству; если прокурор сомневается, нужно ли издать постановление об открытии производства по делу, то он должен его вынести; если данное должностное лицо, исходя из имеющейся доказательственной базы, однозначно не уверено, по каким статьям уголовного закона необходимо предъявлять обвинение, то его следует выдвинуть по более тяжкому из предполагаемых деяний.

Помимо вышеуказанного, интерес представляет и принцип *favor devesionis* (благоприятствование защите), который предполагает, что фактическое неравенство сторон должно компенсироваться с помощью специальных процессуальных правил и институтов, наделяющих сторону защиты как более слабую дополнительными правами и гарантиями сверх механического уравнивания полномочий [3, с. 368].

Вместе с тем, и в других государствах существуют достаточно новые и прогрессивные принципы, которые впоследствии могут быть учтены при совершенствовании законодательства Донецкой Народной Республики. Например, одним из самых прогрессивных на данный момент, по нашему мнению, является принцип разумности сроков уголовного судопроизводства. В Дании указанный принцип предполагает наложение на органы правосудия обязанности избегать любых ненужных задержек в уголовном судопроизводстве. Уголовное судопроизводство согласно этому положению должно осуществляться непрерывно. В то же время требование сокращения сроков производства по делу не должно наносить ущерба праву защиты (как стороны) иметь необходимое время для подготовки к слушанию [4, с. 31].

Важным является начальный момент течения разумного срока и его окончания. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своих решениях

указывает, что при определении продолжительности производства по уголовному делу надлежит учитывать срок с момента предъявления данному лицу «обвинения» в самостоятельном и существенном значении этого термина (дело «Кляхин против Российской Федерации» от 30 ноября 2004 г.) [5].

Важно учитывать, что определенные временные задержки, которые, как правило, связаны с проверкой материалов уголовного дела, при принятии окончательного процессуального решения допускаются по отдельным делам. Следует согласиться с мнением о том, рассматриваемый принцип судопроизводства требует, чтобы такие временные задержки обуславливались только необходимостью обеспечения прав личности, общественных интересов, а также в целях полноты и всесторонности выяснения всех обстоятельств по каждому уголовному делу [6, с. 39-40].

Заключение.

1. Принципы уголовного процесса в различных государствах являются неоднородными, и обусловлено это особенностями национальных правовых систем, которые имеют многовековую историю своего развития.

2. Специфика построения и правовой регламентации принципов уголовного процесса отдельных зарубежных государств заслуживает внимания, и, по нашему мнению, может быть использована при дальнейшем совершенствовании уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики

Список литературы

1. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1 (2-е издание) – М.:ООО «НИПКЦ Восход–А», 2019. – 1024 с.
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ИНС от 24.08.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (Дата обращения: 06.09.2020).
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. – Москва : Статут, 2016. – 1276 с.
4. Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: Сравнительно-правовой аспект. Учебное пособие. – Красноярск, 1997. – 83 с.
5. Постановление ЕСПЧ от 30.11.2004 «Дело "Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации» (жалоба № 46082/99). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi%3Ffreq%3Ddoc%3Bbase%3DAMS%3Bn%3D186554?req=doc&base=ARB&n=13125&dst=100124#009954872153571093> – (Дата обращения: 06.09.2020).
6. Малофеев И. В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Малофеев Илья Викторович. – Москва, 2015. – 217 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ВИДАХ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гапотченко М. Г.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gapotchenko.maxim2010@yandex.ru

Введение. Вопросы, связанные с возможностью привлечения юридических лиц к уголовной ответственности в настоящее время становятся все более актуальными среди ученых и практических работников. Дискуссионным и неоднозначным остается вопрос о видах наказаний, которые возможно применять в отношении юридических лиц в уголовном законодательстве.

Цель. Основной целью тезисов является проведение комплексного научного исследования по вопросу видов наказаний, которые возможно бы применять в отношении юридических лиц в уголовном законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) и Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). В РФ изучением данного вопроса занимались такие ученые, как М. А. Кондратов, С. С. Медведев, Т. В. Мальцев, Р. В. Минин и другие.

Основная часть. Уголовный кодекс ДНР (далее – УК ДНР) и уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не выделяют юридическое лицо в качестве субъекта уголовной ответственности. Так, согласно со ст. 18 УК ДНР, уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом [1]. Аналогичная норма закреплена в ст. 19 УК РФ [2].

В РФ тема привлечения юридического лица к уголовной ответственности является актуальной для научных дискуссий на протяжении более двадцати прошедших лет. Так, в 1994 году, в проекте УК РФ, подготовленном Министерством юстиции РФ и Государственно-правовым управлением Президента РФ, содержались положения об уголовной ответственности юридических лиц, однако законодатель на том этапе их не реализовал. Позднее, в 2011 году, с аналогичной инициативой выступил Следственный Комитет РФ. Документ выносился на общественное обсуждение, но в виде законопроекта Госдуме РФ так и не поступил.

В 2015 году вопросы о привлечении юридического лица к уголовной ответственности снова приобрели особую актуальность в связи с проектом ФЗ № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». В аналитической записке к данному документу

указано, что Законопроект является дополнением к действующему уголовному законодательству РФ, что в своей совокупности образует институт уголовной ответственности юридических лиц [3]. Однако данный законопроект и другие законопроекты так и не были приняты в силу различных причин. По нашему мнению, институт привлечения юридического лица к уголовной ответственности не только может, но и должен быть включен в уголовное законодательство ДНР и РФ.

Следует отметить, что уголовное законодательство большинства европейских государств давно признало юридическое лицо в качестве субъекта уголовной ответственности. Например, в ст. 121-2 УК Франции прямо указано, что юридические лица, за исключением Государства, подлежат уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Законом или Регламентом, за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица [4].

Считаем, что просто признать юридическое лицо в качестве субъекта уголовной ответственности в отечественном законодательстве является не достаточным, для образования нового полноценного института – института уголовной ответственности юридических лиц. Важно определиться с тем, какие виды наказаний возможно применять к такой специальной категории субъектов уголовно-правовых отношений.

Во-первых, при изучении данного вопроса следует понимать, что не все виды наказаний, исчерпывающий перечень которых закреплен в ст. 43 УК ДНР и ст. 44 УК РФ «Виды наказаний», могут быть применены к юридическим лицам в силу различных обстоятельств. Например, юридическому лицу не представляется возможным назначить наказание в виде обязательных или принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, пожизненного лишения свободы и ряд других наказаний, применяемых исключительно к физическим лицам.

Во-вторых, изучив законодательную практику отдельных европейских государств, считаем целесообразным и возможным применять к юридическим лицам следующие виды наказаний: – штраф; – лишение права заниматься определенной деятельностью; – конфискация имущества; – принудительная ликвидация юридического лица.

В-третьих, полагаем, что в наименование ст. 43 УК ДНР «Виды наказания» необходимо внести изменения и изложить его следующим образом: *«Виды наказаний, применяемых к физическим лицам»*.

В-четвертых, предлагаем дополнить УК ДНР ст. 43-1 *«Виды наказаний, применяемых к юридическим лицам»*, в которой отразить исчерпывающий перечень видов наказаний в отношении юридических лиц. Полагаем, что аналогичные изменения следует внести в ст. 44 УК РФ.

Считаем, что подобное разграничение позволит четко и однозначно разграничить виды наказаний, применяемые в отношении двух абсолютно разных категорий субъектов уголовной ответственности.

Таким образом, вопросы привлечения юридического лица к уголовной ответственности необходимо решить на законодательном уровне как в ДНР, так и в РФ, приведя, таким образом, многолетнюю дискуссию к логическому правовому разрешению.

Заключение.

1. Институт уголовной ответственности юридических лиц необходимо вводить в уголовное законодательство ДНР и РФ, поскольку рост преступлений, которые совершаются юридическими лицами или в их интересах уже образуют новый вид преступности, так называемую «преступность юридических лиц».

2. Не все виды наказаний, исчерпывающий перечень которых закреплен в УК ДНР и УК РФ, могут быть применены к юридическим лицам в силу различных обстоятельств.

3. В названиях ст.43 УК ДНР и в ст.44 УК РФ «Виды наказаний» следует внести изменения и изложить их в следующей редакции: *«Виды наказаний, применяемых к юридическим лицам»*.

4. Предлагаем дополнить УК ДНР ст. 43-1, и УК РФ ст.44-1 *«Виды наказаний, применяемых к юридическим лицам»*, в который отразить исчерпывающий перечень видов наказаний в отношении юридических лиц. Указанный перечень требует дополнительного научного исследования, обоснования и правовой регламентации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (в редакции по состоянию на 29.06.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в редакции от 31.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b9cf2510a1562c78162a8ae7d236552049ae9694/ – Название с экрана.
3. Проект Федерального Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»//Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/?print=1 (дата обращения: 11.03.2020).
4. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 35. – 650 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Гапотченко М. Г., Мережук Е. В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gapotchenko.maxim2010@yandex.ru, merezhuk@list.ru

Введение. Анализ уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики по вопросам доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами, позволяет выделить отдельные правовые пробелы, которые могут вызвать определенные трудности при проведении предварительного следствия.

Цель. Основной целью тезисов является исследование норм Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) [1], которые регулируют процесс доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами.

Основная часть. Проведение следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого либо обвиняемого (далее – несовершеннолетний), является обязательным, для установления истины, и выяснений всех обстоятельств совершенного преступления, которые подлежат доказыванию по уголовному делу.

При этом необходимо учитывать возраст несовершеннолетнего, его психическое состояние, отношение к совершенному преступлению, так как он может полностью не осознавать всех правовых последствий совершенного им деяния.

В соответствии со ст. 22 УПК ДНР следователь обязан принять все предусмотренные меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

УПК ДНР указывает, что доказательствами в уголовном деле являются любые фактические данные, на основании которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются, в том числе, материалами различных экспертиз (заключением эксперта).

Установление личности несовершеннолетнего, в том числе его состояния здоровья, психического состояния и вменяемости важно для

решения вопроса о возможности предъявления ему обвинения, правильной квалификации преступного деяния, а также при выборе судом вида наказания несовершеннолетнему.

В соответствии с ч.3 ст. 19 Уголовного кодекса ДНР (далее – УК ДНР), не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, если он достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [2].

Данная норма фактически обязывает следователя установить наличие либо отсутствие отставания в психическом развитии несовершеннолетнего во время совершения им общественно опасного деяния, а также, мог ли указанный несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

В связи с этим, в ходе установления и доказывания всех обстоятельств преступления, которое совершено несовершеннолетним, следователь при расследовании уголовного дела сталкивается с проблемными вопросами определения состояния его психического развития, так как сам не обладает специальными познаниями в области психологии, или судебной психиатрии.

Обязательное в таких случаях назначение экспертизы на основании ст. 83 УПК ДНР не предусмотрено, в связи с чем, возникает определенный пробел в законодательном урегулировании данного вопроса.

По нашему мнению, с целью единообразного понимания и применения следствием и судом, разрешение данного вопроса необходимо установить на законодательном уровне путем внесения изменений и дополнений в УПК ДНР

Мы полагаем, что экспертизу для установления отставания в психическом развитии несовершеннолетнего, которое не связано с психическим расстройством несовершеннолетнего во время совершения общественно опасного деяния, следует в обязательном порядке назначать и проводить по всем уголовным делам с участием несовершеннолетних.

Данный вопрос является дискуссионным, и требует дополнительного научного изучения и исследования.

Предлагая такое новшество, мы исходим из того, что имея заключение экспертизы о состоянии психического развития несовершеннолетнего, и его вменяемости во время совершения общественно-опасного деяния, следователь и суд смогут в полной мере решить вопрос:

– о привлечении его к уголовной ответственности и назначении ему соответствующего наказания;

– об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Конечная цель данного предложения – защита прав и законных интересов несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве.

Заключение.

1. Установление состояния психического развития несовершеннолетнего, и его вменяемости на момент совершения общественно-опасного деяния, имеет важное значение при проведении предварительного следствия и в судебном разбирательстве.

2. Полагаем, что экспертизу для установления отставания в психическом развитии несовершеннолетнего, которое не связано с его психическим расстройством во время совершения общественно опасного деяния, следует в обязательном порядке назначать и проводить по всем уголовным делам с участием несовершеннолетних.

3. Предлагаем дополнить ст. 83 УПК ДНР пунктом 5, и изложить его в следующей редакции:

Экспертиза назначается обязательно...

5) для установления отставания в психическом развитии несовершеннолетнего, не связанном с его психическим расстройством, и его вменяемости во время совершения общественно-опасного деяния.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.09.2020г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (с изменениями, по состоянию на 07.09.2020г.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> . – Название с экрана.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гапотченко М. Г., Фомин В. В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gapotchenko.maxim2010@yandex.ru, fomi-1986@bk.ru

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что сохранение чести и достоинства каждого гражданина относится к числу наиболее важных личных прав, без которых невозможно само существование человека. Конституция Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью ДНР, её государственных органов и должностных лиц.

В случае привлечения лица к уголовной ответственности может произойти недопустимое умаление чести и достоинства подозреваемого или обвиняемого, как со стороны должностных лиц правоохранительных органов, так и стороны представителей СМИ, освещающих ход рассмотрения дела. В силу этого, актуальным остаётся анализ форм и методов государственной защиты чести и достоинства граждан в уголовном судопроизводстве ДНР.

Целью исследования является изучение и анализ процессуальных механизмов, позволяющих методами государственного воздействия предупредить или минимизировать случаи нарушения чести и достоинства граждан в уголовном судопроизводстве ДНР.

Основная часть. Расследование уголовных дел, розыск лиц, обвиняемых в совершении преступлений, сбор доказательств, подтверждающих их вину, представляют один из важнейших видов государственной деятельности, направленной на защиту общества от противоправных посягательств. Эта деятельность тесно связана с реализацией права государства применять меры принудительного характера, ограничивать свободу и некоторые конституционные права отдельных субъектов уголовного процесса. Данные ограничения являются временными, и применяются исключительно в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса ДНР (далее – УПК ДНР). В то же время, в соответствии с конституционным принципом презумпции невиновности, эти граждане считаются невиновными до вынесения в отношении их обвинительного приговора суда, и продолжают оставаться носителями всех гражданских прав и свобод.

Данный термин прямо не упоминается в УПК ДНР, однако, действие презумпции невиновности вытекает из анализа диспозиции ч. 2 ст. 14 УПК ДНР, предусматривающей осуществление правосудия только судом [1].

Логическим следствием данного юридического постулата является то, что обвиняемый не обязан доказывать собственную невиновность, бремя доказательства вины и установления фактических обстоятельств совершения им преступления возложено на государственные органы.

В отдельных случаях должностные лица этих государственных органов превратно понимают свои задачи и функции. Имеет место применение различных форм психологического манипулирования в отношении подследственных лиц. Также могут использоваться прямое давление, угрозы, шантаж, физическое воздействие. В научной литературе указывается, что под влиянием угрозы разглашения сведений личного характера или информации, могущей негативным образом отразиться на репутации, унижать честь и достоинство, лицо, находящееся под следствием, вынуждено давать признательные показания, которые на деле являются самооговором [2, с. 60-61]. Следовательно, на законодательном уровне необходимо предусмотреть и развивать государственную защиту граждан от таких действий со стороны представителей власти.

Честь представляет собой моральную категорию, отражающую положительную общественно значимую характеристику таких качеств лица, как честность, доблесть, мораль, нравственность. Достоинство строится на собственной самооценке лица, его понимании своего места и роли в обществе и жизни других людей. Честь и достоинство семантически пересекаются, честь обязательно предполагает включение в себя достоинства [3, с. 168].

По сложившемуся в уголовно-процессуальной науке мнению, определённое действие может рассматриваться как унижающее честь и достоинство лишь при условии сочетания двух характеристик – содержать смысловое наполнение эмоционально отрицательного, унижительно-характера и быть выраженным в неприличной (неприемлемой в общепринятом морально-нравственном контексте) форме. При этом сохраняется разница в понимании оскорбления с точки зрения права, лингвистики и на уровне обыденного сознания [4, с. 103]. Это, на наш взгляд, создаёт определённые препятствия для выработки надлежащей трактовки и квалификации данного рода действий.

С положительной стороны следует отметить, что ст.14 УПК Российской Федерации «Презумпция невиновности» прямо закрепляет на законодательном уровне указанный конституционный принцип [5].

Также следует отметить вопрос освещения хода расследования резонансных дел в средствах массовой информации (далее – СМИ). В погоне за так называемыми «журналистскими сенсациями», а иногда и при наличии прямого заказа, отдельные журналисты освещают события таким

образом, что создают условия, когда определённое лицо в свете общественного мнения выставляется в качестве преступника ещё на стадии проверки заявления о преступлении.

Должностные лица органов дознания и следствия, являясь членами общества, невольно могут склоняться к точке зрения, навязываемой масс-медиа, а общественное мнение, не знакомое с юридическими тонкостями, огульно считает человека виновным до решения суда и отрицательно рассматривает его законные попытки защиты своей чести и достоинства.

Заключение.

1. Декларируя принцип осуществления правосудия только судом, УПК ДНР вместе с тем, не содержит и не раскрывает в своих нормах конституционный принцип презумпции невиновности.

2. Полагаем, что УПК ДНР необходимо дополнить ст. 14-1 «Презумпция невиновности», в которой на законодательном уровне раскрыть и зафиксировать указанный конституционный принцип. В данной норме необходимо также указать что «преступление считается раскрытым только после того, как обвинительный приговор суда в отношении конкретного лица по данному уголовному делу вступил в законную силу».

3. Подлежит усовершенствованию законодательство ДНР об ответственности работников СМИ за неправдивое освещение хода расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, когда это унижает честь и достоинство отдельных граждан.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 24.08.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsouet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-parodnoj-respubliki/> – (Дата обращения: 07.09.2020).
2. Замылин Е. И., Намнясева В. В. Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве (к вопросу о защите чести и достоинства личности). // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 3. – С. 59-64.
3. Алинкина А. В. Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства судей Российской Федерации при оскорблении и клевете. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 167-176.
4. Напреенко Г. В. Об участии лингвиста в судебных заседаниях по делам об оскорблении представителей власти. // Юрислингвистика. – 2018. – № 9-10. – С. 100-112.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/50cc4ba5b9174a79ff3a7c8fe091aed08316c8f9/ – Дата обращения: 07.09.2020.

ПРИНУЖДЕНИЕ К ИЗЪЯТИЮ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Гулина С. Н., Гокунь Ю. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
s.gulina@donnu.ru, yulya.gokun@mail.ru

Введение. Ведущим и быстроразвивающимся направлением современной медицины является трансплантология. Трансплантации по своей природе представляется собой замещение больного органа (ткани) здоровым, изъятым из организма другого человека. Изъятие органа или ткани должно быть добровольным процессом, однако такой принцип как добровольность в некоторых случаях нарушается, что не допустимо не только с медицинской точки зрения, но и противоречит уголовно-правовому законодательству.

Принуждение лица к изъятию у него органов и тканей для дальнейшей их пересадки другому человеку в Российской Федерации уголовно наказуемо и предусмотрено ст.120 УК РФ [1], части которой обозначают два состава преступления. Первый из них – это принуждение лица к изъятию у него органов или тканей для их трансплантации в дальнейшем другому человеку, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения (ч.1 ст.120 УК РФ). Второй состав преступления образует аналогичное деяние, совершенное по отношению к лицу, которое заведомо для преступника находится в беспомощном состоянии или в материальной либо иной зависимости от преступника (ч.2 ст.120 УК РФ).

Цель. Согласно отчёту Генеральной прокуратуры, за принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации в Российской Федерации никто никогда не был осуждён [2]. В дополнение к этому, некоторые исследователи считают ст.120 УК РФ «мертвой», т.к. она почти не применяется на практике и поэтому должна быть исключена из действующего Уголовного кодекса. Полагаем, что данная точка зрения является не совсем верной по следующим причинам.

Основная часть. Возможно, неприменение на практике ст.120 УК РФ обусловлено тем, что уголовно-наказуемые деяния, предусмотренные ею, относятся к латентной преступности. Жертва преступления может не сообщить сотрудникам правоохранительных органов о том, что какое-либо заинтересованное в трансплантации лицо принуждало её к изъятию органов или тканей, оправдывая это страхом перед принуждающим, его мстью, увольнением с работы, боязнью негативной критики со стороны окружающих либо по иным причинам. Это позволяет отнести рассматриваемое преступление к разряду скрытых от правоохранительных органов.

Скрываемым принуждением к изъятию органов и тканей для пересадки делает неучтением и неотражением его в статистике, составляемой сотрудниками правоохранительных органов, а также его неправильная квалификация. Прежде всего необходимо отметить, что не все операции по изъятию и пересадке органов и тканей проводятся на законной основе. Наблюдателями ОБСЕ в Ливии, Сомали, Судане и ряда других государств были зарегистрированы случаи незаконного изъятия органов с последующей смертью жертвы [3]. Правоохранительными органами США, Латинской Америки и правоохранительными органами многих европейских и азиатских государств зафиксированы случаи нелегального проведения операций по изъятию органов и тканей в целях их дальнейшей трансплантации [4, с. 955–962]. Было установлено, что некоторым операциям по изъятию биоматериала предшествовало принуждение к этому жертвы. Следовательно, принимая во внимание существующие случаи по незаконному изъятию человеческих органов и тканей, можно прийти к выводу о том, что, если изъятие органа повлечёт за собой смерть пациента, общественно-опасное деяние, предусмотренное ст.120 УК РФ, может быть ошибочно расценено сотрудниками полиции как:

1) убийство;

2) убийство, совершённое с особой жестокостью, когда полицейские не знают почему был выбран именно такой способ лишения человека жизни и полагают, что изъятие органов и тканей направлено на причинение дополнительных страданий жертве;

3) убийство из корыстных побуждений, если преступник получил (должен получить) за принуждение к изъятию материальное вознаграждение, а в большинстве случаев, нелегальное изъятие органов и тканей происходит именно в корыстных целях;

4) убийство, совершённое по мотивам ненависти или вражды между преступником и жертвой, вызванными принадлежностью жертвы к определённой политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной, социальной группе;

5) убийство, совершённое для использования органов или тканей жертвы.

Особого внимания заслуживает отграничение принуждения к изъятию органов и тканей человека для трансплантации от убийства, совершённого для использования органов или тканей жертвы (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Основное отличие двух преступлений вытекает из их объективной стороны. При убийстве, совершённом для использования органов или тканей жертвы, деяние существует в виде лишения жизни человека, а при принуждении к изъятию органов и тканей человека для трансплантации деяние имеет вид активных действий по применению насилия либо угрозы применения насилия. Состав преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ, принято считать формальным и

оконченным с момента принуждения, без учёта того, удалось ли преступнику принудить жертву к изъятию. Состав убийства, совершённого для использования органов или тканей жертвы, является материальным, т.е. для него обязательно наличие причинно-следственной связи и общественно-опасного последствия в виде наступления смерти жертвы.

К объективной стороне состава преступления примыкает и субъективная, образуя отличие в виде цели преступления. Преступник, принуждая человека к изъятию органов или тканей, не задумывается о том, приведёт ли изъятие органа к смерти донора, ставя перед собой цель лишь заставить человека согласиться на проведение медицинской процедуры по извлечению необходимого органа для его трансплантации другому лицу. Цель преступления, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не всегда может быть обусловлена необходимостью проведения трансплантации. Данное преступление может быть совершено и с целью использовать извлечённые органы как пищу, для проведения различных религиозных ритуалов [5, с. 218-221], для опытов и исследований и т.д.

Заключение. Норму, регламентирующую ответственность за принуждение лица к изъятию у него органов и тканей в целях трансплантации, нельзя рассматривать как «мёртвую» и удалять из УК РФ, т.к. её удаление способно повлечь за собой массовое распространение принуждения к изъятию органов и тканей для пересадки, а также увеличение количества проведения незаконных операций по изъятию органов и тканей и по их дальнейшей трансплантации другим лицам. В дополнение в этом отметим, что наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 120 делает его современным нормативным правовым актом, отражающим развитие общественных отношений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – Название с экрана.
2. Статистика Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://crimestat.ru/> – Название с экрана.
3. Галева Г. Р. Общая характеристика возникновения и обострения проблемы незаконного транснационального оборота органов человеческого тела // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1, № 2.
4. Yosuke Shimazono. The state of the international organ trade: a provisional picture based on integration of available information // Bulletin of the World Health. Volume 85, Number 12, December 2007, PP. 955–962.
5. Филиппова Д. Е. Убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего: проблемы оценки / Д. Е. Филиппова // Юридические науки. — 2019. — № 2. — С. 218-221.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ

Гулина С. Н., Савкина М. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

s.gulina@donnu.ru, vladlenasavkina31@gmail.com

В уголовном праве предусмотрен ряд способов освобождения от уголовной ответственности, сокращения или смягчения наказания, а именно: амнистия и помилование. Амнистия отличается от помилования тем, что актом об амнистии лица, совершившего преступление, может быть снята не только уголовная, но и административная ответственность, в то время как помилование распространяется только на уголовные преступления.

Согласно ст. 86 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики, а также п. 13 ч. 1 ст. 59 Конституции ДНР, помилование осуществляется Главой ДНР [1] в отношении индивидуально определённого лица. Также, актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть:

- освобождено от дальнейшего отбывания наказания;
- его наказание может быть сокращено или заменено более мягким;
- с лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость [2].

Особое влияние помилование осуществляет на приговор к смертной казни. В данном случае, согласно ч.4 ст.58 УК ДНР, смертная казнь может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет [2].

Запросить акт о помиловании может каждый осужденный за преступление [1]. Помимо осужденного лица, о помиловании могут запросить его родственники, администрации учреждений и органов, исполняющих наказание, общественные организации и уважаемые люди страны, общественные деятели [4].

Применяется помилование в ДНР в отношении лиц:

- осужденных судами Украины и отбывающих наказание на территории ДНР;
- осужденных судами ДНР к наказаниям, предусмотренным уголовным законом, и отбывающих наказание на территории ДНР;
- осужденных судами иностранного государства, которые в соответствии с международными договорами отбывают наказание на территории ДНР;
- отбывших наказание, назначенное судами и имеющие неснятую судимость.

Глава ДНР Денис Пушилин подписал Указ №261 «О Комиссии по вопросам помилования» от 26 августа 2019 года [3], в котором постановил утвердить состав Комиссии по вопросам помилования, утвердить положение данной Комиссии, и Порядок рассмотрения ходатайств о помиловании.

Глава ДНР определяет состав Комиссии по вопросам помилования (далее – Комиссия). В её состав входят:

- *председатель* Комиссии. Он руководит работой Комиссии, председательствует на заседаниях, несет ответственность за выполнения задач Комиссии, определяет круг вопросов, подлежащих рассмотрению на заседаниях Комиссии, и представляет Комиссию в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями.

- *заместитель председателя* выполняет функции и задачи председатели Комиссии, если последний временно не может исполнять свои обязанности или отсутствует.

- *члены Комиссии* участвуют в заседаниях Комиссии и принятии решений по кругу вопросов, вынесенных на рассмотрение.

Секретарь, точнее лицо, осуществляющее функции секретаря Комиссии не входит в её состав и не обладает правом голоса при голосовании. Данный работник ведет делопроизводство Комиссии, обеспечивает контроль исполнения решений, а также решает организационные вопросы.

Комиссия осуществляет Порядок рассмотрения ходатайств о помиловании (далее – Порядок). Осуществляется помилованием путем издания Главой ДНР указа о помиловании. Указ издается на основании соответствующего ходатайства.

В Указе Главы ДНР №261 «О Комиссии по вопросам помилования» от 26 августа 2019 года прописана процедура подачи и рассмотрения ходатайства. Осужденный обращается в письменной форме с ходатайством о помиловании к Главе ДНР. Данное ходатайство направляется в Комиссию. При рассмотрении ходатайства о помиловании Комиссия вправе запросить дополнительные сведения и документы, необходимые для подготовки материалов о помиловании осужденного у органов государственной власти и органов местного самоуправления. Комиссия не позднее, чем через 30 календарных дней со дня получения ходатайства о помиловании представляет Главе ДНР ходатайство, материалы к нему, а также заключение о целесообразности применения акта помилования в отношении осужденного.

Указ Главы ДНР о помиловании в течение 2 рабочих дней со дня его издания для организации исполнения направляется в республиканский орган исполнительной власти и для сведения – в республиканский орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере

внутренних дел. Глава может отклонить ходатайство о помиловании. В таком случае, повторное рассмотрение допускается не ранее, чем через один год, за исключением появления новых обстоятельств, имеющих существенное значение для применения акта помилования.

На сегодняшний день институт помилования развит слабо. Издан Указ «О Комиссии по вопросам помилования» и данная Комиссия сформирована, утверждена Инструкция «Об организации работы органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с ходатайствами осужденных о помиловании», также прописана процедура подачи ходатайства о помиловании, его рассмотрения и случаи применения. В Конституции ДНР и УК ДНР также упоминается данная процедура. Одним словом, нормативная база есть, но случаев применения помилования на практике нет. Из этого вытекает следующее:

А) Граждане страны, лица осужденные за преступления, не знают, либо плохо осведомлены о возможности подачи ходатайства о помиловании. В данном случае, необходимо улучшить работу с населением и донести до народа, что существует процедура помилования.

Б) Органы государственной власти и органы местного самоуправления не до конца понимают, как именно работать с желающими подать ходатайство о помиловании, как данные ходатайства принимать и направлять в Комиссию. В данном случае органам государственной власти и органам местного самоуправления необходимо разъяснить их действия, либо проверить компетенцию работников данных органов, касающихся вопросов помилования, и либо отправить на повышение квалификации, либо лишить занимаемых должностей.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики. – Д.: Издательский дом «Эдит», 2019. – 36 с.
2. Уголовный кодекс ДНР. – Д.: Издательский дом «Эдит», 2018. – 200 с.
3. Указ Главы ДНР «О Комиссии по вопросам помилования» №261 от 26 августа 2019 года. – 14 с.
4. 11.3.2 Помилование / Уголовное право России (Общая часть): Учебное пособие. Диаконов В. В. [Электронный ресурс] // Allpravo.ru. – 2003. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum104/print418.html>, Дата посещения: 03.10.2020г.

**К ВОПРОСУ О СБЛИЖЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТНОСИТЕЛЬНО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА
ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

Журба А. И., канд. юрид. наук, доц., **Матвиенко В. С.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.zhurba@donnu.ru, matviyenko.1997@list.ru

Введение. Донецкая Народная Республика стала на путь гармонизации законодательства с законодательством Российской Федерации. Важным является вопрос сближения правовой базы относительно иммунитетов от уголовного преследования дипломатических агентов.

Цель публикации – проанализировать вопрос сближения законодательства Донецкой Народной Республики с законодательством Российской Федерации относительно иммунитета от уголовного преследования дипломатического персонала и членов их семей.

Основная часть. Международное право, которому твердо привержена Донецкая Народная Республика, требует, чтобы правоохранительные органы распространяли определенные привилегии и иммунитеты на сотрудников иностранных дипломатических представительств.

Дипломатический иммунитет представляет собой принцип международного права, согласно которому некоторые должностные лица иностранных государств не подпадают под юрисдикцию местных судов и других органов власти как в отношении своей служебной, так и в значительной степени личной деятельности. Принцип дипломатического иммунитета является одним из древнейших элементов международных отношений. Древнегреческие и римские власти, например, предоставляли особый статус посланникам, и основная концепция развивалась и сохранялась до настоящего времени. С точки зрения международного права дипломатический иммунитет до недавнего времени основывался главным образом на обычаях и международной практике. В период после Второй мировой войны был заключен ряд международных конвенций (наиболее примечательны Венская конвенция о дипломатических сношениях и Венская конвенция о консульских сношениях). Эти конвенции формализовали обычные нормы и сделали их применение более единообразным [1].

Дипломаты, представляющие свою страну за рубежом, пользуются дипломатическим иммунитетом. Это защищает их от судебного преследования в принимающем государстве в течение всего периода, в течение которого они занимают свой дипломатический пост. Так, согласно ст. 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях дипломатический агент пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания [2]. Основная цель Конвенции состоит в том, чтобы позволить дипломатам беспрепятственно выполнять свою работу в принимающем государстве. Они могут сделать это только в том случае, если им не грозит никакой опасности репрессий со стороны правительства последнего государства.

Полиция не может задерживать их, арестовывать, обыскивать или арестовывать их дома и другое имущество. Дипломаты не могут быть подвергнуты судебному преследованию или иным образом принуждены предстать перед уголовным судом. Дипломатические агенты пользуются полным иммунитетом от уголовной юрисдикции судов принимающей страны и, таким образом, не могут быть привлечены к уголовной ответственности независимо от того, насколько серьезным является преступление, если только их иммунитет не будет отменен представляемым государством.

Вторая категория сотрудников посольства – административный и технический персонал (секретари, например), которые непосредственно поддерживают дипломатическую деятельность, пользуются тем же иммунитетом от действий полиции и уголовных судов. Также иммунитет от уголовного преследования распространяется на членов семей дипломатических агентов, административного и технического персонала, живущих с ними.

Статья 3 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) содержит положение, в соответствии с которым нормы уголовно-процессуального законодательства не распространяются на лиц, пользующихся правом дипломатической неприкосновенности [3]. Такое изъятие соответствует нормам международного права.

В свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ, в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, производятся с согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом, или международной организации, членом персонала которой оно является или являлось. Информация о том, пользуется ли соответствующее лицо иммунитетом и

каков объем такого иммунитета, предоставляется Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Международные соглашения о дипломатическом иммунитете по-прежнему являются незаменимыми. Дипломаты являются личными представителями своих стран и поэтому могут быть объектами раздражения, агрессии или даже необузданной ненависти, например, когда принимающее государство не соглашается с политикой направляющего государства. Во всем мире каждый день возникают случаи, когда дипломаты и представители международных организаций нуждаются в международной правовой защите.

Важным является вопрос идентификации (проверки личности) дипломатических агентов. Когда сотрудник правоохранительных органов вызван на место уголовного происшествия с участием лица, претендующего на дипломатический иммунитет, вопрос о том, может ли дипломат ссылаться на иммунитет, не может быть определен исключительно по его дипломатическому паспорту. В конце концов, иммунитет зависит от того, аккредитованы ли дипломаты в той или иной стране, что обычно можно определить по их протокольной карточке, однако и этой информации недостаточно. Информация должна предоставляться официальным уполномоченным органом принимающего государства.

Как следует из содержания УПК ДНР, в Донецкой Народной Республике не определен порядок уведомления о наличии дипломатического иммунитета, как это происходит в Российской Федерации Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Заключение. Таким образом, в рамках сближения законодательства об иммунитетах от уголовного преследования Донецкой Народной Республики с законодательством Российской Федерации необходимо расширение полномочий Министерства иностранных дел Донецкой Народной Республики за счет полномочия относительно предоставления информации о наличии у лица дипломатического иммунитета.

Список литературы

1. Дипломатический и консульский иммунитет. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/07/2018-DipConImm_v5_Web.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
2. Венская конвенция о дипломатических сношениях : Принята 18 апреля 1961 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 01.10.2020).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 20.09.2018 г. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 01.10.2020).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Зарецкая Е. А., Величко Н. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
kerriin_94@list.ru, n_velichko@bk.ru

Введение. В каждом преступлении существует время, в течение которого выполняется объективная сторона преступного посягательства полностью или в части, необходимой для уголовно-правовой квалификации в качестве преступления. Время учитывается не только в течение криминального посягательства, но и при окончании момента совершения преступления, отражая тем самым свою значимость при квалификации состава преступления. Важность рассмотрения особенностей материального и нематериального состава преступления обоснована его постоянным практическим применением в решении уголовных дел.

Основная часть. Под составом преступления понимается совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление в соответствии с уголовным законодательством.

Состав преступления – это универсальная правовая структура, с помощью которой общественно опасное деяние может быть оценено в уголовном праве. Термины «преступление» и «состав преступления» относятся друг к другу как к явлению и как понятию о нем.

Значение состава преступления заключается в следующем:

- наличие состава преступления является основанием для привлечения к уголовной ответственности;
- состав преступления – условие квалификации преступления, которым является соответствие признаков совершенного общественного акта признакам состава преступления, установленным в норме Особенной части Уголовного кодекса ДНР;
- в зависимости от состава преступления определить вид и размер взыскания или иной меры;

В теории уголовного права принято различать материальный и нематериальный (формальный и укороченный) состав преступления. Ученые и специалисты используют два варианта интерпретации материального состава преступления, каждый из которых должным образом описывает данную классификацию.

Одна из таких трактовок заключается в том, что материальный состав – это состав, который имеет в числе своих признаков общественно

опасные последствия, а нематериальный в свою очередь тот, который данных признаков не имеет. Данное сравнение основано на содержании объективной стороны, но нельзя забывать о моменте юридического окончания преступления [1, с. 134-137]. По мнению Д. В. Решетниковой, «очевидно, что момент завершения преступления напрямую связан с вопросом о стадиях его совершения» [2, с.134]. По нашему мнению, утверждение можно применить только к преступлениям с умышленной формой вины, так как в преступлениях по неосторожности нельзя наблюдать стадии его свершения. Согласно рассматриваемого критерия материальный состав – это состав, который описывает признаки деяния, считающегося оконченным при наступлении общественно опасных последствий, а нематериальный – описывает признаки деяния, считавшегося оконченным при исполнении деяния или же созданий условий для его исполнения. В соответствии с этим критерием в уголовном праве нематериальный состав делится на формальный – момент юридического окончания преступления приходится на стадию исполнения преступления, и усеченный – момент юридического окончания преступления приходится на стадию создания условий для его совершения.

Хотелось бы рассмотреть важность и необходимость различать и правильно квалифицировать материальный и нематериальный состав преступления на примере статьи 111 УК ДНР «Доведение до самоубийства». В данной статье основной состав преступления является формальный, так как уголовная ответственность за доведение до самоубийства наступает вне зависимости от последующих действий потерпевшего лица. Также можно дифференцировать данное преступление и по материальному составу, в этом случае, склонение, повлекшее со стороны потерпевшего самоубийство или покушение на самоубийство, квалифицировалось как оконченное преступление, а безрезультатное склонение оценивалось бы только как покушение на это преступление. Но законодатель не рассматривает в данном преступлении материальный состав из-за конкретных объективных причин [2, с. 134]:

- 1) Нематериальный характер общественно опасных последствий;
- 2) Невозможность фиксации законодательной и судебной практикой общественно опасных последствий, а также проблемы их процессуальной доказуемости;
- 3) Значительная разница во времени между общественно опасными последствиями и совершением противоправного деяния.

Мы считаем, что существует, и субъективная причина по которому в конкретных статьях вводится формальный состав, она заключается в усилении санкции за преступление. Рассматривая на примере ст. 111 УК ДНР «Доведение до самоубийства» если бы она была с материальным

составом, то в случае с безрезультатным склонением преступник несет ответственность лишь за покушение на преступление, но в случае с формальным составом данная ответственность будет полная в соответствии с конкретной статьей. Для того, чтобы конкретно определить уголовную ответственность за безрезультатное склонение, склонение повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство и необходимо введение формального состава преступления.

Заключение. Подводя итоги можно сказать, что на первом этапе классификации можно разделить состав на материальный и нематериальный, а втором уровне классификации нематериальный делится на формальный и усеченный, а смешанные составы выделяют на обоих уровнях классификации. В данной работе были рассмотрены особенности материальных и нематериальных составов преступления, а также было проведено их сравнение на примере статьи 111 УК ДНР, в результате чего можно сделать вывод, что необходимо наличие двух видов состава преступления в связи с обособленностью каждого вида и незаменимостью в уголовном кодексе, также необходимо отметить, что различать и конкретно определять точный вид состава преступления, для дальнейшей объективной оценки с целью вынесения справедливого и законного решения суда.

Список литературы

1. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. – СПб., 2002. – 353 с.
2. Решетникова Д. В. Формальный состав преступления в классификационном ряду *coerpus delicti* // Общество и право. – 2012. – № 2 (39)., – С. 132-136
3. Решетникова Д. В. К проблеме конструирования составов преступлений в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. - № 1. – С. 397-399
4. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. – Н. Новгород: Деком, 2008. – 244 с.
5. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики [Текст]: принят Народным Советом ДНР от 19.08.2014, по состоянию на 29.06.2020 / Народный совет ДНР 2020. – 275 с.

ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТИЯ ЛИЦА ЖЕНСКОГО ПОЛА В КАЧЕСТВЕ СОИСПОЛНИТЕЛЯ В СОВЕРШЕНИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Зарецкая Е. А., Крамарчук И. О.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
kerriin_94@list.ru, ira13012001@rambler.ru

Введение. В разрезе исследования судебной практики анализ законодательной конструкции закрепления «изнасилования» способствует возникновению дискуссионных вопросов. За последние годы участие женщины в изнасиловании в качестве участника преступления значительно возросло. В связи с этим анализ уголовного законодательства позволит разрешить проблему привлечения женщины в качестве исполнителя преступления или соисполнителя.

Основная часть. Исследованием вопроса привлечения лица женского пола в качестве субъекта занимались немало ученых, в частности Андреева Л. А., Петрова И. А., Дьяченко П. А., Комиссаров В. Н. и другие. Под понятием изнасилования следует понимать половое сношение между мужчиной и женщиной, совершенное в естественной форме помимо или против воли потерпевшей путем применения насилия, угроз его применения либо с использованием ее беспомощного состояния [3]. Анализируя статью 133 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, стоит отметить, что в данном преступлении обязательным признаком является специальный субъект. Таким специальным субъектом будет являться лицо мужского пола.

Однако, исследуя данную тему, не стоит исключать возможность совершения изнасилования двумя или более лицами, то есть соисполнителями, среди которых возможно присутствие лица женского пола. В таком случае возникает вопрос о привлечении такого лица к уголовной ответственности. Данный вопрос является проблемным поскольку в этом случае лицо женского пола не обладает признаком специального субъекта. Согласно части 4 статьи 33 Уголовного кодекса ДНР лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК ДНР, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника [1].

Таким образом, проанализировав положения законодательства, можно сделать вывод о том, что в случае участия лица женского пола в совершении изнасилования невозможно говорить о данном субъекте, как

соисполнителе. Такого же мнения придерживаются многие ученые. Так Дьяченко А. П. говорил о том, что данное преступление в силу своей специфики может быть совершено лишь лицом мужского пола [2]. По его мнению, сознательное способствование половому сношению должно быть квалифицировано как пособничество. Комиссаров В. Н. считает, что норма, указанная в ч. 4 ст. 33 УК ДНР является универсальной, а, соответственно, лицо, участвовавшее в преступлении, но не обладающее признаками специального субъекта — не может быть соисполнителем [2].

Исследовав научную литературу, следует отметить, что учеными были выдвинуты некоторые перспективы развития правильной квалификации совершения изнасилования. К таким перспективам относится:

– отказ от факта возможности совершения изнасилования специальным субъектом – лицом мужского пола. По нашему мнению, данное положение является необоснованным и не верным. Во-первых, понятие изнасилования включает в себя половое сношение в естественной форме, а, во-вторых, ст. 134 УК ДНР регламентирует назначение уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера. Указанная статья закрепляет возможность назначения уголовной ответственности лицу женского пола за действия сексуального характера с применением насилия или угрозой его применения.

– отказ от нормы, закрепленной в ч. 4 ст. 33 УК ДНР, где закреплено, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК ДНР, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника [1]. Отказ от данной нормы является нецелесообразным в связи с тем, что указанная норма позволила решить вопросы соучастия, возникающие в судебной практики, в преступлениях со специальным субъектом на законодательном уровне.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что в случае непосредственного участия женщины в совершении действий, охватываемых объективной стороной изнасилования законодатель четко определил, что в данном случае на последнюю распространяется действие ч. 4 ст. 33 УК ДНР, которая закрепляет невозможность квалификации действий данного лица, как соисполнительство.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики. Принят постановлением Верховного Совета ДНР №ВС 28-1 от 19.08.2014. Действующая редакция на 06.12.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

1. Гавриленков С. А. Пол лица, как обязательный признак, характеризующий специального субъекта изнасилования// Актуальные вопросы современной науки. 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pol-litsa-kak-obyazatelnyy-priznak-harakterizuyuschiy-spetsialnogo-subekta-iznasilovaniya/viewer>
2. Шувалова Т. Г. К вопросу о понятии изнасилования// Вестник Московского университета МВД России. 2009. №5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-iznasilovaniya/viewer>

УДК 343.5.176.316.36

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЗЛОСТНОСТЬ» КАК ОСНОВОПОЛОГАЮЩЕГО ПРИЗНАКА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ

Карло А. Г.

ГОУ ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
andrey-barmaley@inbox.ru

Введение. Исследуемая проблема, связанная с уклонением от уплаты денежных средств на содержание несовершеннолетних детей, всегда была социально актуальной, и остается таковой и на сегодняшний день. Стойкое нежелание нерадивых родителей платить средства на содержание несовершеннолетних детей, приобрела злостный характер.

Одна из основных обязанностей родителей это содержать своих несовершеннолетних детей. В случае если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке [1].

Основная часть. На сегодняшний день достаточно дискуссионным остается вопрос определения понятия «злостности», как обязательного признака объективной стороны преступления предусматривающего уклонение от уплаты средств на содержание детей. Различные толкования понятия «злостное уклонение», не имеющего четкого закрепления в действующем уголовном законодательстве, создают проблемы в квалификации и расследовании преступления данного вида. Зачастую сотрудники органов дознания сталкиваются с проблемой определения «злостности» характера этого деяния, а именно – момент и пределы «злостности».

Эта проблема возникла с самого момента появления понятия «злостная неуплата алиментов», которое впервые возникло в Уголовном кодексе РСФСР от 1926 г. Так, статья 158 УК РСФСР предусматривала уголовную

ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних и нетрудоспособных детей, а также нетрудоспособных родителей [2]. Законодатель, выделив диспозицию данной нормы, установил санкции за ее нарушение, однако, что именно следует подразумевать под термином «злостная неуплата», так и не определил.

В дальнейшем нормативно-правовые акты, предусматривающие ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных детей и нетрудоспособных родителей, понятия злостности так и не раскрыли. Этот вопрос на современном этапе так и остается не урегулированным, понятие «злостное уклонение» законом не определено, его применение остается исключительно оценочным. Так, если виновный в течение длительного времени (не менее полугода) уклоняется от уплаты алиментов, а затем единожды выплачивает задолженность хотя бы частично, то признак «злостности» в уклонении, как бы, не усматривается и условия для наступления уголовной ответственности не наступают.

Толковый словарь С. И. Ожегова, дает понятию «злостный» такие определения: 1) грубо и часто нарушающий правила, нормы поведения или отношений – злостная клевета, злостное хулиганство; 2) закоренелый в чем-нибудь дурном (преступник)[3].

В правоприменительной деятельности под «злостностью» понимают: прямой отказ от осуществления выплат; повторность в совершении подобных деяний (два и более раз), наличие задолженности; сокрытие реального размера заработка или настоящего места работы; частую смену работы или места жительства с целью избежать удержаний по исполнительному листу; объявление должника в розыск [4].

В качестве примера представляется возможным рассмотреть случай из практики автора. Так, во время проведения дознания по заявлению гражданки Л. в отношении бывшего мужа гражданина Л., который вопреки решению суда Центрально-Городского межрайонного суда г. Горловка, от 07.02.2015 года, уклонялся от выплаты денежных средств на содержание своего ребенка. Согласно указанному решению суда гражданин Л. был обязан выплачивать в пользу гражданки Л. на содержание ребенка 1/3 часть со всех видов заработка (дохода), но не менее 1/2 необлагаемого минимума дохода граждан. С самого начала гражданин Л. отказался выплачивать алименты, аргументируя тем, что ребенок, родившийся в совместном браке с гражданкой Л., не от него, аргументируя это тем, что ребенок родился через семь месяцев после заключения брака. На уверения своей жены, а также на заключения медицинских работников гражданин Л. внимания не обращал. Отказывался принимать какое-либо участие в воспитании ребенка, абсолютно не интересовался им. В связи с такими действиями гражданина Л. у него образовалась задолженность по алиментам в размере 98868 рублей.

После обращения гражданки Л. в ОВД с заявлением о принятии мер к бывшему мужу, в связи с его злостным уклонением от уплаты алиментов, органом дознания была проведена доследственная проверка, в ходе которой выяснилось, что гражданин Л. является плательщиком налогов как физическое лицо-предприниматель, имеет ежемесячный определенный стабильный доход, владеет автомобилем, а также двумя квартирами в разных районах города. Данные сведения он сокрыл от службы судебных приставов. В ходе сбора иных сведений, могущих оправдать поведение гражданина Л. по отношению к ребенку, фактов его нахождения на лечении в лечебных учреждениях, нахождения на диспансерном учете не поступило. Факт неуплаты алиментов гражданином Л. не отрицал.

По результатам проведенного дознания в отношении гражданина Л. сотрудниками полиции на основании ст. 455 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, в порядке досудебной подготовки протокольной формы материала, был составлен протокол по ч. 1 ст. 163 УК ДНР [5]. Далее, гражданин Л. ознакомившись с материалами дела, постановлением прокурора о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 163 УК ДНР и обвинительным заключением, единоразово выплачивает алименты в размере 500 рублей [6].

Заключение. Таким образом, анализ уголовного законодательства ДНР, нормативной базы зарубежного законодательства, практический опыт сотрудников правоохранительных органов, а также личный опыт автора дают возможность определить понятие «злостности» в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК ДНР. Под злостным уклонением от уплаты алиментов следует понимать противоправную деятельность виновного, заключающуюся в:

- сокрытия им своего действительного заработка;
- в частой смене места работы с целью избежать удержаний по исполнительному листу;
- в уклонении с этой же целью от трудоустройства, смена места жительства без уведомления службы судебных приставов, наличие предыдущей судимости за такое же преступление и т.п.

Список литературы

1. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики № 172-ПНС от 17.07.2020 (действующая редакция по состоянию на 01.09.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
2. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – М., Юр. изд-во НКЮ РСФСР – 1927 г.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — URL: <http://slovarozhegova.ru>.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации научно-практический (Постатейный) 2-е издание, переработанное и дополненное. Под редакцией С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – URL: <https://www.twirpx.com>

5. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 20.09.2018 (с изм. и доп. от 12.03.2020 № 108-ІНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
6. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 (с изм. и доп. от 28.03.2020 № 113-ІНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

УДК 343.36

ВОПРОСЫ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ И ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Карпенко Л. К., канд. юрид. наук, *Глущенко В. Р.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
karpenko@donnu.ru, glushenko.valerya2018@yandex.ua

Введение. Обеспечение всестороннего правового регулирования социальных связей в сфере отправления правосудия относится к числу важнейших вопросов в сфере функционирования современного общества. Важность уголовно-правовой охраны правосудия подчеркивается ключевой ролью уголовного закона, выступающего механизмом регулирования общественных отношений, способным обеспечить эффективную защиту интересов их участников

Проблема воспрепятствования осуществлению правосудия и противодействия расследованию, ранее лишь отчасти привлекавшая внимание исследователей-правоведов, криминалистов и специалистов в области оперативно-розыскной деятельности, в последнее время становится особенно актуальной и острой. Это вызвано увеличением масштабов организованной преступной деятельности, тесно связанной с процессами коррумпированности работников властных и правоохранительных структур. Статья 6 Конституции Донецкой Народной Республики 2014 г. закрепляет самостоятельность и независимость судебной власти в качестве ключевых элементов функционирования современного правового государства [2], достижение которых возможно при соблюдении комплекса экономических, социально-нравственных, правовых и идеологических условий.

Основная часть. Деятельность судей, а также иных лиц, осуществляющих правосудие, представляет собой реализацию судебной власти и направлена на выполнение определенных задач. Так, она имеет

своей целью обеспечение объективного и законного принятия решений по гражданским, уголовным, арбитражным делам и делам об административных правонарушениях, а также защиту гражданских, трудовых, семейных и других прав и законных интересов граждан, организаций, предприятий, объединений и государства. Для реализации указанных направлений деятельности необходимо обеспечить их защиту, соответственно, и сами судьи, осуществляющие правосудие, нуждаются в правовой защите от любых неправомерных попыток вмешательства в их правомерную деятельность [1, с. 114].

Научно-правовой анализ ст.349 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики 2014г. (далее – УК ДНР) свидетельствует, что видовым объектом рассматриваемых преступлений является правосудие. Такое заключение основано на формулировке названия главы 31 УК ДНР «Преступления против правосудия» [5]. В юридической литературе общепринята точка зрения, определяющая основными непосредственными объектами рассматриваемого преступления установленный порядок осуществления правосудия судебной властью (подразумевается независимость судей и их подчинение только закону), а также общественные отношения, обеспечивающие независимую и безопасную деятельность суда. Сфера действия ч. 1 ст. 349 УК ДНР распространяется на уголовное, гражданское, арбитражное, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях, а также конституционное судопроизводство. Факультативным объектом могут выступать интересы личности (к примеру, потерпевшего) [3, с. 98].

Объективная сторона в соответствии с ч. 1 ст. 349 УК ДНР характеризуется вмешательством в деятельность суда в любой форме с целью воспрепятствования осуществлению правосудия [5]. С учетом характера поведения виновных вмешательство в правомерную деятельность судей и других лиц, осуществляющих правосудие, может быть выражено в таких действиях: просьбы и уговоры о совершении незаконных действий или об отказе от совершения определенных законных действий; незаконные требования; шантаж – угрозы распространения определенных информационных данных, касающихся непосредственно лиц, осуществляющих правосудие, либо их близких; угрозы формирования неблагоприятных условий служебной деятельности (пикетирование помещения суда, организация голодовки, манифестации, использование средств массовой информации для психологического воздействия на субъектов, осуществляющих правосудие и прочее).

Также воспрепятствование возможно и путем бездействия: отказ в предоставлении или выдачи документов и других вещественных доказательств, необходимых суду, либо создание различных препятствий для осуществления правосудия, когда исключается характер насилия или

угрозы причинением вреда здоровью. Воспрепятствование возможно также путем иного неправомерного поведения виновных (неявка адвоката в суд без уважительных причин) либо опосредованного действия (через адвокатов, служащих суда, секретаря судебного заседания, средства массовой информации) [4, с. 139].

А. В. Боярская акцентирует внимание на том, что форма вмешательства значения не имеет и охватывает любое выражение воздействия, непосредственно или через третьих лиц обращенное к судье или заседателю. Современная литература признает, что похищение, уничтожение или повреждение материалов дела, вещественных доказательств в настоящее время на практике рассматриваются как одна из форм воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. Тем не менее, они не в полной мере отвечают признакам преступления, предусмотренного ст. 349 УК ДНР, что определяет необходимость изменения законодательства и соответствующего их закрепления отдельной нормой уголовно-правового закона [3, с. 99].

Состав рассматриваемого преступления признается оконченным с момента совершения определенных действий, которые могут воспрепятствовать осуществлению правосудия независимо от его результатов. Субъективные признаки состава образуют внутреннюю сторону конкретного преступного деяния. В качестве составных элементов выступают субъект и субъективная сторона. Субъектом признаются любые лица, вменяемые и достигшие шестнадцатилетнего возраста. Широко распространены акты противодействия, осуществляемого партийными либо профсоюзными представителями, участниками трудовых коллективов или отдельных категорий населения. Также противодействие может быть осуществлено со стороны родственников либо друзей виновного [2, с. 278].

Заключение. Подводя итоги, стоит отметить, что воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования в научной литературе признано наименее интенсивным посягательством на интересы правосудия. Несмотря на это, важность видовой объекта, а также заложенная в преступном деянии способность провоцировать должностных лиц, осуществляющих свои полномочия в сфере правосудия, к очень серьезным нарушениям служебного долга актуализируют важность разработки действенных мер, нацеленных на увеличение результативности уголовно-правового запрета.

Дискуссии в научных кругах акцентируют внимание на определенной некорректности в законодательном формулировании целей в соответствующих нормах уголовного закона. Так, воспрепятствование является определенным процессом, а процесс не может выступать результатом. В связи с этим предлагаются изменения в уголовный закон,

предусматривающие закрепление в формулировке целей положения о создании препятствий осуществлению правосудия либо законному производству предварительного расследования.

Список литературы

1. Абрамова П. В. Воспрепятствование осуществлению правосудия: научно-правовой анализ статьи 294 УК РФ / П. В. Абрамова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – №2. – С.114-116.
2. Абрамова П. В. О воспрепятствовании осуществлению правосудия в аспекте типичных следственных ситуаций (на материале судебной статистики ряда субъектов РФ за 2007-2012 годы) / П. В. Абрамова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – №2. – С.277-280.
3. Боярская А. В. Воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы объекта и объективной стороны / А. В. Боярская // Правоприменение. – 2018. – №2. – С.97-105.
4. Тугутов Б. А. Преступления против правосудия: теория и правоприменение / Б. А. Тугутов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – №2 (16). – С.137-146.
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики №ВС 28-1 от 19.08.2014; с изм. от 23.09.2014 № 35-1/1/ Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/>. (дата обращения: 21.09.2020). – Загл. с экрана.

УДК 343.9

ПРИНУЖДЕНИЕ К ИЗЪЯТИЮ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Карпенко Л. К., канд. юрид. наук, *Кривonosова Я. Е.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
karpenko@donnu.ru, yana_krivososova@bk.ru

Введение. Осуществление правильной и детальной криминологической характеристики преступных деяний имеет важное значение для освещения полной и объективной картины преступлений, определения границ и сферы действия уголовного права. Особое значение такая характеристика представляет для преступлений против жизни и здоровья.

Сегодня конституции большинства государств закрепляют положение, согласно которому, каждый человек имеет право на жизнь, на охрану здоровья и медицинскую помощь. Таким образом, государства гарантируют, что ни один человек не может быть подвергнут

медицинским, научным или иным вмешательствам без его согласия. Тем не менее, сегодня во всем мире совершаются разного рода преступления, объектом посягательства которых является жизнь и здоровье человека. Поэтому с целью защиты жизни и здоровья каждого лица законодателем большинства государств был установлен ряд норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение общественно-опасных деяний, посягающих на данные объекты. Так, например, в РФ одной из таких норм является ст. 120 УК РФ [1], предусматривающая ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации; в Республике Беларусь – ст. 164 УК [2], устанавливающая уголовную ответственность за нарушение порядка проведения трансплантации; в Грузии – ст. 134 УК [3], закрепляющая ответственность за принуждение к изъятию органов, частей органов или тканей человека; в Республике Казахстан – ст. 116 УК [4], предусматривающая уголовную ответственность за принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей человека и другие.

Актуальность (социальная значимость). Как известно, для того, чтобы установить уголовную ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, должны быть полно и всесторонне исследованы все обстоятельства совершения преступления, выявлены все признаки его состава. В связи с этим, актуализируется проблема изучения причин и условий совершения преступлений в сфере охраны жизни и здоровья человека. Поэтому исследование данного вопроса имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку способствует разработке эффективных мер противодействия данной категории преступлений. Изучение проблемы причин и условий совершения принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации является важным и потому, что оно раскрывает истоки происхождения данного негативного явления.

Следует отметить, что рассматриваемой тематике посвятили свои труды такие ученые, как: Е. В. Грибова, А. П. Соловьев, А. М. Чернецкова, Ю. А. Чернышева и др. Однако, несмотря на их значительный научный и практический интерес в данной сфере, изучение причин, условий, а также мер предупреждения, направленных на борьбу с незаконной трансплантацией органов человека, исследованы в недостаточной степени.

Основная часть. Как известно, детерминация преступности – один из ключевых элементов современной криминологии. Её важность заключается в том, что, в случае раскрытия причин преступности в современном обществе появится возможность разработать и осуществить эффективные меры борьбы с этим негативным явлением. Детерминация преступности подразумевают определение взаимодействия всех вещей, объектов, явлений и процессов. В криминологии этот термин является объединяющим для терминов «причины» и «условия».

Причины – это те факторы, которые порождают преступность как свое следствие. Их следует искать в конкретной ситуации, в которой находится субъект, а также в криминогенных свойствах его личности. Что же касается условий, то они непосредственно не порождают преступность, но «открывают путь» для действия причин, облегчают наступление общественно опасных последствий. Таким образом, под условиями совершения преступления понимаются обстоятельства, которые сами собой не порождают общественно опасное деяние, но способствуют его совершению. Ими могут быть различные недостатки в политической, экономической, культурной, духовной и других сферах, а также деятельности государственного аппарата. Взаимодействие данных детерминационных явлений проиллюстрируем на примере незаконной трансплантации органов человека.

Великие научные открытия и клинические успехи трансплантологов, так же как и бесчисленные акты благородства со стороны доноров органов и их семей, сделали трансплантацию не только видом медицины, спасающим жизнь, но и символом человеческой солидарности. И несмотря на то, что конституционное право на медицинскую помощь – неотъемлемое право человека, к сожалению, оно зачастую является далеким от реальности, поскольку главная проблема заключается в предоставлении реципиенту донорского материала. В этих условиях реципиенты длительное время вынуждены ожидать своей очереди в получении биоматериала. Необходимость, экстренность проведения операций по трансплантации органов и тканей человека являются основными причинами создания преступного следствия, а именно незаконной трансплантологии [5].

Вместе с тем, к причинам и условиям, способствующим незаконной трансплантации органов или тканей человека можно отнести: низкий уровень материального состояния подавляющей части населения, недостаточное финансирование со стороны государства трансплантационных программ; несовершенство законодательства в области трансплантологии; недостаточная осведомленность населения в вопросах трансплантации органов или тканей человека и другие.

Результат. Принимая во внимание всё вышеизложенное, считаем, что для борьбы с незаконной трансплантацией органов и тканей человека необходима разработка системы мер, способствующей предупреждению совершения рассматриваемого преступления. К числу таких мер необходимо отнести:

- совершенствование законодательства, регламентирующего трансплантацию органов или тканей человека;
- изучение динамики и структуры причин и условий, обуславливающих преступные проявления в сфере трансплантологии;
- создание системы мер правового и организационного характера по противодействию правонарушений в сфере незаконной трансплантологии;

- участие общественности в предупредительной деятельности незаконного донорства;
- сотрудничество правоохранительных органов по предупреждению преступлений в сфере трансплантологии;
- разработка и внедрение комплекса мер, направленных на осведомление населения государства по вопросам трансплантации органов, а также уголовной ответственности за незаконное её совершение.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.10.2020.).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № № 275-3 (ред. от 11.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 11.10.2020.).
3. Уголовный кодекс Грузии (по сост. на 01.10.2019 № 5041) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=212> (дата обращения: 11.10.2020.).
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 07.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.10.2020.).
5. Чернышева Ю. А. Криминологический аспект незаконной трансплантации органов и тканей человека в РФ: причины, условия ее возникновения, меры предупреждения // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 1-3.

УДК 347.6

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗА И ПРОТИВ

Комаров В. А., канд. юрид. наук, *Кащеев Б. М.*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gpd-dua@yandex.ru, bogdan1990k@mail.ua

Введение. Суд присяжных в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) переживает третий этап своей новой истории. Первым шагом стало принятие в 1989 году «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве», который устанавливал, что вопрос виновности подсудимого по делам о преступлениях, за совершение которых предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше 10 лет, может рассматриваться судом присяжных.

Затем Конституция РСФСР установила, что «рассмотрение гражданских и уголовных дел в судах осуществляется коллегиально и единолично; в судах первой инстанции — с участием присяжных заседателей, народных заседателей либо коллегией из трех профессиональных судей или единолично судьей».

Основная часть. Сторонники суда присяжных ожидали, что с его помощью удастся повысить качество расследования уголовных дел, их оппоненты сомневались в способности представителей народа к отправлению правосудия, ожидая его превращения в декоративный институт российского правосудия.

Есть и очевидный недостаток — долгосрочность процедуры, когда присяжные заседают месяцами, прежде чем вынести вердикт. Хотя судьями-профессионалами такое дело может быть рассмотрено за пару недель. Бывает, что коллегия присяжных распадается, тогда все судебное следствие приходится начинать сначала.

Кроме этого также бывают и другие проблемы связанные с судом присяжных. Например, гарантия суда присяжных тщательно защищает конституционные права обвиняемого. Тем не менее, при определенных обстоятельствах присяжные могут «явно» нанести ущерб обвиняемому. Присяжные могут иметь предвзятое отношение к обвиняемому из-за предвзятости до суда, особо тяжкого характера обвиняемого преступления или таких характеристик обвиняемого, как раса, вероисповедание или предыдущая судимость.

«Voirdire» оказался неэффективным средством искоренения всей предвзятости присяжных. Кроме того, фактические и юридические сложности конкретного дела могут сделать присяжных неспособными обеспечить справедливое судебное разбирательство. Суд присяжных также может потребовать чрезмерно много времени и затрат как для ответчика, так и для общественности. Следовательно, обвиняемому должно быть разрешено отказаться от его права на суд присяжных в определенных ситуациях. Правило 23 (а) Федеральных правил уголовного судопроизводства (FRCP) предусматривает, что «дела, которые должны рассматриваться присяжными, должны рассматриваться, таким образом, если только обвиняемый не отказывается от суда присяжных в письменной форме с одобрения суда и согласия правительства.

«Подтверждая законность этого правила в деле Сингер против Соединенных Штатов», Верховный суд отклонил требование о том, что ответчик имеет право на судебное разбирательство в суде. Кроме того, Суд, полагаясь на честность прокурора как «слугу закона», не потребовал, чтобы прокурор излагал причины отказа в согласии с запрошенным ответчиком отказом. Однако Суд отметил, что в некоторых ситуациях «причины, по которым обвиняемый желает, чтобы его судил только судья,

могут быть настолько убедительными, что настойчивое требование властей Российской Федерации о проведении судебного разбирательства с участием присяжных приведет к отказу ответчика в беспристрастном судебном разбирательстве».

Большинство нижестоящих федеральных судов истолковали это изречение как разрешающее суду «отменять отказ прокурора в согласии только в том случае, если принуждение к суду присяжных в отношении обвиняемого приведет к отказу в его праве на справедливое судебное разбирательство». Более того, эти суды признали, что предъявляют высокие требования к ответчику при доказательстве того, что его конституционное право может быть нарушено. Поскольку обвиняемые редко могли справиться со строгим бременем доказывания, прокурору, по сути, было предоставлено право «вето». Требование от ответчика предъявить конкретные доказательства того, что присяжные будут несправедливыми, недопустимо ставят под угрозу его конституционное право на справедливое судебное разбирательство. Скорее суд должен отменить «вето» прокурора на отказ всякий раз, когда обвиняемый показывает разумную вероятность того, что беспристрастное жюри не может быть отстранено от судебного разбирательства.

Неспособность присяжных обеспечить справедливое судебное разбирательство может происходить по разным причинам. Например, на присяжных может повлиять неблагоприятная предсудебная огласка. Право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство также может быть поставлено под угрозу в результате принуждения к нему присяжных, которым для правильного разрешения дела требуется владение сложным предметом, о котором не может знать рядовой неспециалист. Даже под руководством экспертов присяжные могут оказаться неспособным вынести справедливый и аргументированный вердикт. Более того, если обвиняемый обвиняется в особо тяжком преступлении, присяжные не смогут вынести решение по делу без учета предвзятых мнений. Однако многие федеральные суды потребовали от ответчика доказать фактическое предубеждение присяжных, чтобы преодолеть «вето» прокуратуры по конституционным основаниям. Например, некоторые суды требовали от ответчика доказать «фактическое существование «предвзятого» мнения в сознании присяжного заседателя». Другие отклонили запросы для отказа, потому что обвиняемый не представил конкретных доказательств невозможности справедливого судебного разбирательства. Многие другие суды безоговорочно отклонили ходатайство ответчика о проведении судебного разбирательства после того, как прокурор отказал в согласии.

Такой строгий стандарт доказывания препятствует адекватной защите конституционного права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, поскольку на самом деле присяжные могут быть

пристрастными, хотя ответчик не может этого доказать. Верховный суд в деле Ирвин против Дауда признал это, когда отменил обвинительный приговор на том основании, что присяжные не предоставили обвиняемому справедливого судебного разбирательства, даже несмотря на то, что «каждый присяжный был искривлен, когда говорил, что он будет справедливым и беспристрастным». Однако Суд, как правило, полагался на процессуальные средства, доступные судье первой инстанции, чтобы преодолеть любые предубеждения присяжных. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Россия не готова к суду присяжных. Но такой категоричный вывод делать преждевременно.

Усовершенствовать суд присяжных может более тщательный подход к формированию коллегии присяжных заседателей и применению системы психологического тестирования. Также для повышения эффективности суда присяжных необходимо повторно рассмотреть возможность защиты присяжных заседателей, возможно охраны на период рассмотрения уголовного дела в суде.

Заключение. В настоящее время продвигается судебная реформа, и встречается на своем пути немало проблем, это не подлежит сомнению. При этом необходимо не забывать, что как таковая реформа проводится не в интересах государства, а исключительно направлена на улучшение системы правосудия для каждого гражданина Российской Федерации.

Представляется очевидным, что проблемы законодательной регламентации и функционирования суда присяжных в России нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы

1. Васляева Н. Л. Суд присяжных: достоинства и недостатки // Государство и право в XXI веке. – 2017. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-dostoinstva-i-nedostatki> (дата обращения: 02.10.2020).
2. Дело №1-83/2012 // Архив Серышевского районного суда Амурской области. [Электронный ресурс] – URL: <http://sudact.ru/regular/>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, ВЫЯВЛЕННЫЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кривченко Ю. А., канд. техн. наук

Республиканский центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции
Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР
yu2112@ukr.net

Введение. Судебная инженерно-техническая экспертиза безопасности жизнедеятельности (БЖД), теория и методика которой изложены в монографиях [1, 2], проводится в Республиканском центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики. Его судебный эксперт в рамках досудебной проверки или уголовного дела выполняет в месяц 6...8 различной сложности экспертиз бытовых случаев, в области охраны труда, горно-технических и инженерно-экологических, причем оказывая также правовую помощь Луганской Народной Республике, в которой отсутствуют эксперты-техники, аттестованные по соответствующим экспертным специальностям.

Основная часть. Значимость судебной экспертизы безопасности жизнедеятельности в судебно-экспертной деятельности ДНР высокая и продолжает расти по мере восстановления экономики государства. При этом уже в настоящее время увеличивается количество правонарушений (преступлений) в энергетике, сельском и коммунальном хозяйствах, на горных предприятиях, в школах, в первую очередь на уроках физической культуры, стали обрушаться строительные конструкции сильно изношенных промышленных объектов и жилых домов – крыши, перекрытия, стены, переходные мостики, площадки, столбы, опоры, балконы, надподъездные козырьки, заборы, ворота, иные сооружения из бетона, металла и железобетона. Отметим некоторые ключевые результаты анализа указанного тренда, возникшего в современных реалиях:

– высокий производственный травматизм на малых шахтах-артелях, руководителями (собственниками) которых являются физические лица-предприниматели, нередко даже не имеющие высшее горно-техническое образование, обусловлен тем, что горные работы на них часто ведутся без получения лицензии на пользование недрами, акта о предоставлении горного отвода, патента на добычу каменного угля (угольной продукции) отмеченными субъектами хозяйствования, разрешения Государственного Комитета Гортехнадзора ДНР на выполнение работ и эксплуатацию машин, механизмов, оборудования повышенной опасности, заключения договора на обслуживание подразделениями ГВГСС МЧС ДНР,

разработки и утверждения в установленном порядке технической, нормативной и проектно-технологической документации, создания системы управления производством и охраной труда, оформления в установленном порядке трудовых отношений с нанимаемыми работниками, проведения среди них профессионального отбора, прохождения всеми принимаемыми на горное предприятие лицами всего обучающего комплекса по вопросам охраны труда, безопасным методам и приемам выполнения работ в фактических горно-геологических условиях и оказания первой помощи пострадавшим, надлежащего надзора за безопасным ведением технологических процессов членами артели (и это наблюдается даже тогда, когда подземные выработки в нарушение правил безопасности в угольных шахтах проветриваются только за счет депрессии естественной тяги при наличии в рудничной атмосфере метана);

– сейчас многие аварии (обрывы проводов, падения опор, короткие замыкания и др.) на линиях электропередачи нередко связаны с негативными последствиями обстрелов, но травмы, связанные с электрическим током, люди получают вследствие неправильной организации восстановительных работ (возможно, в спешке) и несоблюдения техники безопасности, неосторожности, ошибок в процессе их проведения (в сложных случаях может возникнуть необходимость назначить судебную электротехническую или комплексную экспертизу);

– часто отравления оксидом углерода в котельных обусловлены их проветриванием только за счет естественной тяги, неудовлетворительным техническим состоянием устройств отвода продуктов сгорания топлива в котлах;

– давно назрела необходимость повысить ответственность родителей за проступки их детей и существенно снизить «бумажно-бюрократическую» нагрузку педагогов муниципальных общеобразовательных учреждений (школ) и вузов, тогда они, вместо вынужденной имитации бурной деятельности в своей отчетной документации, реально смогут больше внимания уделять обучению и воспитанию обучающихся;

– значительный износ основных и жилого фондов – это вопиющая проблема, требующая огромных материальных вложений, но ее все-таки нужно решать;

– пока еще иногда, но доходит до абсурда: работник на территории предприятия (цеха, на рабочем месте и т. д.) шел, оступись, упал, травмировался, по этому случаю зачем-то потребовались специальные научно-технические знания и назначается судебная инженерно-техническая экспертиза БЖД.

На практике сразу после чрезвычайной ситуации начинаются ее расследования ведомственной либо специальной комиссией и параллельно следственным органом в рамках доследственной проверки. Их

эффективность во многом зависит от умения взаимодействовать следователей и членов комиссии, квалифицированного проведения ими первоочередных действий – выемка необходимых документов на аварийном объекте (эксплуатационной, нормативной, технической и проектно-технологической документации, приказов, распоряжений, нарядов-допусков, инструкций, руководств, мероприятий, рекомендаций, отчетов, положений, книг, журналов, расчетов, протоколов, должностных инструкций, инструкций по охране труда, предписаний органов надзора и др.), обследование места происшествия, осмотр зданий, сооружений, средств производства, транспорта, защиты, контроля и связи, проведение видео- и фотосъемки, лабораторных исследований, измерений, испытаний, экспериментов, экспертиз, опрос свидетелей и специалистов, составление протоколов и т. п. Здесь, однако, возникает сомнение в целесообразности такого дублирования в начальной стадии расследования, ведь в любом случае следователю-юристу, не обладающему специальными знаниями в области технических наук, сложно самостоятельно вести вышеперечисленные следственные действия, все равно он, как правило, вынужден обращаться за помощью и консультациями к специалистам или экспертам. И хорошо, если он хотя бы не отвлекает от работы членов комиссии, тогда как именно на ее материалы расследования прежде всего опирается судебный эксперт при проведении экспертного исследования.

Заключение. Упрощенная структура судебно-экспертной деятельности в сфере БЖД: назначение судебной инженерно-технической экспертизы БЖД; экспертные исследования технических аспектов анализируемой чрезвычайной ситуации (АЧС), связанной с отступлениями от требований нормативных правовых актов в области БЖД; выводы судебного эксперта с технической точки зрения по лицам, чьи действия находились в прямой и косвенной причинности с АЧС, а также дополнительно к уже реализованной опасности в виде АЧС создали другую угрозу гибели людей или наступления иных тяжких последствий (если такая задача ставится, то, как правило, необходимо провести целенаправленное дорасследование); всесторонний анализ, который проводят следственные и судебные органы по всем особам, причастным к АЧС; выводы по всем причастным к АЧС лицам с юридической точки зрения.

Список литературы

1. Теоретичні основи судової інженерно-технічної експертизи безпеки життєдіяльності/ Ю. О. Кривченко, Л. Г. Бордюгов, В. В. Сабадаш, А. С. Беліков, О. М. Моїсєєв, Д. І. Фокін, Н. А. Решетнікова, Р. М. Шостак, С. В. Прусакова, І. М. Марченко, Є. Ю. Білогурова. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2013. – 371 с.
2. Методика судової інженерно-технічної експертизи безпеки життєдіяльності/ Ю. О. Кривченко, Л. Г. Бордюгов, В. В. Сабадаш, А. С. Беліков, О. М. Моїсєєв, Д. І. Фокін, Н. А. Решетнікова, Р. М. Шостак, С. В. Прусакова, І. М. Марченко, Є. Ю. Білогурова. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2013. – 144 с.

СООТНОШЕНИЕ КОРРУПЦИИ И ЛОББИЗМА

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., *Моисеева К. Н.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

o.levendarenko@donnu.ru, moiseevakristina64@gmail.com

Взаимосвязь коррупции и лоббирования – актуальный вопрос в современном правовом поле. Это связано с тем, что явления имеют схожий характер. Однако, один из них является видом противоправной деятельности и влечет за собой уголовную ответственность, а другой как явление до конца не изучен. Отсутствие правовых норм и единообразное толкование термина «лоббизм» означает, что существует потребность в корреляции между коррупцией и лоббированием.

Лоббирование – это вид деятельности, при котором отдельные лица и представители неправительственных организаций оказывают влияние на государственные органы или органы местного самоуправления с целью побудить их к принятию определенных решений. В то же время лоббист не находится на службе у органа, который имеет право принимать / не принимать необходимое решение.

Цели лоббирования разнообразны. Даже в странах с богатыми демократическими традициями лоббирование преследует прежде всего социально-экономические цели, связанные с решением проблем собственности и распоряжения. Предоставление прав на осуществление определенных видов деятельности (экспорт сырья, производство оружия и т. д.); Госзаказ; Квоты, лицензии; Гранты, займы; Тарифы на энергию; экономические и налоговые льготы; Финансирование социальных программ.

При этом под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, взяточничество, получение взятки, злоупотребление властью, коммерческий подкуп или иное незаконное использование служебного положения лицом вопреки законным интересам общества и государства с целью получения выгоды в виде денег, ценностей», владеть или получать другое имущество или услуги определенного типа собственности, другие имущественные права для себя или для третьей стороны, или незаконное предоставление таких выгод указанному лицу любым другим лицом.

В отличие от лоббирования коррупция предполагает использование лицом официального положения для получения выгоды, противоречащей интересам общества и государства в целом. Еще одним отличием является законность: лоббирование разрешено законом, а совершение коррупционных правонарушений влечет за собой соответствующий вид ответственности.

По мнению экспертов, наиболее эффективными субъектами лоббирования являются бизнес-сообщества, а наименее эффективными – рядовые граждане, общественные организации и объединения.

Коррупционные отношения включают, с одной стороны, лиц, официально участвующих в государственном управлении, и, с другой стороны, представителей, занимающих официальные должности в организациях частного сектора.

Существует частичное сходство тематики этих явлений, которое проявляется в участии представителей частного сектора.

Предметом лоббирования являются конкретные интересы: материальные или социальные ресурсы, разрешение споров, доминирование на рынке и т. Д.

Предметом коррупционных правонарушений являются незаконно полученные услуги, как имущественные, так и неимущественные.

Таким образом, при лоббировании чиновник использует свою власть, чтобы увеличить шансы на продвижение по служебной лестнице, если он действует в интересах определенной группы. Основными целями правового регулирования лоббистской деятельности должны быть противодействие коррупционному лобби, противодействие слиянию бизнеса и власти, а также развитие взаимодействия между государственными органами и институтами гражданского общества.

Следовательно, исходя из вышеперечисленного, механизмы представительства должны быть разграничены на правовом уровне, что повысит эффективность антикоррупционной политики и положительно повлияет на завершение институционализации лоббистской деятельности.

Список литературы

1. Кружай М. С. Лоббизм в России: политические аспекты правового регулирования // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 11. – С. 353-355
2. Колосова Н. М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. – 2014. – No2. – С. 53–59.
3. Сучкова А. А. Лоббизм: основные подходы к пониманию // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – С. 22-30.
4. Понявина М. Б. Политика в сфере образования в СССР и современной России (политологический анализ). Монография. – М: ООО «Издательский Дом «Вузовский учебник», 2017.

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Левин В. В., Романенко К. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
vlad.levin2016@yandex.ru, kristinaromanenko99@gmail.com

Оценка общественной опасности злоупотребления и превышения должностными лицами своими полномочиями, а также установление адекватной юридической ответственности за их совершение приобрели актуальный характер. Проблемы должностной преступности влияют не только на честь, достоинство и деловую репутацию публичного аппарата управления, но и ставят под сомнение компетентность самих должностных лиц, наводит на мысль о дезорганизации их деятельности.

Успешное предотвращение должностных преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения. Особенности, порождающие такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия. Поэтому личность субъекта должностных преступлений – главная и одновременно одна из самых сложных проблем криминологии.

Целью является криминологический анализ личности преступника, совершающего преступления, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий.

Важно отметить, что должностная преступность во многом обусловлена общими криминогенными, социальными, экономическими, политическими, психологическими и иными аспектами. В их числе – кризис и нестабильность развития экономики [1, с. 68], ее «теневая» составляющая [2, с. 99], криминогенный характер профессиональной среды [3, с. 163], покровительство [4, с. 25].

Характеризуя лиц, совершающих должностные преступления, необходимо учитывать их основные отличительные черты. Большинству из них присущи сравнительно высокий уровень образованности, стремление к накоплению богатства любым путем, быстрая адаптация к нормативно-правовым изменениям, наличие широкого круга деловых отношений и тому подобное [5, с. 99]. Совершение преступлений в этой сфере требует от участников определенных знаний, навыков и специальной подготовки. Корыстным преступным действиям лиц способствуют, с одной стороны, слабый контроль за порядком деятельности публичных органов, а с другой – возможность сокрытия злоупотреблений и превышений благодаря институту служебной тайны.

Поэтому преступники умело используют уже объективно сформованные для них упомянутые благоприятные условия.

Для наиболее эффективной борьбы с должностной преступностью необходимо выявить причины подобных противоправных явлений.

Смирных Д. А. выделяет несколько источников злоупотребления полномочиями. Прежде всего, это экономическая нестабильность, сопровождающаяся бессистемными изменениями инфляции, провоцирующими поиск должностными лицами дополнительных источников доходов, которые нередко носят уголовно-правовой характер и указывают на ненадлежащее использование имеющихся полномочий [6, с. 180].

Не исключается также лоббирование интересов финансовых групп и желание продвижения по карьерной лестнице заинтересованных лиц. Зачастую депутаты, судьи, прокуроры и многие другие пытаются во что бы то ни стало назначить на должность своих ближайших родственников [6, с. 181]. Имея властные полномочия и устойчивое финансовое положение, они способны преступить закон, зная, что путем подкупа других должностных лиц смогут избежать наказания.

Не вызывает сомнений, что пробелы в профессиональной подготовке контролирующих, надзирающих и правоохранительных служб, отсутствие надлежащих полномочий, финансовых и организационно-управленческих возможностей для выполнения возложенных на них функций [7, с. 164], по мнению Эминова В. Е., также могут служить детерминантами совершения должностных преступлений. Преступность управления является свойством администраций различных уровней, порождающим неправомерные нормативные акты и преступные деяния юридическими и физическими лицами. Все это складывается в совокупность преступлений и воспроизводящих их причин.

Основываясь на изложенных точках зрения, укажем следующие причины злоупотребления полномочиями и превышений полномочий, совершаемых должностными лицами:

- 1) низкий уровень правосознания (непрофессионализм, некомпетентность);
- 2) недостатки и несовершенства профилактических мер предупреждения должностной преступности;
- 3) развитие бюрократической системы управления при устаревших ценностных ориентациях общества;
- 4) политическая и экономическая нестабильность в обществе;
- 5) сращивание власти и организованной преступности в высших эшелонах страны;
- 6) существование общественного стереотипа о злоупотреблении полномочиями и превышении полномочий как о «обычных», «естественных» явлениях;
- 7) переориентация ценностей должностных лиц;

8) занятие должностей «кланами» и многие другие.

Таким образом, выделение любых типов личности преступника – должностного лица имеет условный характер. Так, отличительными чертами «беловоротничковых» преступников является то, что они имеют специальный статус должностных, материально ответственных лиц или выполняют определенные функции в хозяйственной сфере (распределительные, надзорные или контрольные), а не являются посторонними для объекта посягательства людьми, включенными в систему правовых отношений. Вместе с тем, выяснение глубинных мотивов, лежащих в основе поведения человека, занимающего ответственное положение в обществе государстве, может оказать существенную помощь как в предотвращении преступлений в социально-экономической сфере, так и в преобразовании кадровой политики системы государственного управления.

Список литературы

1. Лобунец А. О. Роль малых городов в развитии экономики региона в условиях экономической нестабильности [Текст] // Национальная экономическая система России в условиях новых глобальных вызовов: Сб. науч. тр. студентов Санкт-Петербургского государственного экономического университета и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. – СПб.: Санкт-Петербургский экономический университет, 2016. – С. 67-70;
2. Кулик Ю. П., Федорова М. А. Влияние теневой составляющей на процесс разработки и функционирования системы экономической безопасности страны в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – № 9. С. 98–102;
3. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. Д. Малкова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. — 544 с.;
4. Иншаков С. М. Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей // Байкальский государственный университет экономики и права. – 2009. – № 4. – С. 23-29;
5. Корнієнко В. В. Криміналістична характеристика особи злочинця та злочинних груп у сфері банківської діяльності / В. В. Корнієнко // Право і Безпека. – 2015. – № 2. – С. 98-102;
6. Смирных Д. А. Проблемы детерминации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностными полномочиями [Текст] // Общество и право. – 2011. – № 2. – С. 180–183;
7. Криминология: учебник / отв. ред. В. Е. Эминов – Москва: Проспект, 2015. – 368 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мамона Т. М.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
tuz_1976@mail.ru

Введение. Закрепление на конституционном уровне такого принципа, уголовного процесса, как право на защиту является неотъемлемым элементом построения любого развитого, современного демократического правового государства. В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) на законодательном уровне формируется и развивается надлежащий правовой механизм обеспечения прав и свобод граждан при осуществлении уголовного судопроизводства.

Цель. Основной целью тезисов является исследование норм уголовно-процессуального кодекса ДНР (далее – УПК ДНР), которые регламентируют вопросы обеспечения права на защиту граждан при осуществлении уголовного судопроизводства, а также внесение предложений по усовершенствованию правового регулирования указанной деятельности.

Основная часть.

Обеспечение подозреваемому, обвиняемому и подсудимому права на защиту, как одного из основных принципов правосудия основывается на взаимосвязанных между собой нормах:

- конституционных;
- уголовно-процессуальных.

Следует отметить, что Конституция ДНР, не ограничивается одним лишь декларированием указанного принципа.

В соответствии со ст. 39 Конституции ДНР каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. Каждому человеку и гражданину гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатной, в предусмотренных законом случаях.

Данные конституционные положения нашли своё отражение в ст. 21 УПК ДНР, согласно которой подозреваемому, обвиняемому и подсудимому обеспечивается право на защиту. Кроме того, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья и суд обязаны до первого допроса подозреваемого, обвиняемого и подсудимого разъяснить им право иметь защитника, а также предоставить указанным субъектам возможность защищаться установленными законом средствами от предъявленного обвинения и обеспечить охрану их личных и имущественных прав [2].

Данные нормы имеют несколько правовых составляющих, которые взаимосвязаны между собой.

Во-первых, это неотъемлемое право каждого гражданина на защиту в уголовном процессе.

Во-вторых, это регламентированные законом основания и процессуальный порядок обеспечения данного права каждого гражданина на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Взаимосвязь данных положений является гарантией обеспечения права граждан на защиту в уголовном процессе.

Нарушение права на защиту в соответствии со ст. 386 УПК ДНР является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона, которое во всех случаях влечет отмену приговора или постановления суда.

Гарантией соблюдения конституционных прав участников уголовного процесса, в том числе, права на защиту, является обязанность должностного лица, производящего предварительное расследование либо судебное разбирательство, разъяснить обвиняемому либо подсудимому его процессуальные права, в том числе право на защиту.

На практике указанная законодательная норма реализуется путем обязательной фиксации данного факта в соответствующем письменном протоколе о разъяснении прав указанным субъектам.

Реализация принципа обеспечения права на защиту в уголовном процессе ДНР основывается на следующих основных положениях:

– наделение уголовно-процессуальным законом подозреваемого, обвиняемого и подсудимого правом на защиту;

– реализация данного права указанными субъектами как самостоятельно, так и с помощью защитника;

– в процессуальных гарантиях на использование квалифицированной юридической помощи в случаях, предусмотренных законодательством ДНР;

– возложение обязанности на орган дознания, следователя, прокурора, судью и суд, в пределах своих полномочий обеспечить исполнение данного права, а также предоставить подозреваемому, обвиняемому и подсудимому возможность защищаться установленными законом средствами от предъявленного обвинения и обеспечить охрану их прав, в том числе права на защиту;

– наступление негативных последствий в виде отмены приговора или постановления суда в случае нарушения права на защиту.

Заключение.

1. Под правом подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту следует понимать систему закрепленных в Конституции и УПК ДНР норм и гарантий, направленных на то, чтобы указанные субъекты надлежащим образом были уведомлены об этом праве и имели реальную

возможность в полной мере реализовывать его, отстаивая свои законные интересы в ходе уголовного судопроизводства.

2. Право на защиту выступает в качестве гарантии реализации законных интересов участников уголовного процесса, вынесения судом законного и обоснованного приговора, что в свою очередь предотвращает судебные ошибки.

3. Невыполнение требований уголовно-процессуального закона об обеспечении права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту со стороны должностных лиц, осуществляющих производство по делу, в соответствии со ст.386 УПК ДНР является существенным нарушением закона, которое влечет отмену приговора или постановления суда.

4. Нарушение права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту при производстве по делу влечет также возможность привлечения к ответственности, в том числе и уголовной, соответствующих должностных лиц, восстановление нарушенных прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого, возмещение им причиненного такими противоправными действиями вреда.

5. Считаем, что УПК ДНР следует дополнить нормой следующего содержания: «Сведения, полученные от подозреваемого, обвиняемого или подсудимого с нарушением их права на защиту, влечет за собой признание их судом недопустимыми доказательствами, и исключает принятие их в основу соответствующего процессуального решения в форме постановления или приговора».

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: принята 14 мая 2014 года Верховным Советом Донецкой Народной Республики: (с учетом изменений, внесенных Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ПН). – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> – Название с экрана.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 (в редакции по состоянию на 19.09.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мамона Т. М., Дорофеев Д. И.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
tuz_1976@mail.ru, dorofeenko.123@mail.ru

Введение. Государство и общественность – это далеко не идеальные категории ввиду своего многогранного и обширного значения в окружающем мире. Преступность как одна из ярко-выраженных форм отражения реальной оценочной картины сложившегося конституционного строя – прямое тому подтверждение, поскольку она непосредственно отражает уровень удовлетворённости граждан имеющейся системой властвования. Поскольку явление преступности для нынешних стран не ново, необходимо понимать, что для осуществления борьбы с данными проявлениями государственный механизм реализует специально-уполномоченную деятельность, называемую уголовным процессом.

Основная часть. Уголовный процесс – установленная и закреплённая уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченных правоохранительных органов государства по реализации выполнения приоритетных задач уголовного судопроизводства, направленная на выявление, профилактику и предупреждение преступлений, изобличение виновных и назначение им справедливой меры уголовно-правовой ответственности [1]. Изучая типологию уголовно-процессуальных правоотношений в контексте естественно-исторического развития, нельзя обойти стороной воздействие научно-технического прогресса на осуществление уголовного производства. В условиях постоянной модернизации общественных отношений с технической и технологической точки зрения информационные средства занимают в последнее время приоритетное место среди практически всех сфер государственной и социальной жизни.

Если брать во внимание тот факт, что процессуальная деятельность по уголовным делам выступает чётко регламентируемой областью общественных отношений, урегулированной правовыми нормами УПК ДНР, следует оценить её прямо-пропорциональную зависимость от соответствующей методологии ведения [4, с. 89-97].

На современной этапе функционирования государства информация всё ещё остаётся одной из наиболее незащищённых и проблемных сфер

правового регулирования, в том числе и сведения, которые передаются в процессе осуществления уголовного производства. В соответствии с Законом ДНР «Об информации и информационных технологиях», за использование информации и иных сведений, данных и сообщений, нарушающие основные положения и требования закона предусмотрена мера уголовно-правовой ответственности, что ещё раз подтверждает возникновение новых общественно-опасных посягательств, пополняющих обширный институт преступления [2]. К ярко-выраженным пробелам использования информационных технологий в уголовном процессе относятся:

- отсутствие устойчивой и эффективной нормативно-правовой базы, регулирующей в полной мере все уголовно-процессуальные правоотношения, связанные с эксплуатацией информации и её составляющих;

- непроработанная и некачественная процедура заполнения уголовно-процессуальных документов (системные ошибки в протоколах и постановлениях, которые приходится писать от руки, неверные показатели проведённых исследований экспертными учреждениями);

- проблема установления объективно-реальной истины по уголовному делу в сфере компьютерных технологий, ввиду специфики проведения дознания и предварительного следствия (определение свидетелей) [3, с. 116-118].

Естественно, что в цифровой среде уголовный процесс пока представляет собой ненормированную, отталкиваясь от процессуальной формы, деятельность. Однако всё же некоторые аспекты обеспечения выполнения приоритетных задач уголовного судопроизводства возможно разрешить. Поскольку уголовный процесс – это практическая деятельность, которая охватывает обширный круг групп общественных отношений, то и подходить к разрешению наиболее проблемных ситуаций необходимо комплексно. Приведённый ниже ряд возможных решений позволит определить базовые перспективные направления к развитию и адаптации уголовного судопроизводства к сложившимся объективным реалиям человеческого существования.

Прежде всего, нужно все усилия направить на формулирование и рациональную разработку юридических предписаний и нормативных правил, которые будут регулировать не только социальные отношения в сфере уголовного процесса, но и саму процедуру его осуществления:

- предусмотреть нормы регламентирующие использование информационных технологий в процессе осуществления производства по уголовным делам;

- получать, применять и использовать на практике только ту информацию и сведения, которые были получены от проверенных

официальных источников (создание специальных баз данных и оперативно-поисковых систем, предоставляющих правоохранительным органам необходимую информацию, а также качественная их защита от взлома и иных деструктивных действий);

– использование информационно-технических средств для своевременного выполнения и адаптации работы дознавателей и следователей.

Заключение. Таким образом, следует отметить, что наряду с быстро меняющимися тенденциями, динамикой общественных отношений и сменой различных курсов следования в стране, уголовный процесс не остаётся в стороне, а так же, как и все остальные сферы социального взаимодействия, подлежит надлежащему и правильному адаптированию. В связи с постоянными изменениями трудно избавиться от всех возможных противоречий в уголовно-процессуальной сфере, однако, если приложить к этому максимум усилий, государство сможет обеспечить себе эффективный и надёжный механизм, направленный на выявление, профилактику и предупреждение преступлений в абсолютно любых сферах деятельности.

Список литературы

1. Уголовно-Процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики от 20.09.2018 г. № 240-ІНС // Народный Совет Донецкой Народной Республики. – 2018 г. – ст. 2.
2. Закон Донецкой Народной Республики «Об информации и информационных технологиях» от 07.08.2015 г. № 108-ІНС // Народный Совет Донецкой Народной Республики. – 2015 г. – ст. 24.
3. Ишин А. М., Современные проблемы использования сети интернет в расследовании преступлений / А. М. Ишин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Вып. 9. — С. 116–123.
4. Ковтун Н. Н. Вечно живая и развивающаяся идея конституционализма в контексте основ и сути деятельности высшего органа конституционного правосудия Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований (Russian journal of legal studies). – 2019. – № 2. – Том. 6. – С. 89-97.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Мамона Т. М., Сенник А. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
tuz_1976@mail.ru, artur.senik1904@gmail.com

Введение. Действующий УПК ДНР не дает четкого определения дознания, однако опираясь на ч. 1 ст. 115 УПК ДНР, которая закрепляет, что на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях выявления признаков преступления и лиц, его совершивших, то есть, согласно УПК, предназначение дознания – проведение неотложных следственных действий в целях выявления признаков преступления, факта совершения преступления, а также лиц, его совершивших [1, с. 69]. Из чего следует, что дознание – это форма предварительного расследования уголовных дел, осуществляемая дознавателем с целью проведения неотложных следственных действий, направленных на выявление признаков преступления, факта совершения преступления, а также лиц, его совершивших.

Цель исследования – выявить актуальные проблемы, возникающие в процессе осуществления дознания, а также предложить пути их разрешения.

Основная часть. Основной проблемой осуществления дознания в ДНР можно считать своего рода несамостоятельность проведения дознания по отношению к предварительному следствию. Это обусловлено тем, что согласно ст. 121 УПК ДНР, дознание может завершаться либо прекращением уголовного дела, либо направлением его для производства предварительного следствия, но никак не передачей его прокурору с последующим направлением в суд, фактически уголовное дело в любом случае направляется следователю для осуществления предварительного следствия [1, с. 73].

Такое положение дел значительно увеличивает нагрузку на предварительное следствие, так как следователь помимо имеющихся дел в его производстве, должен проводить расследование уголовных дел, поступившее к нему от органа дознания. Из этого следует, что нагрузка на эти органы в рамках осуществления предварительного следствия, распределена неравномерно: на органы дознания возлагается меньшая нагрузка, чем на органы предварительного следствия, а значит, последним потребуется больше ресурсов для осуществления своей деятельности, что может привести к неэффективной работе органов предварительного

следствия. Естественно, что такое положение дел недопустимо. По этой причине, необходимо равномерно распределить нагрузку между данными формами предварительного расследования. Наиболее эффективный вариант такого распределения на наш взгляд состоит в том, чтобы по аналогии с УПК РФ предоставить органам дознания возможность расследовать уголовные дела с последующей их передачей через прокурора (который будет утверждать итоговое решение по такому делу) в суд. При этом полагаем, что такое дознание должно завершаться составлением процессуального документа – обвинительного акта. Считаем необходимым определить, категорию дел, которые будут расследоваться в форме дознания без обязательного проведения предварительного следствия. Полагаем, что в такую категорию дел, необходимо определить только преступления небольшой и средней тяжести, в виду того, что они менее сложны в расследовании, чем уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом определить, что предварительное следствие по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях является обязательным. Это обосновывается особой сложностью их расследования. Также, в виду таких изменений, к категории дел, по которым может производиться только предварительное следствие, будут относиться уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях. Кроме того, на основании выше изложенного, необходимо предусмотреть исключение из категории дел, которые смогут расследоваться в форме дознания без обязательного проведения предварительного следствия. Такое исключение будет касаться категории лиц подозреваемых в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них относится к категории тяжких или особо тяжких, так как в отношении них также надлежит проводить только предварительное следствие. Это также обусловлено особой сложностью в расследовании уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях.

При этом, для того, чтобы такое нововведение не оставалось вне поля прокурорского надзора, необходимо по аналогии с ч. 4 ст. 150 УПК РФ определить, что по мотивированному постановлению прокурора, уголовные дела из указанной выше категории, о преступлениях, по которым предварительное следствие не обязательно, могут быть переданы для производства предварительного следствия [2, с. 99].

Также, необходимо отметить, что для эффективного применения этих нововведений существует также необходимость в увеличении срока производства дознания, так как указанный в действующем УПК ДНР срок для проведения полноценного и качественного дознания по уголовному делу без последующей передачи такого дела следователю недостаточно. В связи с этим, необходимо установить срок производства дознания, который будет составлять 2 месяца со дня возбуждения уголовного дела, а также возможность продления данного срока в случае необходимости городским, районным, межрайонным прокурором до 3 месяцев. Следует

отметить, что такой большой срок необходим, так как вследствие вышеуказанных предложений, предполагается дознание по уголовным делам о преступлениях двух категорий (небольшой и средней тяжести) полностью, а не в отношении строго определенных составов преступления. Однако необходимо также установить, что последующее продление срока дознания не допустимо, а в случае, если в указанный период дознание по уголовному делу завершить не удалось, то такое уголовное дело по мотивированному постановлению прокурора подлежит передаче для проведения предварительного следствия.

Заключение. Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что характерной чертой деятельности органов дознания является сочетание уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, а также административной деятельности [3, с. 192].

Именно по этой причине перечисленные выше изменения очень важны, так как они позволят равномерно распределить нагрузку по расследованию уголовных дел между дознанием и предварительным следствием, за счет чего данные формы предварительного расследования смогут эффективнее сосуществовать. Однако, для этого необходимо внести изменения в УПК ДНР, в частности, коренным образом изменив ст. 115, 116 и 121 Кодекса, регулирующие соответственно полномочия органов дознания, порядок производства и окончание дознания.

Список литературы

1. Народный Совет Донецкой Народной Республики. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №37. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. – Д: Издательский дом «Эдит», 2020. – 500 экз. – 288 с.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: принят Гос. Думой 22 дек. 2001 г. – 283 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 05.09.2020).
3. Зуев С. В. Уголовный процесс: учебник / С. В. Зуев, К. И. Сутягин. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 563 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kalinovskiyk.narod.ru/b1/zuev_sutjagin_ugolovnyj_process_uchebnik_2016.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Мамона Т. М., Сенник Р. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
tuz_1976@mail.ru, 16RS2017@gmail.com

Введение. Процесс доказывания позволяет установить фактические обстоятельства уголовного дела, раскрыть характер совершенных деяний, определить какое итоговое решение должно быть вынесено в конкретном случае. Поэтому, доказывание является одним из важнейших процессов уголовного судопроизводства, его основным содержанием. Однако наличие процесса доказывания в кассационном производстве по уголовному делу является достаточно спорным моментом.

Цель. Определение наличия института доказывания в кассационном производстве по уголовным делам, обозначение процессуального порядка движения дела и проведения судебного заседания в кассационном порядке.

Основная часть. Суд кассационной инстанции может осуществлять доказывание, но данный факт практически не находит поддержки у отечественных правоведов [2]. Объясняется это тем, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно ст. 70 УПК ДНР. В тоже время, предметом разбирательства в кассационной инстанции является законность уже вынесенного решения, но не доказывание какого-либо факта совершения преступления, виновности лица или иного.

Следовательно, данный момент является спорным также по причине того, что сами доказательства входили в совокупность материалов, представленных на рассмотрении судов предыдущих инстанций и доказательствами в кассационной инстанции не являются по причине отсутствия у них такового процессуального статуса [4, с. 109].

Однако ст. 409 УПК ДНР предусмотрена возможность предоставления вместе с кассационной жалобой новых материалов, которые аналогичны доказательствам. Такими материалами будут являться документы (или их копии), которых не было в деле, и которые подтверждают, по мнению заявителя, доводы, изложенные в кассационной жалобе.

Таким образом, кассационной инстанции необходимо оценить решения предыдущих инстанций, что означает также оценку доказательств, предоставленных сторонами по конкретному делу в судах

предыдущих инстанций. При этом оценка является важнейшей составляющей процесса доказывания.

Кроме того, чтобы принять одно из допустимых решений, кассационная инстанция осуществляет проверку решения суда нижестоящей инстанции, а, следовательно, формирует собственное суждение об обстоятельствах дела. В тоже время логика определяет доказывание как мыслительную деятельность по обоснованию истинности одного суждения путем приведения других, заведомо истинных суждений [4, с. 110].

Следовательно, в судах кассационной инстанции присутствует институт паллиативного (частичного) доказывания, заключающийся в оценке не только решений судов предыдущих инстанций, но также вновь предоставленных материалов и, как следствие, доказывании правильности, либо неправильности вынесенных решений [2].

Таким образом, на решение суда первой инстанции по уголовному делу лицами, определенными в ст. 400 УПК ДНР, может быть подана кассационная жалоба, соответствующая требованиям статьи 366 УПК ДНР, в сроки, определенные ст. 402 УПК ДНР.

Производство в кассационной инстанции осуществляется в порядке сплошной и выборочной кассации.

1. Сплошная кассация – процедура, предполагающая рассмотрение уголовного дела кассационной инстанцией с обязательным назначением судебных заседаний. Данной кассации подвергаются все итоговые решения (ч. 1 ст. 399 УПК ДНР) нижестоящих судов. В данном случае жалобы подаются через суд, постановивший приговор или вынесший определение, или постановление (ч. 1 ст. 403 УПК ДНР). При этом приостанавливается вступление данных решений в законную силу, а заседание назначается не позднее двух месяцев со дня направления дела в суд.

2. Выборочная кассация – процедура рассмотрения кассационных жалоб по уголовным делам, в процессе которой жалоба вначале изучается одним судьей, который разрешает, имеются ли основания для направления жалобы на рассмотрение в судебном заседании суда кассационной инстанции. Данной кассации подвергаются все промежуточные решения нижестоящих судов (ч. 2 ст. 399 УПК ДНР). Жалоба подается непосредственно в кассационный суд (ч. 1 ст. 403). Однако вступление в законную силу данных решений не приостанавливается. Также в случае выборочной кассации суд направляет уведомления всем лицам, указанным в ст. 400 УПК ДНР, и разъясняет им право на подачу возражения, своих жалоб и представлений. Дело рассматривает в течение двух месяцев со дня вынесения постановления о назначении судебного заседания судом в составе трех судей с обязательным присутствием прокурора в зале суда [3, с. 113–114].

Кассации могут рассматриваться судами, определенными ст. 401 УПК ДНР. Статья 404 УПК ДНР регулирует движение дела в кассационной инстанции [5, с. 213–215].

Уголовные дела, рассматриваемые в порядке сплошного кассационного производства, передается к кассационному рассмотрению после поступления его в суд. Уголовные дела выборочной кассации передаются судье кассационной инстанции, который в течение пятнадцати суток с момента их поступления разрешает вопрос об истребовании дела. Жалоба отклоняется, если она соответствует требованиям, но не соответствует предмету рассмотрения кассационной инстанции.

До начала заседания жалоба может быть изменена или отозвана. О точном времени заседания сообщается за три дня до заседания. Первичная же деятельность кассационной инстанции характеризуется ревизионным началом. Суд проверяет законность и обоснованность вынесения приговора, при этом суд может не ограничиваться пределами кассационной жалобы, а рассматривать дело в полном объеме. Однако суд не вправе ухудшать положение лица, кроме исключительных случаев [1].

По окончании заседания кассационная инстанция: оставляет жалобу без удовлетворения, удовлетворяет жалобу (отменяет решение, отменяет решение и прекращает уголовное дело, изменяет решение нижестоящего суда).

Заключение. В кассационной инстанции существует незакрепленный законодательно институт паллиативного доказывания. Необходимо внести изменения в УПК ДНР, предоставив суду полномочия проверки и оценки доказательств с целью выявления судебной ошибки, что позволит более объективно и совершенно осуществлять кассационное производство.

Список литературы

1. Букалов П. Ф. Обжалование приговоров. Практическое пособие. – «Донецкий Мемориал», 3-е изд., доп., 2008 – 32 с. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ukrprison.org.ua/publication/1225273433#6> (дата обращения 07.09.2020).
2. Головкин Л. В. "Курс уголовного процесса", изд-во "Статут", 2016 // СПС КонсультантПлюс.
3. Митин Д. Ю. О порядке кассационного обжалования органами прокуратуры судебных решений по уголовным делам.// [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-poryadke-kassatsionnogo-obzhalovaniya-organami-prokuratury-sudebnyh-resheniy-po-ugolovnym-delam/viewer> (дата обращения 07.09.2020).
4. Скородумов А. Н. Доказывание при рассмотрении дел в порядке кассации и надзора. // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального криминалистики: сборник научных статей магистратуры Северо-Западного института Университета О. Е. Кутафина (МГЮА): Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде, 2018. – С. 109 – 111.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики – Д.: Издательский дом «Эдит», 2018. – 196 с.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., *Макаренко А. М.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.manivlets@donnu.ru, makar7720@gmail.ru

В современном мире действует множество различных механизмов, направленных на защиту прав и свобод человека. Одним из национальных правозащитных механизмов является прокурор и его деятельность. Прокурорская деятельность – это важная гарантия соблюдения законности различными субъектами права, обеспечения реализации прав человека.

Прокурорская деятельность является сложной и многообразной и включает в себя широкий спектр действий. Большинство ученых склоняется к мысли о том, что деятельность вышеуказанных должностных лиц – многоуровневая система функций. Данный перечень охватывает прокурорский надзор, поддержание государственного обвинения; уголовное преследование; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, а также правотворческую, профилактическую работу.

Наиболее весомую часть в прокурорской деятельности занимает прокурорский надзор. Данное понятие в научных кругах представляется как прокурорско-надзорный процесс, существующий в различных формах и включающий несколько видов прокурорско-надзорных производств [1, с. 37].

Один из видов прокурорского надзора – надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, – имеет особое значение в работе прокуратуры, поскольку права и свободы человека чаще всего нарушаются именно в ходе расследования уголовного дела. Данное положение дела объясняется тем, что органы предварительного следствия снабжены арсеналом методов и средств, многие из которых по своей сути направлены на ограничение права на неприкосновенность частной жизни и личности.

Данное право – одно из основных прав, гарантированных конституциями демократических государств. Конституция Донецкой Народной Республики также предусматривает правовое закрепление права человека на неприкосновенность. Так, статья 16 указанного правового акта гласит: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [2].

В целом, право на неприкосновенность частной жизни и личности включает в себя права на семейную тайну, права на тайну переписки, телефонных переговоров, недопустимость сбора, хранения, использования

и передачи информации третьим лицам, право на неприкосновенность жилища.

Главное нарушение исследуемого права заключается в том, что под действием принуждения частная жизнь лица, в отношении которого проводятся соответствующие мероприятия, те факты, которые оно бы хотело сохранить в тайне, становятся известным третьим лицам [3, с.56].

В ходе проведения расследования уголовного дела и осуществления надзора прокурора, должностные лица должны учитывать, что:

- право на неприкосновенность частной жизни – основополагающий принцип уголовного процесса;

- существует закрытый перечень обстоятельств, которые предусматривают проникновение в сферу частной жизни на законных основаниях;

- необходима официальная фиксация ключевых условий и порядка осуществления действий, которые допускают возможность ограничения частной жизни;

- существует персональная ответственность должностных лиц;

- имеет место обязанность информировать лиц о возможности восстановления данного права и возмещения вреда [4, с. 165].

Несмотря на существование правовой базы, основных принципов судопроизводства, различных механизмов защиты прав человека, в системе защиты права на неприкосновенность частной жизни и личности имеют место несовершенства, которые негативно отражаются на участниках уголовного процесса.

Так, в республиканском законодательстве, как и в российском, внимание вопросу обеспечения неприкосновенности частной жизни и личности уделяется фрагментарно.

Например, ст. 200 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики гласит: «Во время обыска или выемки следователь обязан принять меры к тому, чтобы не были разглашены выявленные при этом обстоятельства личной жизни обыскиваемого и других лиц, проживающих или временно находящихся в этом помещении» [5].

Буквальное толкование подобных правовых положений неизбежно приводит к выводу о том, что они действуют на следственные действия, при производстве которых непосредственно предписывается их соблюдение, и не должны применяться при осуществлении других следственных действий.

При наличии таких существенных недочетов, распространенной практики нарушения прав человека во время предварительного расследования, крайне важным является усиление прокурорского надзора за организацией и проведением расследования в целях своевременного пресечения незаконного вторжения в сферу частных интересов. Именно прокурор обладает такими полномочиями, закрепленными на

законодательном уровне, которые позволяют ему незамедлительно действовать при выявлении правонарушений, а также способствуют укреплению законности, обеспечению исполнения норм права сотрудниками правоохранительных органов и обеспечению соблюдения прав человека в ходе расследования уголовного дела.

Таким образом, прокурорская деятельность занимает одно из ведущих мест в государственно-правовой системе по обеспечению и защите прав человека. Прокурорский надзор выступает своеобразной гарантией соблюдения прав человека всеми субъектами правоотношений.

Особое место в работе прокуратуры занимает прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, поскольку большинство нарушений прав человека происходит именно во время проведения уголовного расследования.

Среди охраняемых прав, чаще всего нарушению подлежит комплексное право на неприкосновенность частной жизни и личности, которое включает различные элементы. В действующем республиканском законодательстве имеются положения, регламентирующие и устанавливающие те рамки, в которых имеет право действовать следователь. Однако имеющиеся правовые пробелы позволяют сказать, что не теряет свою актуальность и необходимость надзорная деятельность прокурора, сосредоточенная на минимизации случаев нарушения прав и свобод человека в целом, в частности права на неприкосновенность частной жизни и личности.

Список литературы

1. Сабина А. Ч. К вопросу о содержании современного прокурорского надзора // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 37-38.
2. Конституция: Закон Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // dnr-online.ru: официальный сайт ДНР. 2014-2020. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> – Дата обращения: 11.09.2020.
3. Захарова В. О. О следственных ошибках на стадии досудебного производства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – № 3 (9). – 2015. – С. 55-58.
4. Янкин А. Н. Реализация прав человека на неприкосновенность частной жизни в ходе досудебного производства по уголовному делу // Территория науки. – 2017. – № 6. – С. 163-167.
5. Уголовно-процессуальный Кодекс: Закон Донецкой Народной Республики № 240-ІНС № 240-ІНС от 20.09.2018, действующая редакция по состоянию на 29.06.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-republiki/> – Дата обращения: 12.09.2020

УЧАСТНИКИ КООРДИНАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., *Шарова Т. Н.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.manivlets@donnu.ru, urgo77@mail.ru

Особенное место в механизме государственной власти занимают правоохранительные органы, обладающие большими полномочиями и широким арсеналом средств, служащих укреплению порядка и законности, противодействию преступности и правонарушениям, защите прав и законных интересов граждан.

Координация деятельности по противодействию преступности является объективной необходимостью существования системы правоохранительных органов, так как она способствует обеспечению целеустремленности и эффективности мер противодействия преступности, выбора единого подхода к решению разноплановых организационных и процессуальных вопросов; устранению дублирования функций в деятельности правоохранительных органов; повышению гарантий законности и имиджа правоохранительных органов в обществе.

Проблема повышения эффективности работы правоохранительных органов, среди которых прокуратура занимает особое место, в последнее время приобрела важнейшее государственное значение. Важную роль в решении данной проблемы играет выполнение функции координационной деятельности органами прокуратуры в сфере противодействия преступности и является одной из важных предпосылок эффективного противодействия, поскольку дает возможность объединить усилия государственных органов и наладить координацию между ними для достижения самых эффективных результатов.

Одними из сложных и не однозначных решений в теории и на практике являются вопросы, связанные как с определением участников координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, так и в целом с осуществлением правоохранительной деятельности в государстве, направленной на определение понятий «правоохранительная (защитная) деятельность» и «правоохранительный орган».

Правоохранительная деятельность – это социально ориентированная функция государства, значение которой трудно переоценить. Вместе с тем, в законодательстве нет определения понятия этой деятельности, а так же не обозначены ее цели, задачи, принципы и общее содержание. Похоже,

что в определенной степени это связано с широко распространенным мнением, согласно которому «концепция правоприменения воспринимается как должное» [1, с. 539].

В то же время понятие правоохранительной деятельности содержится и раскрывается в словарях, во многих научных и учебных публикациях. Так, многие авторы в своих трудах рассматривают правоохранительную деятельность, как государственную деятельность, осуществляемую специальными органами, уполномоченными государством, в установленном законом порядке, при наличии определенных оснований, в строгом соответствии с правилами и процедурами, закрепленными в законодательстве, и обычно сопровождаемую применением правовых мер, направленных на охрану правопорядка.

Правоохранительная деятельность, по мнению К. Ф. Гуценко, определяется как государственная деятельность, осуществляемая в целях охраны права, специально уполномоченными органами с применением юридических мер взаимодействия в строгом соответствии с законом и соблюдением установленного порядка [2, с.19].

Само понятие «правоохранительные органы» не имеет однозначного законодательного определения, хотя оно также содержится в законах и других нормативных правовых актах.

В соответствии с частью 2 статьи 8 Закона Донецкой Народной Республики «О прокуратуре», Генеральный прокурор Донецкой Народной Республики и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов государственной безопасности и других правоохранительных органов [3].

Правоохранительные органы – сложный субъект, в управлении которым всегда будут актуальны вопросы повышения качества взаимодействия, координации и контроля [4, с. 80].

Государство, предоставляя органам прокуратуры функцию координации деятельности правоохранительных органов, ограничивает ее в рамках борьбы с преступностью (пункт 2 статьи 1, статья 8 Закона «О прокуратуре»), что вызывает критику со стороны многих ученых и практиков. К примеру, Б. Б. Алиев предполагает, что выявление и устранение иных правонарушений – предвестников преступлений, обязательно должно стать целью координационной деятельности, как это и было ранее в союзном законодательстве и практике координации [5, с. 10].

С. В. Якубов предлагает включить в координирующую роль прокуратуры координацию деятельности органов административной юрисдикции, «иные правонарушения», которые он определяет, как непроступные деяния юридически значимые для обеспечения правопорядка, наказуемые уполномоченными государственными органами и должностными лицами в соответствии с законом [6, с. 8, 23-27].

Иные, не менее важные вопросы обеспечения правопорядка и предупреждения правонарушений непроступного характера, реализацию которых осуществляют структуры, не входящие в координационное совещание (органы исполнительной власти, контрольно-надзорные органы, межведомственные комиссии и т. д.), остаются вне рамок координации, осуществляемой прокуратурой.

Таким образом, возникает необходимость расширения круга участников координационной деятельности, путем включения в него контролирующих органов и органов, занимающихся профилактикой правонарушений.

Список литературы

1. Шагиева Р. В., Шагиев Б. В. Правоохранительная деятельность: проблемы теоретического обоснования // административное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 538 –549.
2. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы: учебник. 4-е изд. – М.:КноРус, 2015. – М.:
3. О прокуратуре: Закон Донецкой Народной Республики 243-ІНС от 31.08.2018г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/zakony/>
4. Капранов А. В. Координация как способ повышения эффективности деятельности правоохранительных органов / А. В. Капранов // Юрист-Правовед. – 2014. – № 1. – С. 80-83.
5. Алиев Б. Б. Координирующая роль прокуратуры в борьбе с преступностью: По материалам Республики Дагестан. Автореф. дис.... канд. юрид. наук.: спец. 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Алиев Бахмудкади Басирович. – Махачкала, 2004. – 17с.
6. Якубов С. В. Административно-правовая сфера деятельности органов прокуратуры: координация противодействия правонарушениям. Дисс... канд. юрид. наук: спец.12.00.14 – Административное право; финансовое право; информационное право / Якубов Семен Валерьевич. – Москва, 2008. – 26 с.

ПРИЗНАКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Меркулов С. Н., канд. юрид. наук, *Колодий А. С.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
s.merkulov@donnu.ru, sasha.kolodiy@gmail.com

Правоприменитель в своей практической и профессиональной деятельности связанной с расследованием и раскрытием преступлений сталкивается с таким видом интеллектуальной деятельности, как квалификация преступления. Процесс квалификации преступления напрямую связан с установлением соответствия между совершенным деянием и признаком конкретного состава преступления закрепленного в одной из статей Особенной, а иногда и Общей части Уголовного кодекса.

Суть признаков преступления заключается в отображении основных положений и черт, которые определяют понятие преступления. Чтобы общественно опасное деяние было признано преступным, оно должно обладать конкретными признаками.

Проанализировав диспозицию ст. 14 УК ДНР (Понятия преступления) через призму «экологичности» можно выделить основные признаки преступлений направленных против окружающей и природной среды. К данным признакам относится: виновность; общественная опасность; уголовная противоправность; наказуемость [1, с. 5].

Виновность. Принцип вины является одним из основополагающих положений уголовного права. Исходя из положения ст. 5 УК ДНР следует, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина [1, с. 5].

Как считают: Валуйсков Н. В., Бондаренко Л. В., Арутюнян А. Д., понятие виновность, не совпадает в полном объеме с понятием вины, хотя в свою очередь и является необходимым признаком преступления (ст. 14 УК ДНР), то есть виновность – это условие наступления уголовной ответственности за общественно опасное деяние, которое подлежит доказыванию в соответствии со ст.70 Уголовно-процессуального кодекса ДНР. Вина является структурным элементом понятия виновность, которая образуется при совокупности установленных законом объективных и субъективных элементов состава преступления. При этом вина представляется необходимым связующим элементом, исключающим возможность объективного вменения [2, с. 347].

Общественная опасность. Суть общественной опасности заключается в том, что причиняется вред объекту уголовно правовой охраны, или создается возможность причинения такого вреда.

Общественная опасность экологических преступлений заключается в сумме вредных последствий или сумме причиненного экологического ущерба, а также причиненного вреда жизни и здоровью граждан [3, с. 65].

Общественная экологическая опасность имеет также качественные и количественные показатели.

Качественная сторона общественной опасности состоит, в общем, в негативном отношении виновного лица к экологическим интересам общества и государства. В частности в нарушении конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, в причинении вреда природе и здоровью людей, ущербу имуществу граждан, снижению экологической безопасности государства.

Количественная сторона общественной опасности выражается в степени и объеме причиненного ущерба окружающей среде. Для определения количественных характеристик размера причиненного ущерба или вреда учитываются такие показатели как: количество срубленных или уничтоженных деревьев; массовость гибели объектов животного мира; площадь загрязнения или засорения земель; концентрация загрязняющих веществ в водном объекте или атмосфере и т.д. [3, с. 66-67].

При этом необходимо учитывать, помимо экологических характеристик причиненного ущерба еще и уголовно-правовые параметры причиненного вреда.

Как считает Жидков Э. В. термин «ущерб» в Уголовном кодексе используется для определения количественной характеристики негативных имущественных последствий совершенного преступления. При этом в уголовном законе используются, такие термины, как «значительный», «крупный» и «особо крупный ущерб» [4, с. 17].

Еще одним признаком экологических преступлений является уголовная противоправность. Уголовная **противоправность** – выступает формальным признаком преступления, суть которого сводится к тому, что уголовные преступления и наказания за них должны быть закреплены только в законе. Преступлением может рассматриваться такое деяние, которое четко зафиксировано в диспозиции статьи особенной части УК. Суть данного признака сводится к тому, что нет преступления без указания об этом в законе [5, с. 71].

Большинство диспозиций статей гл. 26 УК ДНР определяющих ответственность за экологические преступления являются бланкетными и отсылают к другим отраслям права преимущественно к экологическому.

Наиболее часто встречающимися являются нормы, указывающие на нарушение тех или иных правил, требований, положений, регламентов и т.д. К тому же в тексте уголовно-правовых норм применяются специальные термины, носящие сугубо экологический характер. К примеру, если преступление совершено по ст. 301 УК ДНР (Незаконная охота)

правоприменитель для правильного решения вопроса помимо УК должен обратиться к закону, который регулирует данную сферу общественных отношений, а именно к Закону «Об охотничьем хозяйстве и охоте». Если же преступление было совершено по ст. 304 УК ДНР (Незаконная рубка лесных насаждений) то следователю необходимо для проведения правильной квалификации ознакомиться с нормами Лесного Кодекса, а также «Правилами рубок» или «Порядком по отводу лесосек».

Поэтому для правильного понимания и применения статей гл. 26 УК ДНР (Экологические преступления) нужно обращаться к статьям не только Общей и Особенной части Уголовного кодекса, но и специальному экологическому законодательству в котором формулируются определенные правила и в котором содержится определение экологических терминов.

Наказуемость. За каждое совершенное преступление против окружающей и природной среды в Уголовном кодексе предусмотрены определенные санкции и наказания, то есть справедливое возмездие, которое соответствует характеру и степени общественной опасности за содеянное преступление. Наказуемость за экологические преступления – это реакция государства за совершенное преступление [6, с. 123].

Подытожив все вышеизложенное можно сделать следующие выводы: признаки экологических преступлений должны рассматриваться через призму «экологичности». Суть «экологичности» заключается в отнесении того или иного преступления к таким, которые посягают на установленный в государстве экологический правопорядок. Признаки экологических преступлений отображают основные положения понятия преступления направленного против окружающей и природной среды.

Список литературы

1. Донецкая Народная Республика. Законы. Уголовный Кодекс: Закон от 19.04.2014 года Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/>
2. Валуйсков Н. В. Понятие вины и виновности в уголовном праве / Бондаренко Л. В., Арутюнян А. Д. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 3(20). – С. 345-346.
3. Кузнецова Н. И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект / Н. И. Кузнецова // Вестник Омской юридической академии. – 2018. Т. 15. – № 1. – С. 64-69.
4. Жидков Э. В. Критерии значительности ущерба в уголовном праве Российской Федерации / Э. В. Жидков // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. Т.1. – №1. – С. 17-18.
5. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы / Ю. Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 70–81.
6. Бибик О. Н. Наказуемость как признак преступления / О. Н. Бибик // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2 (15). – С. 123–126.

ТАКТИКА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЛИЦА В ДИСТАНЦИОННОМ РЕЖИМЕ

Николаев А. А., канд. юрид. наук, доц., *Агафонова А. Г.*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

nikolaev_alex02@mail.ru, nastiy1985agaf@mail.ua

Введение. Одной из неотъемлемых черт внутренней политики Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) является её ориентированность на всемерную защиту прав, свобод и законных интересов личности от противоправных посягательств. В уголовно-правовой сфере это связано с осуществлением целенаправленной и планомерной борьбы с преступностью. Для её осуществления необходимо неукоснительно придерживаться требований закона. В первую очередь это касается расследования преступлений, требующего совершения ряда следственных действий, предусмотренных нормами Уголовно-процессуального кодекса ДНР (далее – УПК ДНР). Результаты следственных действий, выраженные в протокольной форме, занимают одно из наиболее важных мест в массиве доказательств по конкретному уголовному делу. Данная работа посвящена проблемным вопросам предъявления для опознания как одного из видов следственно-процессуальных действий.

Актуальность темы. Предъявление для опознания – следственное действие, к которому может быть привлечён весьма широкий круг участников уголовного судопроизводства. При этом ставится цель установления тождества определённого объекта и сохранённого в памяти мысленного образа. В современных условиях к опознанию могут предъявляться объекты разной природы, фиксация их в памяти предполагает использование различных органов чувств. Следовательно, предъявление для опознания должно быть надлежащим образом обеспечено с организационно-правовой и тактической сторон, чтобы соответствовать потребностям следственно-криминалистической практики.

Целью исследования является анализ уголовно-процессуальных норм ДНР и РФ, регламентирующих порядок производства предъявления для опознания с целью выяснить сущность проблемных аспектов правового регулирования осуществления данного следственного действия.

Основная часть. Производство и протокольное оформление предъявления для опознания регламентируется в ст. ст. 189-191 гл. 15 УПК ДНР [1] и ст. 193 УПК РФ [2]. Это достаточно сложное следственное действие, требующее тщательной подготовки и проведения способами,

исключающими ошибки. Планируя проведение предъявления для опознания, следователь обязан предпринять попытку прогноза возможного результата следственного действия с точки зрения получения доказательств и их приобщения к делу.

Тактика и алгоритм осуществления опознания живых лиц в уголовно-правовом законодательстве большинства стран мира имеют значительное число общих черт. Многие моменты, не внесённые в число норм УПК той или иной страны, регулируются на основании разъяснений, сделанных высшими судебными инстанциями[3]. Большую роль, с нашей точки зрения, играет также сложившаяся следственная практика, обобщённая в официально одобренных пособиях и научно-методических рекомендациях для органов следствия и их сотрудников.

В то же время УПК ДНР в настоящее время не содержит подробную правовую регламентацию действий следователя и других участников предъявления для опознания.

Так, например, ч. 2 ст. 193 УПК РФ прямо предписывает следователю путём проведения опроса выяснить, известны ли лицу, которому будут для опознания предъявлены живые лица или предметы, признаки и специфические черты, по которым оно будет способно безошибочным образом отличить их от подобных. Следователь также принимает во внимание условия, в которых осуществлялось восприятие предъявляемого для опознания объекта.

Такое требование уголовно-процессуального закона означает, что процедура проведения предъявления для опознания предполагает определённый предварительный этап, значение которого состоит в установлении целесообразности проведения данного следственного действия [4]. В случае, если опознание будет проведено на основании общих идентифицирующих признаков, во время судебного рассмотрения дела может возникнуть противоречие, которое невозможно разрешить в установленном порядке, а значит, такое опознание не может стать основой для обвинения.

Также существует мнение, что полученные следователем в ходе допроса сведения являются диагностической информацией [5]. Исходя из этого, в отечественной уголовно-процессуальной и криминалистической науке сформировались практические рекомендации, позволяющие следователю на основе сочетания данных, получаемых вербальным и невербальным путями с известной степенью точности оценить истинность получаемой на предварительном этапе информации.

Действующий УПК ДНР (ч. 1 ст. 189) также предписывает следователю в ходе допроса установить обстоятельства, в которых свидетель, потерпевший, обвиняемый воспринимали лицо, которое будет предъявлено для опознания, его внешний вид и характерные приметы.

По нашему мнению, слово «обстоятельства» следует дополнить выражением «и условия» (помещение, открытое пространство, городская среда, время суток, погодные условия, освещённость, расстояние). Кроме того, целесообразно включить требование отразить в протоколе состояние зрения и других органов чувств опознающего субъекта. Возможно, что для этого понадобится заключение, например, специалиста-офтальмолога.

Играет роль также выяснение физического и эмоционального состояния опознающего лица. Это относится как ко времени сенсорного контакта опознающего и опознаваемого, так и к моменты проведения следственного действия. Действительно, определённые расстройства психического или неврологического характера могут привести к недостоверности получаемых результатов.

Необходимо также убедиться, что опознающий и опознаваемый не сталкивались друг с другом в ходе проведения других следственных действий, не произошло фактического опознания в ходе оперативно-розыскных мероприятий [6].

Тактика предъявления для опознания находится в тесной связи с видом данного процессуального действия. Так, к опознанию может быть предъявлен живой человек лично или по фотографии, характерным речевым и голосовым признакам [7]; возможно опознание трупа. В этом случае, если останки предъявить не представляется возможным, на практике осуществляется фотографирование, снятие гипсовых слепков или восковых масок.

Кроме того, в ст. 190 УПК ДНР идёт речь о предъявлении к опознанию объектов неживого мира. Однако речь может идти не только о вещах, но и о помещениях или земельных участках [8].

Существуют особенности проведения опознания в случаях, когда потерпевшим или свидетелем оказывается слепой или слабовидящий человек. Такие лица, отличаются тем, что характеризуя услышанную информацию, используют очень большое количество терминов и эпитетов для описания звуковых образов. Это объясняется естественным свойством организма за счёт слуха компенсировать падение остроты зрения или его отсутствие. В качестве специфических черт, по которым было произведено опознавание, такие лица называют характеристики голоса или особенности мелодики речи, акцента и дикции. В то же время, из смысла ст. 189 УПК ДНР и ст. 193 УПК РФ вытекает, что опознание ведётся по визуальным признакам объекта [9]. Следовательно, существует необходимость внесения в нормы УПК корректив, прямо позволяющих принимать данные, полученные от различных органов чувств человека.

Заключение. Предъявление для опознания носит характер самостоятельного следственного действия, важность которого обусловлена ценностью информации, которая может быть получена в его ходе. Проведение данного мероприятия получило отражение в нормах УПК

большинства современных государств, однако степень детализации тактических действий следователя различна. Так, УПК ДНР по сравнению с УПК РФ наблюдается намного более сжатая регламентация процедуры предъявления для опознания. В силу этого целесообразной является выработка развёрнутого алгоритма действий, выраженного в системе жёстких предписаний, касающихся, в том числе, получения, оценки и фиксации информации от различных сенсорных анализаторов человека. Это даст возможность усилить неопровержимость результатов предъявления для опознания как доказательства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Принят Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года. // Право ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravodnr.ru/lawdnr/ugolovno-protsessualnyiy-kodeks-dnr/> Дата обращения: 23.10.2020. – Заг. с эк.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года. Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года// Справочная правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ Дата обращения: 23.10.2020. – Заг. с эк.
3. Андроник Н. А. Сравнительный анализ тактики предъявления для опознания живых лиц в России и США: положительный опыт и недостатки // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – Вып. 2. – С. 25-29.
4. Иванова Л. Ф., Иванов Д. С. Предъявление для опознания (психологический аспект) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18, №2. – С.21-25.
5. Соколова О. А. Использование диагностической информации при освидетельствовании и предъявлении для опознания живых людей и трупов // LexRussica. – 2015. – №5. – С. 75-84.
6. Ушаков С. И. Предъявление для опознания живых лиц в системе криминалистической тактики // Новый юридический вестник. – 2020. – № 5 (19). – С. 27-29.
7. Моисеев Н. А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания по признакам голоса и речи // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2012. – №1. – С. 17-21.
8. Баранов В. М., Белозерова И. И., Зинковский С. Б., Горбатенко О. Г., Кучерков И. А. Виды предъявления для опознания. Нужны ли изменения в УПК РФ? // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 4. – С. 125-131.
9. Пятицкая Н. Р., Королева Д. В. Особенности производства предъявления для опознания с участием слепых и слабовидящих потерпевших при расследовании мошенничеств // Юрист – Правоведъ. – 2015. – № 5 (72). – С. 46-51.

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДНР

Панчук Е. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
panchuk_ekaterina@mail.ru

Судебное разбирательство основывается на подробном расследовании, детальном анализе спорного вопроса. В процессе судебного разбирательства устанавливается факт виновности, либо невиновности, наличие нарушения закона или права объекта разбирательства. В этом случае можно указать, что действие разбирательства направлено на деяния лица, совершившего преступление, констатируемое Законом, как уголовное. Для полного понимания исследуемой проблемы следует установить значение термина «уголовный». Уголовное (дело) в этимологическом словаре объясняется как производное от древнерусского языка – голова «убитый». Следовательно, *уголовное преступление* – это вид общественно опасного деяния, вследствие претворения, в жизнь которого человек подлежит уголовной ответственности [1]. Такое нарушение касается как частного, так и публичного права. Важно понимать, что не только действие, но и бездействие может нести опасность жизни и здоровью других людей.

Судебное разбирательство должно отражать содержание и требование установленных в обществе норм и правил. Доказывание в процессе судебного рассмотрения уголовного дела должно соответствовать законодательной регламентации этих правил. Соблюдение закона является очень важным компонентом во всей процедуре судопроизводства так как исследуются материалы, собранные обвинителем и защитой для опровержения презумпции невиновности. В конечном итоге выносятся обвинительный или оправдательный приговор.

Можно сказать, что процесс судебного разбирательства – это действия направленные на установление истины. Но понимание истины в уголовном процессе подразумевает расследовать все события и как они происходили в действительности. Дискуссии о том, какая истина должна достигаться в рамках уголовного процесса, велись еще в Российской Империи. Взгляды Современных ученых на сторонников объективной истины и сторонников формальной истины, последние. Объективная истина в уголовном процессе достигается, когда решение суда основано на соответствующих действительности обстоятельствах уголовного дела. Формальная истина достигается, когда соблюдена состязательная процессуальная форма [2].

Специалистами были изучены разные проблемы справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве. Постоянной точкой зрения по мнению О. И. Рабцевич является то, что это право состоит из нескольких элементов: 1) право доступа к судебной процедуре; 2) право на справедливое рассмотрение на протяжении разумного срока независимым и беспристрастным судом, установленным законом; 3) право на публичное разбирательство дела; 4) право участвовать в судебном разбирательстве дела, имея равные возможности с другой стороной; 5) право допрашивать свидетелей [2].

Совершение уголовного преступления влечет судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве. Это разбирательство является важным этапом уголовного процесса, который подразумевает деятельность в правовом поле ее участников. Главную и определяющую функцию такого разбирательства в Донецкой Народной Республике выполняет суд. Также об этом может свидетельствовать ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики. Которая закрепляет осуществления правосудия по уголовным делам только судом, и то что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом [3].

Донецкая Народная Республика приняла на себя обязательство обеспечивать для своих граждан право на справедливое судебное разбирательство. Следовательно, должна его закрепить и гарантировать в законодательстве. Но для этого предстоит устранить все препятствия на пути реализации правового механизма в жизни молодой Республики. В Донецкой Народной Республике право на справедливое судебное разбирательство гарантировано Конституцией ДНР статьей 39, в которой говорится: 1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. 2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде. 3. Каждый вправе в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [4].

Данное право закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики [3].

Следует обратить внимание на роль справедливости в уголовном процессе. Справедливость –это воздаяние равноценное деянию. Но отношение к справедливости в каждом обществе не однозначное. Что, само по себе является проблемой для отдельного исследования. В данной статье исследуется проблема реализации права граждан Донецкой Народной Республики на справедливое судебное разбирательство. Для

решения этой проблемы существует ряд препятствий: 1. Статус не признанности Донецкой Народной Республики становится важной проблемой на пути становления правовой системы Республики. 2. Военные действия, проводимые Украиной на территории ДНР способствовали «вымыванию» квалифицированных кадров разных специальностей в том числе и юридических (судьи, адвокаты, юрисконсульты и т.д.), способных обеспечить справедливое судебное разбирательство.

Укрепления принципа справедливости в уголовном судопроизводстве ДНР является одним из условий реализации права человека в соответствии с Конвенцией о защите Прав Человека и Основных свобод. В настоящее время особого внимания заслуживает процесс судебного разбирательства уголовных преступлений Украины против народа Донецкой Народной Республики.

Самым эффективным и универсальным способом обеспечения прав человека является судебная защита. По мнению В. В. Терешковой, правосудие по самой природе может признаваться лишь при условии соответствия требованиям справедливости и обеспечения эффективного восстановления в правах [5, с. 25]. Следовательно, одним из самых важных критериев при оценке справедливости судебного процесса является соблюдение принципа равенства возможностей защиты и обвинения. Ибо во время проведения судебного разбирательства необходимым условием выступает соблюдение свободы обвинителя. Равенство возможностей в ходе всего судебного процесса предусматривает равноправное применение процедурных действий в отношении сторон. Обеспечение этого соотношения позволяет выдать справедливое решения суда.

На основании изложенного, можно прийти к выводу, что право на справедливое судебное разбирательство нашло свое закрепление и продолжает развиваться в правовой системе ДНР.

Список литературы

1. Современный толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой;
2. Рабцевич О. И. право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. – 3,4 стр.;
3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Народного Совета ДНР № 240-ИНС от 24 августа 2018 г.).
4. Конституция Донецкой Народной Республики от 11.09.2015 г., № 92-ИНС // Верховный Совет Донецкой Народной Республики. 2015 г.
5. Терешкова В. В. // Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сб. ст. / под ред. М. Р. Воскобитовой. – М.: Издательство «Анархис», 2005. -С.25;

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Перенесенко В. Э., Батьковская А. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
valrada@mail.ru, batkovskayangalina@gmail.com

Введение. Необходимой мерой прекращения и предупреждения преступления является ограничение свободы в виде задержания лица, намеревающегося или совершающего деяние, общественно опасное для общества. Оно является неотложной мерой процессуального принуждения и знаменует начало уголовного преследования. Между тем, несмотря на значительный период функционирования института задержания, в юридической науке все же не сформировалось единого мнения относительно условий его применения, в том числе необходимых сроков ограничения свободы задержанного. Так, некоторые ученые считают, что сроки задержания в уголовном процессе не должны превышать 24 часов. Представленная точка зрения обусловлена тем, что в настоящее время активно развивается идея гуманизма и соблюдения неотъемлемых прав человека. Однако, есть и те научные деятели, по мнению которых сроки задержания в уголовном процессе должны составлять не менее 72 часов. Это объясняется тем, что для полного осуществления оперативно-розыскных мероприятий сотрудникам органов дознания требуется значительно больше времени.

По нашему мнению, срок предварительного задержания в 24 часа является недостаточным для полного и всестороннего выяснения обстоятельств по делу сотрудниками правоохранительных органов. Впрочем, ограничение свободы задержанного лица сроком свыше 72 часов является достаточно негуманной мерой государственного воздействия, что несопоставимо с современными общественными и политическими реалиями.

Основная часть. В Донецкой Народной Республике, как в стране, формирующей свои основные институты, вопрос о сроках задержания в уголовном процессе является предметом дискуссий. Так, Конституция ДНР в пункте 2 статьи 15 устанавливает, что: «До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» [2]. Однако, если мы обратимся к отечественному уголовно-процессуальному кодексу, то можем заметить, что пункт 6 статьи 117 устанавливает иной срок задержания лица – 72 часа [5]. Такое жесткое противоречие нормативных правовых актов является коллизией, что в свою очередь открывает путь к злоупотреблению полномочиями сотрудниками органов дознания, и как следствие – нарушению прав человека и гражданина.

Для формирования предложений по решению данной проблемы считаем целесообразным рассмотреть нормативное закрепление сроков задержания в уголовном процессе зарубежных странах.

Во Франции уголовно-процессуальный кодекс устанавливает сроки задержания подозреваемого для выяснения обстоятельств по делу в статье 63. Согласно указанной норме, подозреваемое лицо может быть задержано на срок 24 часа, который может быть продлен до 48 часов с разрешения прокурора республики и только при условии, что задержанный предъявлен ему (в том числе с использованием телекоммуникационных каналов связи) [1].

Китайская Народная Республика также регламентирует сроки задержания в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, статья 64 и 65 УПК КНР устанавливают, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано на срок не более 24 часов. Порядок продления данного срока уголовно-процессуальным законодательством республики не установлен [4].

Говоря о сроках задержания в Республике Ирак, представляется необходимым отметить, что в иракской доктрине нет единства в определении понятия задержания как меры процессуального принуждения. Под задержанием здесь понимается кратковременное лишение свободы лица путём его изоляции в указанных законом помещениях. Сроки такого задержания установлены статьей 123 уголовно-процессуального кодекса, и составляют 24 часа [6].

В Российской Федерации законодатель устанавливает, что задержание должно быть кратковременным. Так, до судебного решения никто не может быть подвергнут задержанию на срок более 48 часов с момента фактического задержания, что установлено частью 2 статьи 22 Конституции РФ, а также частью 1 статьи 10 уголовно-процессуального кодекса [3, 7].

Исходя из представленного анализа установления сроков задержания в зарубежных государствах можем понять, что в науке уголовно-процессуального права не сформировалось единого мнения относительно установления данных сроков. Это связано, прежде всего, с развитием общества и правоприменения, уровнем правопорядка и прочими факторами. По нашему мнению, Донецкая Народная Республика имеет наиболее схожие нормы о регламентации сроков задержания с Российской Федерацией. Это обусловлено, прежде всего, тем, что ДНР, как и РФ являются странами постсоветского пространства. Ко всему прочему, схожесть правовых норм нашей республики и России взаимосвязана с процессами интеграции между Донецкой Народной Республикой и Российской Федерацией, что выражается, прежде всего, в заимствовании законодательства и использовании в законотворческом процессе опыта РФ.

Заключение. На основании всего вышеизложенного считаем целесообразным решить сложившуюся проблему относительно

установления сроков задержания на законодательном уровне, разрешив коллизию путем внесения поправок в уголовно-процессуальный кодекс ДНР, применяя принцип приоритета нормы, обладающей более высокой юридической силой.

Список литературы

1. Головки Л. В. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (перевод, предисловие и примечания). — Юридический колледж МГУ Москва, 1996. — 326 с.
2. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г., № 92-ИНС // Верховный Совет Донецкой Народной Республики 2014 г.
3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
4. Трощинский П. В. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов. — ИКД Зерцало-М Москва, 2004. — С. 314–365. Перевод полного текста УПК КНР на русский язык.
5. Уголовно-процессуальный кодекс ДНР от 24 августа 2018 года // Принят Постановлением Народного Совета 2018г.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Ирака 1971 г. № 23 // Иракская правда. — 1971. — 31 мая. — № 204.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

УДК 615.849

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Перенесенко В. Э., Грогуль А. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
valrada@mail.ru, grogulanna@mail.ru

Введение. Функции следователя часто рассматриваются неоднозначно. По мнению некоторых специалистов, в уголовном судопроизводстве он должен обладать определенными уголовно-процессуальными функциями. Однако также существует мнение, отрицающее обособленность процессуальных функций следователя. В связи с этим актуальным является вопрос о самостоятельности следователя. Более того, стоит отметить, что в научном сообществе отсутствует единое мнение относительно деятельности рассматриваемого института.

Цель исследования – рассмотрение вопроса о процессуальной самостоятельности следователя.

Основная часть. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Донецкой Народной Республики далее – УПК ДНР), должностным

лицом, которое в пределах своей компетенции занимается реализацией предварительного следствия по уголовному делу является следователь [6].

Н. П. Никифорова считает, что процессуальный статус следователя установлен нормами уголовно-процессуального права и упорядочен совокупностью следующих компонентов: 1) функция (базовый вид деятельности); 2) задачи; 3) полномочия; 4) процессуальная самостоятельность, гарантии законности и обоснованности деятельности; 5) ответственность [3].

Несколько иной точки зрения И. И. Ахматов. Он считает, что процессуальный статус следователя включает в себя совокупность его прав и обязанностей в рамках норм права и выполняемой им процессуальной функции, а также та роль и то место, которое он занимает в уголовном процессе [1].

Стоит отметить, что под процессуальной самостоятельностью следователя необходимо понимать его правовое положение, где он по собственной инициативе, на основе собственных убеждений, анализа имеющихся сведений и в рамках законодательной базы принимает все решения о направлении следствия и производстве следственных действий [2]. Несмотря на то, что в науке уголовного процесса и практике довольно часто применяется данное понятие, в УПК ДНР оно не трактуется иначе.

Важно понимать, что если у следователя будет отсутствовать процессуальная самостоятельность, соответственно, он будет лишен права выбора и самостоятельности, то он не сможет полноценно и продуктивно расследовать уголовное дело.

В современной системе судопроизводства, как отмечает С. С. Телигисова, следователь превращается в рядового чиновника государственной службы, которые должен беспрекословно, не основываясь на свои внутренние убеждения и совесть, реализовывать распоряжения руководителя [5]. Это все достигается за счет гиперболизации руководителя следственного органа.

Чтобы избежать такого подавления, необходимо повышать квалификационные требования к кандидатам на должность следователя. Во-первых, снизится потребность в постоянной опеке со стороны руководителя следственного органа. Во-вторых, у следователя появится возможность самостоятельно принимать законные и обоснованные решения, не нуждающиеся в проверке и утверждении руководителем, согласованности с ним (ст. 127 УПК ДНР) [6]. В-третьих, по законам логики руководителями следственного отдела являются в недалеком прошлом следователями, обладавшими недостаточным профессиональным уровнем. В связи с этим, существует риск получения государством недееспособных органов предварительного следствия.

Одним из решений, по мнению А. Н. Огорова, данной проблематики является замена указаний со стороны руководства на

«предложения к рассмотрению», которые будут носить только рекомендательный характер, а право выбора выполнять их или нет остается за следователем [4].

Что касается полномочия руководителя органа, в состав которого включён следователь, по согласованию возбуждения перед судом ходатайства об избрании меры процессуального принуждения или производстве процессуального действия, то они, на наш взгляд, являются излишними. Во-первых, по вопросам соответствующего ходатайства окончательное решение принимается лицом, не связанным с мнением иных участников уголовного процесса. Во-вторых, в период досудебной подготовки прокурором как гарантом соблюдения прав и законных интересов личности, осуществляется проверка всех финальных решений следователя. Исходя из сказанного, делаем вывод, что руководитель следственного органа в уголовном процессе выполняет только организационные полномочия.

Следует отметить, что именно процессуальная самостоятельность следователя является базовой составляющей его статуса, необходимым условием успешного предварительного расследования и выступает гарантией законности и обоснованности принимаемых им процессуальных решений.

Заключение. Таким образом, одна из ключевых позиций в досудебном производстве должна принадлежать следователю. В связи с этим будет целесообразным введение в УПК ДНР положения, в котором отобразятся различного рода рекомендательные предложения прокурора или руководителя следственного отдела, а также будет закреплено право следователя обжаловать отказ прокурора дать согласие на возбуждение уголовного дела вышестоящему прокурору.

Важно понимать, если лишить следователя его процессуальной самостоятельности, это негативно отразится на всей системе правоохранительных органах.

Касаемо процессуальной фигуры начальника подразделения, в состав которого включён следователь, рекомендуется снизить до минимума или полностью лишить его всех процессуальных полномочий по контролю за деятельностью следователя.

Список литературы

1. Ахматов И. И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения / И. И. Ахматов // Государство и право: теория и практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. – С. 53-57.
2. Волков Д. А. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя / Д. А. Волков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 11. – Вып. 32. – С. 62-66.
3. Никифорова Н. П. Процессуальный статус и процессуальная самостоятельность следователя / Н. П. Никифорова // Молодой ученый. – № 16. – С. 308-309.

4. Огородов А. Н. К вопросу о соотношении прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля с процессуальной самостоятельностью следователя / А. Н. Огородов // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 7. – С. 96-106.
5. Телигисова С. С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности / С. С. Телигисова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 №240-ИНС.

УДК 615.849

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Перенесенко В. Э., Сильченко Е. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
valrada@mail.ru, Link000ld@gmail.com

Введение. Задачей уголовного права является предупреждение преступности. Она решается способами и методами уголовного права, одним из которых является институт добровольного отказа от преступления. Наличие в законодательстве института добровольного отказа от совершения преступления направлено на стимулирование общественно полезного поведения лиц, находящихся в конфликте с государством, установление для них юридической возможности не привлечения к уголовной ответственности.

Основная часть. Опыт отечественного и иностранного законодательства свидетельствует о том, что положения закона всегда применялись к лицам, нарушившим линию уголовного права, после чего они добровольно принимали определенные меры для минимизации или смягчения последствий своих действий. Однако законодатель всегда стремился установить соразмерность действий человека и мер уголовного права, воздействующих на него. [3]

Следует признать, что институт добровольного отказа играет важную роль в предупреждении преступности, поощряя законное поведение, саму возможность уклонения от уголовной ответственности и прекращая предшествующую преступную деятельность. Есть необходимость уточнить требования рассматриваемой нормы, но к этому процессу нужно подходить со всей ответственностью, чтобы не потерять свою основную функцию.

В соответствии со статьей 30 УК Донецкой Народной Республики (далее УК ДНР) добровольным отказом от совершения преступления признается прекращение лицом подготовки к совершению преступления

или прекращение действия (или бездействия), непосредственно при совершении преступления, если лицо осознало возможность доведения преступления до конца. [1]

Относительно квалификации добровольного отказа на разных стадиях совершения преступления можно сказать следующее: отказ, конечно, возможен на стадии подготовки, на стадии покушения возникают более серьезные трудности. Вопрос в данной ситуации – форма отказа. Когда покушение завершено, отказ может только внешне проявиться в активных действиях, направленных на предотвращение возможного наступления преступного исхода. Когда попытка готовится и не завершена, она также должна выражаться простым воздержанием от предпринятых действий или прекращением бездействия.

На стадии подготовки преступления добровольный отказ выражается как в форме действия, так и в форме бездействия. Совершение действия на данном этапе может быть обязательным только тогда, когда приготовление к совершению преступления выражается в форме подстрекательства или содействия совершению преступления. Для признания возможности добровольного отказа от совершения преступления в этих случаях необходимо воспрепятствовать совершению преступления исполнителем.

В неоконченном преступлении добровольный отказ возможен и выражается обычно воздержанием от дальнейших действий, за исключением преступлений, совершенных бездействием, где добровольный отказ проявляется действием. Отличительной особенностью добровольного отказа в случае незавершенного покушения, по сравнению с таким же отказом при подготовке преступления, является то, что отказ происходит от дальнейших действий, непосредственно направленных на объект, охраняемый уголовным законом. Эта особенность проистекает из различий между подготовкой и покушением как этапами предварительной преступной деятельности.

Добровольный отказ от совершения преступления в конце покушения невозможен. Когда покушение завершено, можно добровольно отказаться только от повторения нападения, что является лишь смягчающим обстоятельством, но не основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Признак окончательности будет отсутствовать, если лицо в данный момент и в конкретной ситуации отказывается от завершения преступления, решив лучше подготовиться к его совершению (подыскать соучастников, подождать, когда хозяева квартиры переедут на дачу, договориться с владельцем автомашины о перевозке добытого преступным путем и тому подобное). Не будет окончательности и в случаях отказа лица от повторного совершения преступления, поскольку первая попытка была неудачной.

Добровольный отказ невозможен на этапе совершенного преступления, что закреплено в определении, данном законодателем, и

подтверждено практикой применения этой нормы. Возможность отказа на стадии подготовки не спорна, но вопрос о стадии покушения остается теоретически неразрешимым. В современной криминальной науке к этому вопросу существует два подхода: добровольный отказ возможен только на стадии незавершенного покушения, или он допустим по окончании покушения.

То есть отказ от совершения преступления должен осуществляться по собственной воле виновного, а не в результате внешнего давления, принуждения или форс-мажорных обстоятельств. При этом причины отказа не имеют большого значения – это могут быть угрызения совести, жалость к жертве, страх наказания или даже лень. Однако, как правило, главным мотивом добровольного отказа от преступления для всех лиц, имеющих план преступного деяния, безусловно, является страх разоблачения.

Особое внимание следует уделять различию между добровольным отказом в совершении преступления и активным раскаянием. Действительно, в обоих случаях человек пытается предотвратить последствия (или дополнительный вред в развитии причинно-следственных отношений), раскаивается в содеянном и часто пытается примириться с жертвой. На практике часто выявляются пограничные состояния, которые можно рассматривать как активное раскаяние и добровольный отказ. Чаще всего это связано с процедурами определения виновности соучастников преступления и степени участия в нападении каждого из них. Однако добровольный отказ соучастников имеет свои особенности, которые зависят от той роли, которую они играют в механизме совершения преступления.

Для того чтобы правильно разграничить границы обоих институтов, необходимо обратить внимание на следующие особенности:

– во-первых, в активном покаянии человек проявляет активность: он сдается. Компенсирует причиненный ущерб. И все эти действия регулируются уголовным правом. Добровольный отказ часто осуществляется в пассивной форме-через бездействие (отказ от совершения предполагаемого действия);

– во-вторых, добровольный отказ исключает уголовную ответственность, а в случае добровольного отказа лицо уже освобождается от нее.

– в-третьих, добровольный отказ происходит до наступления общественно опасных последствий, а активное раскаяние – после. [5]

Заключение. Сделаны следующие выводы:

Правовое определение добровольного отказа от преступления в статье 30 Уголовного кодекса ДНР содержит существенные недостатки, в частности:

– законодатель использует термин «подготовка», имея в виду один из видов незавершенного преступления, а не стадию подготовки к совершению преступления (создание условий);

– закон не определяет форму вины в тех преступлениях, от которых можно добровольно отказаться.

Теория института уголовного права о добровольном оставлении преступления весьма противоречива, в ее правовой концепции находятся пункты раздора, которые негативно сказываются на практике применения статьи 30 УК ДНР, правоохранительной деятельности и, в конечном счете, на состоянии защиты прав и свобод граждан. Наиболее серьезной проблемой является различие между добровольным отказом от уголовного покушения. Во-первых, недостаточно полно законодательное определение критериев волюнтаризма и цели провала, а также вариация толкования данной нормы на усмотрение правоохранительных органов. Во-вторых, отсутствует единообразие в допустимости добровольного отказа на этапе совершения преступления.

Список литературы

1. Уголовный кодекс ДНР от 19.08.2014, действующая редакция. // Электронный ресурс – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
2. Антонов А. Г. Соотношение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1. – С. 46-50.
3. Звечаровский И. Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. – СПб., 2008. – С. 4.
4. Официальный сайт Верховного Суда ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su>
5. Тадевосян Л. З. Социальное значение уголовно-правового института деятельного раскаяния // Вестник науки ТГУ. – 2010. – №3. – С. 196.

УДК 340

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НЕЗАКОННОМУ КУЛЬТИВИРОВАНИЮ РАСТЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЛИ ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА ЛИБО ИХ ПРЕКУРСОРЫ

Савченко А. А., канд. юрид. наук, *Сербина Е. Д.*
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
almasav@meta.ua, serbina_82@list.ru

Введение. Наркомания за короткий по историческим масштабам отрезок времени превратилась из частного вопроса медицинской этики и психиатрии в грозную социальную проблему, затрагивающую безопасность общества и государства, требующую принятия эффективных

и масштабных мер противодействия. Как известно, началом пути распространения наркотического вещества является получение сырья для его изготовления. В целом ряде случаев такое сырьё имеет растительное происхождение, а культуры для его получения способны произрастать в самой непосредственной близости от места потребления конечного продукта. Это вызывает необходимость теоретического осмысления наркомании и борьбы с ней с точки зрения правового регулирования деятельности органов внутренних дел, ведущих пресечение противоправного возделывания запрещённых культур.

Актуальность темы. Противодействие органов внутренних дел незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры представляет комплекс уголовно правовых мер, направленных на расследование преступлений, предусмотренных соответствующей статьёй Уголовного кодекса (ст. 207 УК ДНР). Такие меры представляют особую важность в силу более низкой стоимости наркотических веществ, производимых из местного растительного сырья их доступности по сравнению с кокаином, героином или синтетическими наркотиками. В результате исследуемая тема приобрела характер актуальной научной и практической проблемы.

Целью исследования является изучение теоретических и практических аспектов организации противодействия незаконному культивированию запрещённых к выращиванию растений, содержащих наркотические вещества или их прекурсоры со стороны органов внутренних дел.

Основная часть. Незаконное выращивание растительных культур, в тканях которых содержатся наркотические вещества (алкалоиды) представляет состав преступления, предусмотренный ст. 207 Уголовного кодекса ДНР (далее – УК ДНР) [1]. Уголовно-правовая политика, направленная на искоренение практики посевов и культивирования таких растений проводится в большинстве стран современного мира, координируется на уровне двух- и многосторонних межгосударственных соглашений и мирового сообщества в целом.

В качестве предмета преступления в данном случае выступают живые организмы, принадлежащие к растительному «царству» природы и производящие в процессе жизнедеятельности химические вещества и соединения, обладающие наркотическим эффектом в случае употребления их тем или иным способом человеком. При этом, важным является признак возможности извлечения (экстракции) таких веществ из данных растений с помощью специальной обработки, включающей осуществление ряда технологических операций.

Кроме того, подчёркивается, что введение в организм человека таких веществ последовательно приводит к привыканию, наркотизации (периодическому умеренному потреблению) и стойкой зависимости. Это

положение получило название физического признака предмета преступления. Включение таких растений на основании закона в нормативные списки наркотических растений составляет юридический признак [2, с. 84]. Специалисты наркологи выделяют также медицинский признак, состоящий в возникновении специфического (наркотического) опьянения, возникновении эйфории, психомоторного возбуждения или седатизации вследствие влияния на центральную нервную систему [3, с. 8]. Все перечисленные признаки связаны с социальным вредом, наносимым наркоманией.

Следует отметить, что отечественный законодатель в ч. 1 ст. 207 УК ДНР указывает на противоправность только культивирования растений, содержащих наркотические вещества либо их прекурсоры. В специальной литературе отмечается, что до мая 2010 г. аналогичная по содержанию статья УК РФ включала в данный состав также посев и выращивание наркосодержащих растений [4]. До настоящего времени ст. 300 УК Казахстана содержит запрет производства посева и выращивания сортов растений, содержащих наркотические вещества [5]. Учитывая, что в русском языке за заимствованным словом «культивирование» закрепилось значение «возделывать, разводить, взращивать, выращивать» [6, с. 415], автор данного исследования считает позицию создателей УК ДНР обоснованной. Более того, термин «культивирование» может предполагать создание искусственных условий, направленных на увеличение биомассы растений, пригодной для дальнейшей незаконной переработки (например, использование методов гидропоники или капельного орошения почвы). В то же время, думается, что целесообразным было бы считать осуществление посева наркосодержащих растений законченным составом преступления.

Такой подход, с точки зрения автора, обуславливается тем, что целый ряд химических соединений, получаемых из культивируемых растений, не имеет медицинского применения, а используется, как правило, для курения с целью достижения наркотического эффекта [3, с. 19]. В качестве одного из характерных примеров можно привести вещество тетрагидроканнабиол, содержащееся в пыльце цветущей конопли (лат. Cannabis) или получаемое из смолы этого растения. Иными словами, такие вещества не включаются в издания Государственной фармакопеи, их нет в статьях справочников лекарственных средств, хотя они и упоминаются на страницах работ по наркологии и токсикологии. Тетрагидроканнабиол включён в список Конвенции ООН о психотропных веществах 1971 г. [7].

Осуществление активных действий, направленных на борьбу с незаконным культивированием наркосодержащих растений, в деятельности органов внутренних дел возможно в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (обследование приусадебных

участков и садоводств, проведение специализированных операций антинаркотической направленности, реагирование на сообщение граждан и должностных лиц о фактах культивирования запрещённых к возделыванию растений, установление фактов совершения деяний, предусмотренных ст. 207 УК ДНР в ходе расследования других преступлений.

Кроме того, следственные органы ведут целенаправленную работу по расследованию именно незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Так, ведётся доследственная проверка информации о совершении данного преступления, возбуждается уголовное дело, устанавливается круг лиц, причастных к совершению данного деяния, объективная и субъективная стороны состава преступления, сбор и фиксация доказательств, в случае необходимости ведётся борьба с попытками посткриминального воздействия на органы следствия.

Поскольку данное преступление в очень редких случаях совершается в одиночку, существует необходимость установления точного состава организованной преступной группы, наличия сговора и распределения ролей между её участниками, степени вины каждого из них [8, с. 328].

Заключение. Органы внутренних дел являются основным звеном государственного аппарата управления, решающего задачи реализации уголовно-правовой политики в области расследования и пресечения деяний, предусмотренных Особенной частью УК ДНР. Одной из них является недопущение культивирования растений, содержащих вещества, не применяющихся в исследовательских или медицинских целях. Для её решения проводятся оперативно-розыскные действия, оперативные мероприятия, расследование деяния, предусмотренного ст. 207 УК ДНР как самостоятельного преступления, так и совершаемого в совокупности. Автор настоящего исследования предлагает считать законченным составом умышленный посев наркосодержащих растений.

Список литературы

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 30.05.2020 // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki> – Дата обращения: 24.10.2020. – Заг. с эк.
2. Пожидаев И. Е. Наркосодержащие растения как предмет преступления // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2013. – № 4 (48). – С. 83-89.
3. Буркин М. М., Горанская С. В. Основы наркологии: Учебное пособие. – Петрозаводск: Карелия, 2002. – 192 с.
4. Комиссаров В. С., Пожидаев И. Е. Актуальные вопросы уголовной ответственности за культивирование наркосодержащих растений // Учёные записки Санкт-

- Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2014. – № 1 (49). – С. 83-87.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> – Дата обращения: 24.10.2020. – Заг. с эк.
 6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
 7. Конвенция Организации Объединённых Наций о психотропных веществах. Заключена в г. Вене 21.02.1971. // Справочная правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091/ Дата обращения: 24.10.2020. – Заг. с эк.
 8. Космодемьянская Е. Е., Ермаков М. Г. Система тактических задач и средства их решения в различных ситуациях расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры // Сибирское юридическое обозрение. – 2018. – № 3. – С. 326-329.

УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Семькина Л. А., канд. юрид. наук, доц., *Мелешко А. И.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
semikina@donnu.ru, alina.meleshko@bk.ru

Введение. Начиная с 2017 года увеличилось количество самоубийств, большую часть которых совершили несовершеннолетние лица. Это вызвало необходимость разработки мер профилактики и предупреждения суицидов, а также мер воздействия на лиц, причастных к данным событиям. В связи с этим Законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики и в статью 124 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики» № 61-ПНС от 27.09.2019 Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) был дополнен статьей 111¹ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» [1].

Основная часть. Статья 111¹ УК ДНР содержит признаки двух составов преступлений: склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства.

Несмотря на то, что склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства криминализировано совсем

недавно, ученые обращают внимание на то, что некоторые способы совершения преступления, перечисленные в данной статье, являются дискуссионными.

Часть 1 статьи 111¹ перечисляет способы склонения к совершению самоубийства. Склонение возможно путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства [2].

Так, стоит остановиться на возможности склонения к совершению самоубийства путем подкупа. Подкуп – материальное вознаграждение (предметы, деньги, ценные бумаги), оказание услуг имущественного характера или иных имущественных выгод, предоставляемые за совершение определенных действий в интересах дающего.

В то же время возникает вопрос, в каких случаях возможно склонение к совершению самоубийства путем подкупа.

Как справедливо утверждает Устинова Т. Д., в данном случае возможен подкуп в пользу третьих лиц, например, когда будущему самоубийце обещают, что в случае его смерти родственники получат значительное денежное вознаграждение [3, с. 154]. Несмотря на возможность подобной ситуации, возникают сомнения в необходимости закрепления данного способа склонения к совершению самоубийства, в связи с тем, что перечень способов склонения к совершению самоубийства не является исчерпывающим, уместно исключить склонение к совершению самоубийства путем подкупа из части 1 статьи 111¹ УК ДНР.

Согласно части 2 статьи 111¹ УК ДНР, содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Достаточно любого из перечисленных в уголовном законе действий для признания наличия объективной стороны преступления.

Рассмотрим подробнее обещание скрыть средства или орудия его совершения как способ содействия совершению самоубийства.

По нашему мнению, обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства как способ содействия совершению самоубийства является не только неоправданным, но и противоречащим принципам УК ДНР, ведь неправомерно применение наказания за совершение действий непроступного характера.

Обратимся к позиции Устиновой Т. Д., которая задается вопросом о том, какое значение для самоубийцы имеет такой способ содействия, как «обещание скрыть орудия или средства совершения самоубийства». Для убийцы, вора важно, чтобы они были спрятаны или уничтожены пособником. Их сокрытие важно только для лица, содействовавшего самоубийце, чтобы не раскрыли его причастность и не привлекли к уголовной ответственности [3, с. 155].

Согласимся с Устиновой Т. Д. в той части, что данный способ содействия совершению самоубийства, в отличие от советов (или указаний) и предоставления средств или орудий совершения преступления не способствует наступлению последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство [3, с. 155].

Однако, в случае совершения преступления, обещание скрыть средства или орудия его совершения является мерой для сокрытия совершения преступления, предотвращения наступления уголовной ответственности для лица или лиц, его совершивших. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК ДНР, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Каждый человек вправе распоряжаться своей жизнью. Суицид, как таковой, не наказывается законом, решившийся на него человек не опасается наступления уголовной ответственности при ненаступлении смерти.

Кроме того, исходя из формулировки диспозиции части 2 статьи 111¹ УК ДНР, совершения действий, направленных, на возбуждение в сознании потерпевшего желания (намерения) совершить самоубийство в данном случае не требуется, лицо уже имеет волевое решение покончить с собой, исходя из чего нельзя говорить о том, что сокрытие средств или орудий совершения преступления является условием совершения самоубийства. В связи с этим возникает вопрос – для чего требуется сокрытие средств или орудий совершения самоубийства, если оно не является преступлением и на решение о самоубийстве никак повлиять не может.

Заключение. Таким образом, по нашему мнению, из части 1 статьи 111¹ УК ДНР необходимо исключить подкуп как способ склонения к совершению самоубийства. Кроме того, из части 2 статьи 111¹ УК ДНР необходимо исключить обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства как способ содействия совершению самоубийства.

Список литературы

1. Закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики и в статью 124 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики» № 61-ПНС от 27.09.2019, действующая редакция по состоянию на 08.10.2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/o-vnesenii-izmenenij-v-ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki-i-v-statyu-124-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Дата обращения: 12.09.2020.
2. Уголовный Кодекс: Закон Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 07.09.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Дата обращения: 12.09.2020.
3. Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ / Т. Д. Устинова // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 3. – С. 1511–59.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Семыкина Л. А., канд. юрид. наук, доц., *Ставская Т. В.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
semikina@donnu.ru, tstavskay@gmail.com

Введение. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления представляют особую опасность для внутреннего суверенитета государства, поскольку они совершаются лицами, которые реализовывают верховенство государственной власти во внутренних делах государства, а также гарантируют взаимодействие государства и гражданского общества [1, с. 18]. Опасность таких преступлений заключается в том, что они подрывают государственную власть изнутри и очень часто сопряжены с коррупцией, и именно такой вид преступлений является наиболее дискуссионным вопросом в юридической литературе.

Борьба с коррупцией выступает одним из ведущих направлений современной уголовно-правовой политики и требует четких нормативно определенных границ.

Учитывая характерные особенности совершения преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, объективные и субъективные признаки их составов (которые имеют характерные отличия от иных общественно опасных деяний), именуются в теории уголовного права должностными преступлениями, которые совершаются с использованием должностных или специальных полномочий, либо связанного с ними авторитета или связей, либо же преступления могут быть выражены в неисполнении служебных обязанностей. Ответственность за совершение таких преступлений предусмотрена уголовно-правовыми нормами главы 30 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) (ст. ст. 334–348 УК ДНР) [2].

Основная часть. В научной литературе в отношении преступлений, сопряженных с коррупцией, используются различные термины: «коррупционные преступления», «должностные преступления, связанные с коррупцией», «преступления в сфере коррупции», «преступления, связанные с коррупцией», «преступления коррупционной направленности», «преступления коррупционного характера» и другие.

Несмотря на многочисленное количество терминов, а также их трактовок, сущность коррупции остается неизменной. С. Роуз-Аккерман определяет коррупцию как: «социальное явление, которое охватывает всю

совокупность действий, связанных с неправомерным использованием лицами предоставленной им власти и должностных полномочий с целью личного обогащения, удовлетворения своих интересов, интересов третьих лиц, а также с целью совершения других общественно опасных деяний» [3, с. 58]. Указанное определение четко раскрывает сущность данного явления.

Обращаясь к понятию «коррупционные преступления», рассмотрим мнение М. И. Мельник. Он считает, что: «коррупционные преступления – общественно опасные деяния, которые заключаются в неправомерном использовании (злоупотреблении) должностными лицами органов государственной власти, государственной службы или органов местного самоуправления предоставленной им власти или своего должностного положения в личных интересах или интересах третьих лиц» [4, с. 128].

Понятие «коррупционное преступление» является широко применяемым в законодательстве многих стран мира, в том числе, возникших на территории бывшего СССР (Киргизская Республика, Республика Молдова и другие), правовые системы которых близки к правовой системе Донецкой Народной Республики.

Безусловно, коррупционными являются преступления, все признаки которых указывают на коррупционный характер и определены в законе или вытекают из его содержания, например: получение взятки; злоупотребление должностными полномочиями или их превышение; нецелевое расходование бюджетных средств; незаконное участие в предпринимательской деятельности.

В настоящее время в законодательном массиве Донецкой Народной Республики отсутствует нормативный правовой акт, который бы раскрывал термины: «коррупция», «противодействие коррупции», «коррупционные правонарушения», «коррупционные преступления» и тому подобные.

Отсутствие такого закона сказывается на степени эффективности противодействия данному явлению, поскольку в Республике на законодательном уровне также не закреплены меры по предотвращению коррупции, не определён круг лиц, которые могут быть субъектами коррупционных деяний.

В связи с этим целесообразно разработать и принять Закон Донецкой Народной Республики «О противодействии коррупции», который будет закреплять основные принципы противодействия этому явлению, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений, а также позволит привлекать лиц, виновных в коррупционных правонарушениях к дисциплинарной, гражданско-правовой и административной ответственности.

Отметим, что подобный Закон, который регулирует вопросы борьбы с коррупцией, принят и действует в Российской Федерации с 10 января 2009 года [5].

Наступление же уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности возможно только по соответствующим статьям УК ДНР.

В УК ДНР также нет состава преступления, называемого коррупционным (коррупцией). На сегодняшний день единственными мерами реального противодействия преступлениям коррупционной направленности в Донецкой Народной Республике являются соответствующие уголовно-правовые нормы, в том числе предусмотренные главой 30 УК ДНР.

Заключение. Если не предпринять радикальных мер, коррупция не только укоренится в государстве, но и с каждым годом будет наносить все больший ущерб бюджету, негативно сказываться на моральных устоях общества, на экономике ДНР, а также на ее государственной безопасности.

В связи с этим считаем целесообразным разработать и принять Закон Донецкой Народной Республики «О противодействии коррупции», в котором необходимо закрепить соответствующие термины, а также все аспекты борьбы с данной государственной проблемой; предусмотреть создание мониторингового центра, который позволит аккумулировать в себе информацию о коррупционных правонарушениях и преступлениях, совершенных как органами государственной власти, так и отдельными лицами.

Хотелось бы отметить, что в Украине Закон «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» был принят спустя 20 лет после образования государства. Чтобы не допустить подобных масштабов коррупционных действий, возникших в Украине, считаем необходимым принять вышеуказанный закон уже в ближайшее время.

Список литературы

1. Иногамова-Хегай Л. В. Актуальные проблемы уголовного права. Часть особенная / Л. В. Иногамова-Хегай. — М.: Проспект, 2015. — 224 с.
2. Уголовный Кодекс: Закон Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 07.09.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.09.2020).
3. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. — Изд. 2-е. — М.: Логос, 2015. — 343 с.
4. Мельник М. И. Коррупционные преступления: сущность и понятие / М. И. Мельник. – К.: Право Украины, 2000. — 254 с.
5. О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ от 25.12.2008, действующая редакция по состоянию на 24.04.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.09.2020).

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Сидоренко Ю. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
yuriy.sidorenko.1980@mail.ru

Введение. Новые тенденции эволюции современного общества, научно-технический прогресс и социальные конфликты способствуют негативным изменениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. С учетом потребностей практики расследования преступлений данного вида приобретает значение классификация способов их совершения. Успешность расследования определена нестандартностью криминалистической методики. Вместе с тем, как отмечают авторы следователь должен руководствоваться хорошо разработанной методикой расследования [3, с. 30]. Совершенствование криминалистической методики расследования незаконного оборота наркотиков остается актуальным

Цель нашего исследования: сформулировать направления совершенствования криминалистической методики данного типа.

Основная часть. Компонентами криминалистической методики называют: следственные ситуации определенного типа, возникающие на различных этапах расследования; криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений; планирование расследования, последующее выдвижение определённых версий; этапы собирания доказательственной и иной криминалистически значимой информации; тактические и методические особенности реализаций отдельных следственных действий, криминалистических операций и комбинаций. В частной криминалистической методике расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, важное место занимает процесс взаимодействия следователей с оперативно-розыскными органами, специалистами и общественностью.

Основываясь на том, частная криминалистическая характеристика, являясь частью криминалистической методики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, ее можем представить как определенную систему описания существенных черт и элементов какого-то явления. Заметим, что само понятие «криминалистическая» означает, что данная категория разрабатывается криминалистической наукой для повышения эффективности деятельности сотрудников полиции по выявлению и документированию преступных деяний в сфере их незаконного оборота, с целью пресечению деятельности лиц их совершающих.

Исходя из опыта следственной работы нами установлено, что каждое преступление, совершаемое в сфере незаконного оборота наркотиков, в существенной степени индивидуально. Однако, изучение и анализ совокупности преступлений определённого вида позволяют выделить общие черты. На основании этой практики выявляется повторяемость и аналогичность конкретных признаков в действиях по подготовке, совершению и сокрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Информация о модели преступления определенного вида имеет своё значение, и в процессе раскрытия преступления помогает следователю в выборе верного направления деятельности, ее способов и средств. Положительного результата в этом направлении, также позволяет достичь анализ значительного по объему архивного материала.

Следственная практика раскрытия преступлений рассматриваемого вида показывает значение первоначального обнаружения следов преступления, установления изменений материальной обстановки. При этом, рекомендовано принимать во внимание, что возникновение информации о преступлении и его участниках служит связующим звеном между преступной деятельностью лиц, их совершающих и деятельностью сотрудников полиции по раскрытию и расследованию преступлений [4, с. 14]. Криминалистическая характеристика преступлений нами трактуется как обобщенная статистическая модель преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Криминалистическая характеристика преступлений рассматриваемого вида содержит 1) сведения о личности преступников, их целях и мотивах; 2) данные об объектах, используемых для приготовления и употребления наркотиков; 3) сведения о типичных способах совершения и сокрытия преступления. Также криминалистическое значение приобретают данные относительно: обстановки, приспособлений и средств, используемых в процессе совершения преступления; данные о месте и времени; сведения о типичных следах преступления.

Важным компонентом криминалистической методики называют следственную ситуацию. Она представляет собой совокупность обстоятельств, сложившихся на определенный период расследования. Для начального, промежуточного либо конечного этапа расследования характерны типичные следственные ситуации рассматриваемых преступлений.

Компонентом криминалистической методики признают планирование расследования. Его связывают с эффективным взаимодействием следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Объём информации, которой владеет следователь на последующем этапе, заметно увеличивается, приобретает значительный объем. Под значительным объемом, мы понимаем, в первую очередь, количественные

критерии. Содержание криминалистической информации требует упорядочения по логическим критериям. Источники криминалистической информации распределены по разнообразным процессуальным источникам. Большой объём конкретности и доказательственная надежность этой информации. Это характеризует качественные критерии криминалистической информации.

Заключение. Наиболее полное и всестороннее доказывание всех обстоятельств, подлежащих установлению по делу – это главная задача последующего этапа. На нем остальные версии, проверенные на первоначальном этапе расследования, опровергнуты. Для оптимальности и контрольной проверки версий и выполнения важной подстраховочной функции может выдвигаться контрверсия [5].

Заключительный этап расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ характеризуется устранением или преодолением проблемных следственных ситуаций. Используя поисковые возможности, на заключительном этапе проводится аналитико-систематизирующая и процессуально-оценочная работа следователя. Составление обвинительного заключения и приложений к нему, направление уголовного дела прокурору для согласования завершает заключительный этап.

Список литературы

1. Уголовный кодекс ДНР – [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.vodadonbassa.ru/wp-content/uploads/2018/04/ugolovniy-kodeks-dnr.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
3. Подольный Н. А. О некоторых источниках создания частных методик расследования преступлений / Н. А. Подольный // Следователь, 2004. – № 11(79). – С. 30-32.
4. Юсупкадиева С. Н. Методика расследования грабежей и разбоев (по материалам Республики Дагестан). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. Н. Юсупкадиева. – М., 2006. – 188 с.
5. Этапы процесса расследования преступлений (традиционная и ситуационная характеристики) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/187604157493/pravo/etapy_protsesta_rassledovaniya_prestupleniy_traditsionnaya_situatsionnye_harakteristiki

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ СЕРИЙНЫЕ УБИЙСТВА

Тишкова Д. О.¹, Милов С. Б.²

¹Коллегия адвокатов «Авеллум», г. Чита, РФ,

²ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ

milov.volk@mail.ru

Внимание к преступникам, которые квалифицируются как «маньяки», обусловлено их диаметрально противоположным положительным поведением в быту, на работе и абсолютно безжалостным, жестоким при совершении преступлений. Серийные убийства характеризуются высокой степенью общественной опасности. Их раскрытие представляет определенные трудности как при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и в ходе следственных действий, поскольку преступники имеют существенные отличия по многим признакам личности, поведения в условиях совершения преступлений.

В Уголовном кодексе РФ нет понятия серийное убийство, закон предусматривает формы множественности «совокупность», «рецидив», а также квалифицирующий признак «убийство двух и более лиц». Ранее, в Уголовном кодексе РФ [1] существовала ст. 16 («Неоднократность преступлений»), которая в 2003 году утратила силу. Именно она больше всего подходит для описания деяний, совершаемых маньяками.

Для раскрытия серийных преступлений и криминалисты, и психологи пытаются определить характерные черты и признаки личности маньяков, чтобы сформулировать «некий усредненный портрет». На формирование характерных признаков оказывает влияние множество факторов, в частности, уровень жизни, время, обстоятельства, которые сопровождают убийства.

Разработка и реализация психологического портрета – это не единственное средство расследования, а лишь попытка использовать поведенческие и психофизиологические принципы психологии для совершенствования методов расследования.

Чаще всего в психологическом портрете описываются следующие характеристики преступника: пол, примерный возраст (если точно установить не представляется возможным), семейный статус, образование, род занятий (общие сведения о работе), психологическая подготовка на полицейские расследования и допрос, вероятность рецидива, вероятность того, что искомый преступник мог совершать в прошлом аналогичные преступления, есть ли на него полицейское досье.

По результатам проведенного нами сравнительного анализа серийных убийц за рубежом и в России был сделан вывод о том, что среднестатистические портреты практически полностью совпадают. Это лицо мужского пола, от 30 до 40 лет с высоким интеллектом, не имеющее высшего образования, а также получивший положительную общественную характеристику. Стоит отметить следующую закономерность: маньяки, как правило, либо воспитываются в семьях с ярко выраженным матриархатом, либо во внешне благополучных семьях, где ребенок испытывает острый дефицит родительского внимания.

Также важно отметить, что у подавляющего большинства серийных убийц есть склонность к зоосадизму, пиромании и детскому энурезу. Это триада Макдональда – поведенческие характеристики, присутствующие практически у всех серийных убийц и маньяков.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – С. 2954.
2. Антонян Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М., 1996 – 336 с.
3. Драпкин Л. Я. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств / Л. Я. Драпкин, В. Н. Долинин, А. Е. Шуклин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – №4. – С. 93–101.
4. Суздалевич А. А. Что побуждает маньяка убивать. Психологический портрет серийного насильника-убийцы / А. А. Суздалевич // Молодой ученый. – 2017. – №10. – С. 329-331.

УДК 343.93

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА (ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)

Хань Г. А., канд. юрид. наук, *Губанова А. В.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

g.khan@donnu.ru

Введение. Совершенствование имеющихся и возникновение новых способов осуществления преступлений разных категорий актуализируют вопросы разработки качественно новых способов расследования, раскрытия и противодействия преступности. Стратегия борьбы с преступностью во многом зависит от профессионального розыска и установления преступников. Вопросам моделирования внешности

преступника, составления поискового и словесного портретов, и, частично, психологического профиля, посвящена криминалистическая габитоскопия.

Цель работы состоит в обобщении тенденций и перспектив развития криминалистического исследования внешнего облика человека.

Основная часть. Габитоскопия представляет собой область криминалистической техники, которая изучает закономерности отображения признаков внешности человека в разных информационных носителях и разрабатывает рекомендации по применению технико-криминалистических методов и средств для собирания, исследования и использования информации о внешнем облике человека в процессе раскрытия и расследования преступлений.

К научным предпосылкам использования признаков внешности для установления личности относятся характеристики внешнего человеческого облика, обладающие криминалистическим значением: индивидуальность, относительная устойчивость и рефлексорность (способность достоверно отображаться в разных информационных носителях) [4, с. 136].

Установление личности преступника по особенным чертам его внешности характеризуется длительной историей, и восходит еще к Древнему миру. К примеру, в Древнем Египте составлялось описание особых характеристик человеческой внешности по методу «Кулай-Пулай», закрепляющее имя, возраст, фигуру, цвет кожи, глаз, волос, форму лица, носа, уха, размеры конкретных частей лица и особые приметы. Также для наказания, регистрации и идентификации преступников во многих странах использовались методы членовредительства (отрубание части тела) либо клеймения (как вариант – принудительное нанесение татуировок). Тем не менее, такие меры не имели систематизированного научного основания.

В конце XIX ст. французским криминалистом Альфонсом Бертильоном был разработан и предложен метод составления «словесного портрета», который положил начало криминалистической габитоскопии. В 1902 г. немецкий и швейцарский криминалист и судебный эксперт Рудольф Арчибальд Рейсс унифицировал и уточнил некоторые аспекты данной методики, и на сегодняшний день она также является востребованной. Значительным вкладом в развитие криминалистической антропологии и криминалистической габитоскопии характеризуются труды итальянского ученого Чезаре Ламброзо и его последователей [3, с. 161].

К числу современных перспективных разработок в сфере криминалистической габитоскопии относится идентификация человека по рисунку радужной оболочки глаза, по рисунку сетчатки глаза, по форме ушной раковины. Наряду с традиционными методами исследования, растет востребованность биометрических технологий идентификации личности по этим характерным признакам. Биометрика – сфера знаний, которая используется при создании автоматизированных систем распознавания

человека по его физическим и физиологическим характеристикам – форме кисти руки, термограмме лица (схеме кровеносных сосудов), голосу, подписи, узору радужной оболочки глаза, папиллярному узору пальца, фрагментам генетического кода. Современные способы фиксации криминалистически важной информации с использованием видеокамер, видеорегистраторов и смартфонов значительно расширяют имеющиеся возможности для применения и развития биометрических технологий [1, с. 59].

В современной криминалистической литературе также аргументируется целесообразность комплексного исследования не только характеристик внешнего облика, но и внутренних признаков человека с целью идентификации его личности. Среди таких внутренних признаков анализируются физические (структура ДНК, химические и биологические свойства отдельных частей организма) и психологические (создание психологического профиля, поискового портрета преступника). Современный российский исследователь Е. И. Фойгель подчеркивает, что комплексное и взаимообусловленное исследование признаков человека существенно повысит вероятность решения вопросов идентификационного и диагностического характера. Это, в свою очередь, обеспечит рост результативности выявления, расследования, раскрытия преступлений [5, с. 26].

Дискуссионным является вопрос о соотношении криминалистической габитоскопии и криминалистической физиогномики. Существует точка зрения о рациональности применения анализа внешнего облика человека при решении диагностических вопросов, связанных со свойствами личности, ее темпераментом, способностями, предпочтениями и психологической совместимостью. А. М. Зинин, один из основателей российской криминалистической габитоскопии, подчеркивает несостоятельность криминалистической физиогномики в данном вопросе, ведь нельзя упрощенно представить связь между содержанием личности и формой его выражения; на основе отдельных поступков делать выводы об отношении человека к определенным явлениям действительности. Это объясняется разной целевой направленностью рассматриваемых сфер научного знания [2, с. 3].

В то же время, подчеркивает Е. И. Фойгель, все же наблюдается тенденция к «психологизации» криминалистической габитоскопии. Так, обосновывается целесообразность отнесения к особым приметам также и морфологических признаков и психологических особенностей психологического портрета (повышенная эмоциональность, сексуальность, манера поведения, походка, голос, речь, жесты, мимика). Такая точка зрения аргументируется тем, что при запоминании и создании мысленного образа человека часто ключевая роль принадлежит таким психологическим и функциональным характеристикам личности. К примеру, в силу

дефектов зрения человек может не обратить внимания на форму лица, цвет глаз, размеры отдельных частей тела и подобные морфологические признаки, но при этом запомнить голос, походку, жесты и некоторые особенности поведения [5, с. 27].

Заключение. Криминалистическая габитоскопия, как отрасль знания с многовековой историей применения, в настоящее время характеризуется бурным развитием, сочетая в себе современные достижения психологии, психиатрии, цифровых технологий с применением химических, биологических и физических методов исследования. Высокие результаты и достижения в сфере криминалистической габитоскопии могут обеспечить рост эффективности решения криминалистических задач при расследовании и раскрытии преступлений.

Список литературы

1. Бондаренко Р. В. Перспективы развития криминалистического учения о признаках внешности человека / Р. В. Бондаренко // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №12. – С.57-62.
2. Зинин А. М. К вопросу о соотношении «криминалистической физиогномики» и криминалистической габитоскопии / А. М. Зинин // Эксперт-криминалист. – 2011. – №3. – С.2-3.
3. Пичугин С. А. История возникновения и развития криминалистического учения о признаках внешности / С. А. Пичугин // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – №5. – С.160-165.
4. Пичугин С. А. Система методов комплексного криминалистического исследования внешнего облика человека, ориентированная на оперативно-разыскную и следственную деятельность / С. А. Пичугин // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №2. – С.135-140.
5. Фойгель Е. И. Современное состояние криминалистической габитоскопии / Е. И. Фойгель // Пролог: журнал о праве. – 2016. – №2. – С.24-28.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЧЕРКА

Хань Г. А., канд. юрид. наук, *Соколенко А. В.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
g.khan@donnu.ru, a.sokolenko@donnu.ru

Введение. Процесс письма является сложным и уникальным механизмом, который формируется продолжительное время. Актуальность изучения этого механизма обусловлена высокой информационной ценностью для криминалистики и других наук. По результатам криминалистического исследования почерка возможно сформулировать

экспертное заключение с категорическим (положительным или отрицательным) выводом. В неврологии и психиатрии результаты исследования почерка используют для выявления ряда заболеваний, а также для оценки эффективности лечения и для прогноза течения заболевания. Исследование почерка присуще даже космической отрасли, где для оценки состояния нервной системы космонавтов и их индивидуальной адаптационной способности во время полёта анализируют их рукописи.

Цель исследования – анализ механизма формирования почерка, влияния на него объективных и субъективных факторов, выявление функций отдельных областей головного мозга в процессе письма, а также изучение автоматизации письма.

Основная часть. Почерк не является врождённым свойством человека, он возникает в результате обучения, выработки навыков, постоянных тренировок. Почерк каждого человека уникален. Ему можно подражать, копировать, подделывать, однако, современные возможности криминалистики, медицины, биомеханики, психологии, графологии с большой долей вероятности способны выявить это. Это связано с тем, что почерк основан на письменно-двигательном функционально-динамическом комплексе.

Медицина изучила роль отдельных областей коры больших полушарий мозга в обеспечении того или иного условия, необходимого для процесса письма. Каждая область коры головного мозга имеет особенности строения и выполняет определённые функции. Ведущим является левое полушарие, в нём заложены аппараты, которые связаны с правой рукой и обеспечивают нормальную письменную речь. Правое полушарие мозга прямо не относится к регуляции письма. У левшей – наоборот. В затылочной области мозга расположен центр зрения. Височная область левого полушария является центром слуховых раздражений и слухового анализа. Теменная область является корковым аппаратом, анализирующим раздражения, идущие от поверхности кожи и мышц, она обеспечивает выполнение тонких и четких движений, так как эти движения могут выполняться только в тех случаях, когда они находятся под контролем постоянно поступающих с периферии сигналов о положении органов тела в пространстве. За организацию движений во времени, выработку и сохранение двигательных навыков, организацию сложных целенаправленных действий отвечают передние участки коры головного мозга [1, с. 34].

Благодаря совместной работе всех областей коры головного мозга происходят все психофизиологические процессы, в том числе письмо.

С физиологической точки зрения формирование письменных навыков является процессом установления сложных взаимоотношений между указанными выше структурами коры больших полушарий

головного мозга, а те или иные особенности письменной деятельности являются следствием этих взаимоотношений [2, с. 253].

В движении руки при письме принимает участие большой комплекс мышц руки – мышцы кисти, предплечья, плеча и плечевого пояса, над- и подостные мышцы лопатки. Для правильного выполнения процесса письма необходима слаженная и четкая координация движений всех этих мышц. Эта координация движений подразумевает в процессе обучения письму установление тонко дифференцированного двигательного навыка синергических и реципрокных отношений в отделах двигательного анализатора, особенно в корковом его конце [1, с. 36].

Письмо хотя и носит автоматизированный характер, человек всё же сознательно вмешивается в этот процесс. Например, задумывается над правилами орфографии. Это связано с тем, что каждое изменение состояния мышц вызывает ответные импульсы, идущие по чувствительным нервным путям от нервных окончаний в мышцах, суставных сумках и сухожилиях в чувствительные нервные центры головного мозга.

Процесс письма требует последовательных одновременных быстрых движений. Осознавать и контролировать каждое отдельное движение очень трудно для человека, а при написании текста в быстром темпе (например, на лекции) вовсе невозможно.

Автоматизация движений при письме делает процесс письма легче. Человек получает возможность все внимание сосредоточить не на процессе выведения букв, слов, символов, а на самом содержании написанного.

Таким образом, возникает устойчивость признаков почерка, которые уже трудно изменить, не нарушив сложившейся системы, не приложив специально для этого усилий.

На формирование почерка влияют объективные и субъективные факторы. Субъективные присущи конкретному лицу, а объективные зависят от внешних условий, в которых протекает процесс письма. Субъективными факторами являются:

- особенности зрительной системы;
- особенности нервной системы;
- строение костно-мышечного аппарата руки;
- уровень его подвижности;
- навык держать письменные принадлежности и др.

К объективным относятся:

- система и методы обучения письму;
- продолжительность и качество тренировок;
- внешняя среда, в которой происходит процесс написания текста;
- особенности прибора для письма (ручки, карандаша, маркера) и т.д.

Постепенная автоматизация при письме как бы освобождает природные влияния, а поскольку этот навык уже освоен, их воздействие

продолжается. Почерк отражает степень и качество неосознанного влияния заданных факторов на дальнейшее развитие почерковой системы, так как объективные факторы оказывают влияние уже при освоенном навыке письму [3, с. 75].

Заключение. Почерк следует за всеми изменениями, происходящими с человеком, он позволяет выявить процессы, протекающие в организме и определить его состояние. Психофизиологическую основу письма составляет совместная работа различных анализаторных систем. Она реализуется за счет заднелобных, нижнетеменных, височных, задневисочных и переднезатылочных отделов мозга. Письмо – достаточно сложный механизм, который со временем становится более автоматизированным, что значительно облегчает процесс письма, но не лишает его воздействия объективных и субъективных факторов.

Список литературы

1. Томилин В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма / Е. И. Золотухина. – М.: Медицина, 1974. – 125 с.
2. Любимова М. Ю. Психофизиологические предпосылки графической деятельности / М. Ю. Любимова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – №3. – С. 252-254.
3. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика / В. Ф. Орлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 160 с.

УДК 343.98

СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Черкашин А. В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
donniise@yandex.ru

Законодательством Донецкой Народной Республики судебная экспертиза определяется как «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства и иных сферах деятельности, поставленных перед экспертом органом или лицом, имеющим право назначать судебную экспертизу, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [1]. Правовой основой назначения и проведения судебных экспертиз в Донецкой Народной Республике являются Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной

деятельности», Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики, а также другие процессуальные кодексы.

Судебные экспертизы назначаются в тех случаях, когда в процессе расследования или судебного разбирательства для решения определенных вопросов необходимы специальные знания.

В частности, для выявления противоправной экономической деятельности и сбора доказательств для предварительного расследования и судебного разбирательства в уголовных делах, возбужденных по экономическим преступлениям, необходимы не только юридические знания, но и специальные знания в экономических отраслях. В связи с указанным важное место в расследовании уголовных дел по экономическим преступлениям занимает судебно-экономическая экспертиза.

Судебно-экономическая экспертиза не является методом контроля, поскольку наделена специфическими особенностями. В частности, судебно-экономические экспертизы проводятся в процессе расследования уголовных дел только в случаях возникновения потребности в специальных знаниях для установления отдельных фактических обстоятельств этих дел и назначаются на основании решений органов предварительного расследования или суда.

Задачей судебно-экономической экспертизы является установление фактических обстоятельств дела, которое расследуется следственными органами или рассматривается в суде. Судебно-экономическая не выполняет профилактической функции. С помощью судебно-экономической экспертизы можно установить только отдельные факты деятельности определенных лиц, которые являются участниками гражданского, арбитражного или уголовного дела. Эксперт-экономист имеет право учитывать фактическое соблюдение должностными лицами требований нормативных актов в рамках ведения учета, что не решает вопрос об ответственности этих лиц, поскольку основанием для материальной ответственности за нанесенный ущерб является вина работника, а установление вины, как правовой категории, выходит за пределы компетенции эксперта, являясь при этом прерогативой органа расследования или суда.

В процессе проведения судебно-экономической экспертизы исследуются только те вопросы, которые поставлены эксперту следователем или судом, и перечень которых указан в постановлении следователя или определении суда о назначении судебно-экономической экспертизы. Судебно-экономическую экспертизу уполномочен проводить только специалист, который в порядке, предусмотренном законодательством, получил квалификацию судебного эксперта по определенной экспертной специальности.

Следует отметить, что в настоящее время судебно-экономическая экспертиза проводится по следующим экспертным специальностям:

11.1 «Исследование документов бухгалтерского, налогового учета и отчетности», 11.2 «Исследование документов об экономической деятельности предприятий и организаций», 11.3 «Исследование документов финансово-кредитных операций» [2].

Эксперт-экономист должен уметь решать широкий круг вопросов, имеющих отношение к различным отраслям экономики. Он должен обладать всеми общетеоретическими дисциплинами в объеме, который необходим для оценки правильности планирования, финансирования, кредитования, организации бухгалтерского, налогового учета и составления отчетности. В связи с указанным, экономическая экспертиза и разделяется на исследования по специальностям, приведенным выше.

Согласно требованиям процессуального законодательства суд, прокурор и следователь должны всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства, имеющие значение для установления истины в деле. В связи с указанным судебная экспертиза, в том числе и судебно-экономическая экспертиза, входит в круг источников доказательств по делу [3].

Ее можно считать наиболее эффективной мерой собирания доказательств по экономической преступности. Результаты исследования судебно-экономической экспертизы оформляются в виде заключения эксперта, которое после его оценки следователем или судом может приобрести роль доказательства или источника доказательств по делу. Доказательственное значение имеют не только выводы эксперта-экономиста, но и установленные им факты, которые послужили основанием для этих выводов. Судебно-экономическая экспертиза является процессом исследования, производство которого включает следующие стадии: подготовительная, исследовательская, в которую могут входить аналитическая и синтезирующая, а также заключительная стадия.

Цель судебно-экономической экспертизы заключается в установлении фактических обстоятельств дела, которое возбуждено по факту совершения правонарушения экономического характера, или дела по разрешению какого-либо хозяйственного спора.

Судебно-экономическая экспертиза является неотъемлемой частью общественной жизни, а потому она нуждается надлежащей организации. Потребность рациональной организации судебно-экономической экспертизы реализуется в соответствующих нормативных правовых актах, принимаемых государственными органами: Народным Советом Донецкой Народной Республики, Правительством Донецкой Народной Республики, Министерством юстиции Донецкой Народной Республики, Министерством финансов Донецкой Народной Республики и тому подобное.

Организационно-финансовое обеспечение судебно-экономической экспертизы в Донецкой Народной Республики определяется Законом

Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности», которым предусмотрено государственное финансирование государственных судебно-экспертных учреждений.

Таким образом, особенностью судебно-экономической экспертизы является то, что она не может существовать вне уголовных, арбитражных или гражданских дел, возникающих в процессе расследования или судебного разбирательства. Независимо от того, по каким делам назначается судебно-экономическая экспертиза, ее предметом является хозяйственная деятельность, отраженная в учетных документах, бухгалтерских регистрах, ставших объектом расследования или судебного разбирательства и в отношении которых эксперту-экономисту поставлены следователем или же судом вопросы, требующие применения специальных знаний по учету и анализу хозяйственной деятельности предприятия.

При этом судебно-экономическая экспертиза, выступая процессуальной формой исследования на основе специальных знаний в различных отраслях экономики, решает широкий круг вопросов, возникающих в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства экономических преступлений. Квалифицированное заключение эксперта-экономиста способствует установлению объективной истины и вынесению справедливого судебного решения.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики от 20.02.2015 № 12-ИНС «О судебно-экспертной деятельности». URL: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/Zakon_DNR_o_sudebno_ekspertnoj_deyatelnosti.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
2. Приказ Министерства юстиции ДНР № 99 от 10.02.2016 «Об утверждении Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований». – URL: <https://minjust-dnr.ru/prikaz-99-ot-10-02-2016/> (дата обращения: 12.09.2020).
3. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ИНС от 20.09.2018. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.09.2020).

СОЗДАНИЯ УГРОЗЫ МАССОВОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ ИЛИ ОТРАВЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Черная А. В.

ГОУ ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
a.chernaya1994@gmail.com

Введение. Распространение различных инфекционных заболеваний, в том числе новой коронавирусной инфекции в 2020 году обусловило изменение всех сфер жизнедеятельности граждан. И в свете проблем, возникших в связи с ухудшением ситуации в мире, органы государственной власти Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) стали вводить ряд мер в целях противодействия распространению вируса.

Основная часть. Наиболее существенные изменения в новых условиях претерпело уголовное и административное законодательство. Так, в условиях пандемии для защиты здоровья населения были приняты законодательные акты, направленные на совершенствование мер юридической ответственности за нарушение законодательства в области санитарно-эпидемиологической стабильности. В новой редакции представлена ст. 275 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики [1] (далее – УК ДНР), предусматривающая ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, а именно к существующей норме добавлена часть 3, устанавливающая ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, изменены санкции статьи. Помимо того, частью второй ст. 275 предусматривается ответственность за *умышленное* создание угрозы массового заболевания или отравления людей, что вызывает определенные вопросы правоприменения.

В связи с совершенствованием уголовно-правового запрета, закрепленного в ст. 275 УК ДНР, следует указать, что преступление считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий в виде массового заболевания или отравления людей, и не предусматривает момент создания *непреднамеренной* угрозы причинения вреда правоохраняемым объектам (так называемый в уголовно-правовой доктрине «состав опасности») [2].

Так, например, Верховный Суд РФ определяет создание угрозы наступления последствий (массовых заболеваний или отравления людей) как реальную угрозу лишь в том случае, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления,

медицинскими работниками и другими лицами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила [3, с. 15].

В настоящее время вопрос отнесения состава опасности к материальным или формальным в уголовно-правовой доктрине не является однозначным. Так, А. А. Тер-Акопов указывает на то, что выделение такого состава налагает обязанность на правоприменителей доказывать факт совершения деяния, а также создание этим деянием угрозы, реальной возможности наступления преступных последствий [4, с. 128]. Внесение таких изменений является достаточно дискуссионным вопросом и требует тщательного и детального осмысления.

Некоторые ученые в области уголовного права, такие как Полупан Г. Ю. отмечает, что создание опасности – это формирование состояния возможности наступления вреда, которое выступает следствием совершения деяния, поставленного под уголовно-правовой запрет [5, с. 7].

Исходя из положений ст. 275 УК ДНР не совсем ясно, имеется ли возможность привлечения лица к уголовной ответственности в случае, если есть подозрение о наличии у него инфекционного заболевания. Согласно новой редакции ст. 275 УК ДНР, подобные действия нельзя квалифицировать как нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания людей. Однако сложившаяся угроза распространения вирусных заболеваний реальна, то есть связана с возможным наступлением последствий. Так, Н. С. Таганцев считает, что «опасность должна существовать прежде всего объективно, независимо от сознания о наличии такой опасности со стороны причинившего таковую, так как последнее условие имеет значение лишь для установления условий виновности. Объективное причинение опасности предполагает наличие таких условий, которые делают вероятным наступление определенного вреда для правоохраненного интереса» [6, с. 659].

Как утверждает С. В. Землюков, «различение реального причинения вреда и опасности (угрозы) его причинения не означает, что угроза не производит объективных изменений в правоохранительных интересах. При угрозе также происходят вредные изменения в состоянии объектов: изменение ситуаций их безопасного функционирования. Реальность такой опасности требуется доказывать, как и фактический вред» [7, с. 46].

В соответствии со ст. 29 Закона ДНР от 10 апреля 2015 г. № 40-ІНС «Об обеспечении санитарного и эпидемиологического благополучия населения» [8], лица, больные особо опасными инфекционными болезнями, в случае отказа от госпитализации подлежат принудительному стационарному лечению, а носители возбудителей указанных болезней и лица, имевшие контакт с такими больными, обязательному медицинскому

наблюдению и карантину в порядке, установленном законодательством Донецкой Народной Республики. Из представленной нормы видно, что обязательной госпитализации должны подвергаться лица, представляющие опасность для окружающих.

Заключение. Таким образом, непреднамеренное создание возможности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия общества тоже выступает отдельным типом причинения преступного вреда, даже в случае отсутствия умысла субъекта на совершение таковой угрозы, в связи с чем остается дискуссионным вопрос о криминализации такового в ст. 275 УК ДНР.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменения в статью 275 уголовного кодекса Донецкой Народной Республики» № 113-ПНС от 28.03.2020[Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Электрон. текст. дан. <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmeneniya-v-statyu-275-ugolovnogo-kodeksa-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.10.2020).
2. Янина И. Ю. Составы постановления в опасность / И. Ю. Янина // Актуальные проблемы российского права. – Москва, 2017. – № 4 (77). – С. 124-132.
3. Обзор №2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: <http://www.supcourt.ru/files/28881/> (дата обращения: 15.10.2020).
4. Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. / А. А. Тер-Акопов. – Москва: Юрид. лит., 1995. – 176 с.
5. Полупан Г. Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: специальность 12.00.08: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Галина Юрьевна Полупан; Российская академия правосудия. – Москва, 2013. – 178 с.
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции. Т. 1. / [соч.] Н. С. Таганцева. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб. : Гос. тип., 1902.
7. Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск / С. В. Землюков Под ред. В. К. Гавло. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991 (1992). – 241 с.
8. Закон Донецкой Народной Республики «Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения» № 40-ПНС от 10.04.2015[Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Электрон. текст. дан. –Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-obespechenii-sanitarnogo-i-epidemicheskogo-blagopoluchiya-naseleniya/> (дата обращения: 15.10.2020).

ЭКСПЕРТНАЯ ОШИБКА: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Шумаев Д. Г.¹, Овинникова Р. В.²

¹ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dimasik.gov@mail.ru, rayaovinnikova@mail.ru

Введение. Судебная экспертиза, согласно законодательству ДНР, относится к следственным действиям, а ее результат может быть признан в качестве судебного доказательства. Законодатель провозглашает ее независимость и объективный характер, а на предотвращение ошибок эксперта направлен ряд организационных и уголовно-процессуальных мер. Проблемам экспертных ошибок посвящены работы многих авторов: Р. С. Белкина, Т. В. Аверьяновой, Н. П. Майлис, Н. И. Клименко, М. М. Федотова и др. Авторы признают неизбежность ошибок эксперта без наличия злого умысла. Причиной таких ошибок называют недостатки восприятия результатов исследования объектов экспертизы. Между тем, эксперт обязан знать или предвидеть наличие собственных недостатков подобного рода. Поэтому относить такие ошибки к неумышленным, остается проблематичным.

Цель работы формулируем как уточнение содержания понятия неумышленных экспертных ошибок.

Основная часть. Результаты проведенной экспертизы направлены на доказательственное обеспечение расследования фактов противоправных посягательств. Считается общепризнанным, что созданию доказательственной базы в процессе судебно-экспертной деятельности препятствуют ошибки, возникающие при проведении соответствующих исследований. Субъектом таких ошибок становится лицо, наделенное полномочиями по производству судебной экспертизы.

Так, судебно-экспертная деятельность непосредственно связана с практической деятельностью судебного эксперта. Авторы рассматривают ее с позиции деятельности других участников расследования, определенным образом связанных с проведением экспертизы [1, с. 300]. Специфика экспертной деятельности состоит в ее исследовательском, познавательном характере. Поэтому одной из причин экспертных ошибок становятся недостатки и пробелы в исследовательской, познавательной и практической деятельности эксперта.

Заключение эксперта подлежит процессуальной оценке следователем и судом. Но выявить ошибки указанного характера невозможно, без привлечения специальных знаний, каковыми субъекты оценки не владеют. Поэтому ошибки эксперта сложно выявить. Они ведут к деформации всей системы судебных доказательств. Цена экспертной ошибки может быть

установлена с точки зрения негативных последствий для уголовного судопроизводства.

По нашим наблюдениям, в судебно-экспертном учреждении действует система предотвращения экспертных ошибок. Она включает контроль работоспособности экспертного оборудования, поверку измерительных приборов и инструментов, создание технических условий для проведения экспертных экспериментов. В связи с этим, к негативным последствиям экспертных ошибок вполне справедливо относят падение престижа судебно-экспертного учреждения, а также вывод о некомпетентности его руководства. Для преодоления подобных негативных факторов можем предложить проведение дополнительных следственных действий проверочного характера, таких как назначение повторных экспертиз, а также повторные осмотр объектов экспертизы, выемка образцов для экспертного исследования и т.п. Но при этом остается неустранимым фактор затягивания сроков проведения расследования.

По нашему мнению, к содержанию понятия экспертной ошибки следует отнести такие признаки:

1. Ошибка судебного эксперта представляет собой не результат отсутствия намерения или же неосторожности, но только выполнение неумышленных действий, или же бездеятельность в необходимых ситуациях.
2. Экспертная ошибка реализуется в ходе экспертной деятельности.
3. Субъектом экспертной ошибки выступает судебный эксперт.
4. Она выражается, прежде всего, в формулировании объективно ложных выводов экспертизы.

Наличие указанных признаков в научном определении экспертной ошибки позволяет отличить ошибочный вывод эксперта от сознательно ложного заключения [2, с. 105]. Неумышленные неправильные действия или же бездеятельность в процессе экспертного исследования, вследствие ложной интерпретации полученных экспертом результатов на уровне чувств, восприятия, представления, мышления, обусловлены психическими, социальными, биологическими качествами субъекта.

Возможными путями (способами) разрешения вопроса об ошибочности вывода эксперта называют процессуальный, методический и оценочный.

Процессуальный путь (способ) предусматривает одновременное назначение нескольких экспертиз по одному и тому же вопросу – как средство проверки и взаимопроверки результата. Одним из наиболее значимых критериев оценки правильности вывода эксперта становится его соответствие другим бесспорно установленным фактическим обстоятельствам дела. Процессуальным критерием истинности вывода эксперта на сегодняшний день выступает судебная практика. Основанием

оценки доказательственного значения судебной экспертизы признано внутреннее убеждение судьи, но такой подход не исключает судебных ошибок. При этом ошибочный или умышленно ложный вывод эксперта оказывают непоправимое воздействие на реализацию процессуального назначения судопроизводства.

Методический путь (способ) предусматривает возможность направления спорных выводов экспертиз на рассмотрение специальных научно-методических органов.

Оценочный путь реализуется посредством оценки следователем (судом) вывода эксперта по расследуемому (рассматриваемому) делу.

Авторы справедливо отмечают, что возникновение ошибки зависит от особенностей процесса экспертного познания. Их распределяют на обстоятельства как объективного, так и субъективного характера [3, с. 650]. По нашему мнению, особенности такого познания связаны с объективностью отображения извлекаемой информации в предоставленных объектах экспертизы. Эксперт минимизирует риск возникновения ошибок путем правильного применения экспертных методик. Однако, на сегодня не все возможные объекты экспертизы в достаточной мере отображены в таких методиках. Допущение ошибки даже высококомпетентными и опытными экспертами не исключено в подобных сложных ситуациях.

Заключение. Таким образом, отмечаем, что экспертная ошибка может быть вызвана неправильными действиями лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, поскольку результат экспертизы зависит от достоверности и допустимости материалов, предоставленных эксперту.

Уточняем научное определение понятия экспертной ошибки – как неумышленно ложное суждение о фактах, имеющих значение для установления истины по уголовному делу, сформулированное в выводе эксперта, что является результатом действия и (или) бездействия судебного эксперта в процессе осуществления экспертного исследования.

Список литературы

1. Образцов В. А. Криминалистика: курс лекций / В. А. Образцов. – М., 1996. – 448 с.
2. Мишин А. В. Проблемы разграничения экспертной ошибки от заведомо ложного заключения эксперта / А. В. Мишин, П. Н. Мазуренко // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 104-106.
3. Тукаева Л. И. Экспертные ошибки в судебной экспертизе / Л. И. Тукаева // Аллея науки. – 2018. – Т. 8. – № 5 (21). – С. 648-652.

СОДЕРЖАНИЕ

Административное и финансовое право

<i>Балакай О. Б., Гаврилюк А. Ю.</i> Правовое обеспечение бюджетного процесса в Донецкой Народной Республике	5
<i>Балакай О. Б., Романенко К. А.</i> К вопросу об определении понятия налоговой тайны	8
<i>Балакай О. Б., Удахина К. А.</i> Защита прав и законных интересов налогоплательщиков в ДНР	11
<i>Бореништейн А. Л., Борзенкова К. Ю.</i> Реализация мер административного принуждения	14
<i>Ветчинова Ю. И., Селезнева М. Ю.</i> Проблемы применения мер административного принуждения к несовершеннолетним лицам и их законным представителям	16
<i>Грабельников В. А., Лесковец М. А.</i> Совершенствование налоговой системы: правовой аспект	19
<i>Емельянова И. Ф., Викулин Я. Ю.</i> Финансовый контроль как финансово-правовая категория	22
<i>Емельянова И. Ф., Козлов Д. А.</i> Финансовая дисциплина и финансово-правовые меры ее обеспечения	25
<i>Забаренко Ю. А.</i> Принцип презумпции невиновности в налоговом законодательстве Донецкой Народной Республики	29
<i>Каблов Д. С., Ермоленко В. А.</i> Усовершенствование принципов производства по делам об административных правонарушениях	32
<i>Каблов Д. С., Федосеева Я. О.</i> Государственная служба в аспекте инструмента обеспечения национальной безопасности	34
<i>Косач Н. Е., Протасова В. А.</i> Правовое регулирование делегирования полномочий органами исполнительной власти	37
<i>Крутова А. В., Смелов И. В.</i> Представительство: гарантия защиты прав и свобод гражданина РФ	40
<i>Николаев А. А., Самбурова Е. Л.</i> Производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство: соотношение понятий	43
<i>Пашков С. Н., Конопелько Т. С.</i> К вопросу о совершенствовании административно-правового обеспечения государственного управления в сфере качества пищевых продуктов	46
<i>Пашков С. Н., Причина А. В.</i> Административно-правовое регулирование деятельности таможенных органов Донецкой Народной Республики	49
<i>Пашков С. Н., Рахимова В. М.</i> Актуальные вопросы совершенствования административно-правовых мер борьбы с экологическими правонарушениями	51
<i>Педерсен И. А., Щербань Г. Ю.</i> Правовое обеспечение использования цифровых технологий в деятельности органов доходов и сборов Донецкой Народной Республики	54
<i>Подмаркова И. П., Дзюба А. Н.</i> Финансово-правовые аспекты соблюдения финансовой дисциплины: проблемы и пути их решения	57

<i>Подмаркова И. П., Зусман А. В.</i> Проблемы и перспективы развития налогового законодательства Донецкой Народной Республики	60
<i>Ракша Н. С., Астапова А. С.</i> К вопросу о теоретических аспектах применения мер административного принуждения	63
<i>Ракша Н. С., Демина А. С.</i> Проблемы применения мер административного принуждения	65
<i>Ракша Н. С., Потапова Е. О., Щербинина Е. А.</i> Исследование проблемных аспектов осуществления административной деятельности сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел	68
<i>Сиренко Б. Н., Крамарчук И. О.</i> Правомерное ограничение прав субъектов административного права в Донецкой Народной Республике	71
<i>Сиренко Б. Н., Романенко К. А.</i> Административно-правовое регулирование института социальной защиты государственных служащих	74
<i>Сынкова Е. М., Корнев Д. А.</i> К вопросу о сущности таможенного дела и таможенной политики	77

Конституционное и международное право

<i>Ашурков О. А., Орлова Н. А.</i> Современные подходы Российской Федерации к заключению международных двусторонних инвестиционных договоров	80
<i>Журба В. В., Базалийская Т. В.</i> История становления международного космического права	83
<i>Копилян В. А., Копилян Т. В.</i> К вопросу проблем межотраслевых связей и межотраслевых адаптаций юридических средств в российском и международном праве	86
<i>Корольков В. В.</i> Разрывая порочный круг: федерализм как способ решения конфликтов на постсоветском пространстве	90
<i>Кулакова Е. В.</i> Виды парламентских комитетов: анализ зарубежного опыта	93
<i>Кулакова Е. В., Омахель Я. Я.</i> Особенности международных источников права, регламентирующих вопросы гражданства	96
<i>Кулакова Е. В., Удовиченко В. В.</i> Деятельность Международного комитета Красного Креста в период вооруженных конфликтов	99
<i>Мазина Н. Е., Копыл И. А.</i> Коллизии правоприменения норм международного гуманитарного права в условиях вооружённого конфликта	103
<i>Медведев Ю. Л., Харитонов А. А.</i> Правовой статус мужчин в международном праве	106
<i>Николаева Е. Б.</i> Доказывание в делах о военных преступлениях и расследовании противоправных деяний, в которых усматривается грубое нарушение конвенции о защите прав человека и основных свобод	109
<i>Одегова Л. Ю., Бариз Е. Л.</i> Права военнопленных: проблемы внедрения международных стандартов	112
<i>Одегова Л. Ю., Рудь Ю. А.</i> Роль международных механизмов защиты прав ребенка в реализации детьми права на образование	116
<i>Одегова Л. Ю., Сокур А. С.</i> Генезис понятия «экоцид»	119
<i>Олейник И. Л., Дегтяренко Л. Н.</i> Конституционный принцип многонациональности народа и его роль в развитии государственной национальной политики	122

<i>Поляков В. Ю., Московский В. В.</i> Сущность и причины деструктивной деятельности Международного валютного фонда.....	125
<i>Поляков В. Ю., Шимановский Д. И.</i> О некоторых вопросах правового регулирования миграции граждан стран третьего мира в Европейский Союз	128
<i>Полякова Н. Г., Лавский А. А.</i> Актуальные вопросы квалификации захвата заложников как преступления международного характера	131
<i>Савченко А. А., Бугёва П. Н.</i> Международная ответственность лиц, виновных в вовлечении детей в вооруженный конфликт	134
<i>Соловьёва Ю. А.</i> Актуальные аспекты толкования принципа самоопределения народов	137
<i>Соловьёва Ю. А., Лопатин А. Ю.</i> Основные направления совершенствования деятельности таможенной службы в Российской Федерации	140
<i>Тимофеева А. А., Дмитриева М. В.</i> К вопросу о правовом статусе эмбриона человека в национальном законодательстве	143
<i>Тимофеева А. А., Клевцов В. С.</i> Механизм реализации конституционно-правовых норм	146
<i>Тимофеева А. А., Панибратец Д. О.</i> Теоретические подходы к конституционно-правовой ответственности	149
<i>Чубарова Е. А., Стариков Г. В.</i> К вопросу о правовой природе экстрадиции и её соотношение с понятием «выдача» преступника	152

Уголовное право и процесс

<i>Баранчиков Е. В.</i> Понятие и структура института назначения наказания в российском уголовном праве	156
<i>Бордюгов Г. Л.</i> Юридическая природа судебной экспертизы и экспертного исследования	159
<i>Бордюгов Л. Г.</i> Проблемы кадрового обеспечения судебно-экспертной деятельности	162
<i>Буханова А. А.</i> Социальная природа процессуальных решений в уголовном судопроизводстве Донецкой Народной Республики	165
<i>Гапотченко А. Г.</i> Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Донецкой Народной Республики	168
<i>Гапотченко А. Г., Комиссаров В. В.</i> Актуальные вопросы реализации лицом права на обжалование решений, действий или бездействия органов власти в уголовном процессе Донецкой Народной Республики	171
<i>Гапотченко А. Г., Крамарчук И. О.</i> Процессуальный порядок взыскания судебных издержек	174
<i>Гапотченко Г. Н.</i> Усовершенствование прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела по Уголовно-процессуальному кодексу ДНР ...	176
<i>Гапотченко Г. Н., Гапотченко А. Г.</i> Актуальные вопросы избрания меры пресечения в виде личного поручительства по Уголовно-процессуальному кодексу ДНР	179
<i>Гапотченко Г. Н., Легенький В. Р.</i> Принципы уголовного процесса в государствах континентальной правовой системы	182

<i>Гапотченко М. Г.</i> К вопросу о возможных видах наказаний в отношении юридических лиц по уголовному законодательству Российской Федерации и Донецкой Народной Республики	185
<i>Гапотченко М. Г., Мережук Е. В.</i> Актуальные вопросы доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними	188
<i>Гапотченко М. Г., Фомин В. В.</i> Государственная защита чести и достоинства граждан в уголовном судопроизводстве Донецкой Народной Республики	191
<i>Гулина С. Н., Гокунь Ю. С.</i> Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации	194
<i>Гулина С. Н., Савкина М. В.</i> Правовая характеристика института помилования	197
<i>Журба А. И., Матвиенко В. С.</i> К вопросу о сближении законодательства Донецкой Народной Республики с законодательством Российской Федерации относительно дипломатического иммунитета от уголовного преследования	200
<i>Зарецкая Е. А., Величко Н. А.</i> Особенности материального и нематериального состава преступления в уголовном праве	203
<i>Зарецкая Е. А., Крамарчук И. О.</i> Возможность участия лица женского пола в качестве соисполнителя в совершении изнасилования	206
<i>Карло А. Г.</i> Определение понятия «злостность» как основополагающего признака уклонения от уплаты средств на содержание детей	208
<i>Карпенко Л. К., Глущенко В. Р.</i> Вопросы воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования по законодательству Донецкой Народной Республики	211
<i>Карпенко Л. К., Кривonosова Я. Е.</i> Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации: криминологический аспект	214
<i>Комаров В. А., Кащеев Б. М.</i> Суд присяжных в современном уголовном процессе: за и против	217
<i>Кривченко Ю. А.</i> Некоторые актуальные аспекты, выявленные при проведении судебных экспертиз безопасности жизнедеятельности	221
<i>Левендаренко О. А., Моисеева К. Н.</i> Соотношение коррупции и лоббизма	224
<i>Левин В. В., Романенко К. А.</i> Преступное поведение должностных лиц: криминологический аспект	226
<i>Мамона Т. М.</i> Обеспечение права на защиту в системе принципов уголовного судопроизводства Донецкой Народной Республики	229
<i>Мамона Т. М., Дорофеев Д. И.</i> Актуальные вопросы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве	232
<i>Мамона Т. М., Сенник А. А.</i> Совершенствование процедуры дознания по уголовным делам в Донецкой Народной Республике	235
<i>Мамона Т. М., Сенник Р. А.</i> Процесс доказывания при осуществлении кассационного производства	238
<i>Манивлец Э. Е., Макаренко А. М.</i> Роль прокурора в обеспечении соблюдения прав человека в ходе расследования уголовного дела	241
<i>Манивлец Э. Е., Шарова Т. Н.</i> Участники координации правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью	244
<i>Меркулов С. Н., Колодий А. С.</i> Признаки экологического преступления	247

<i>Николаев А. А., Агафонова А. Г.</i> Тактика предъявления для опознания лица в дистанционном режиме	250
<i>Панчук Е. А.</i> Право на справедливый суд в уголовном судопроизводстве ДНР	254
<i>Перенесенко В. Э., Батьковская А. А.</i> К вопросу о сроках задержания в уголовном процессе Донецкой Народной Республики	257
<i>Перенесенко В. Э., Грогуль А. А.</i> Самостоятельность следователя	259
<i>Перенесенко В. Э., Сильченко Е. В.</i> Добровольный отказ от совершения преступления	262
<i>Савченко А. А., Сербина Е. Д.</i> Противодействие органами внутренних дел незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры	265
<i>Семыкина Л. А., Мелешко А. И.</i> Некоторые проблемы ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства по законодательству Донецкой Народной Республики	269
<i>Семыкина Л. А., Ставская Т. В.</i> Противодействие преступлениям коррупционной направленности	272
<i>Сидоренко Ю. А.</i> Методика расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков	275
<i>Тишкова Д. О., Милов С. Б.</i> Психологическая характеристика лиц, совершающих серийные убийства	278
<i>Хань Г. А., Губанова А. В.</i> Криминалистическое исследование внешнего облика человека (тенденции и перспективы развития)	279
<i>Хань Г. А., Соколенко А. В.</i> Особенности механизма формирования почерка	282
<i>Черкашин А. В.</i> Сущность судебной экономической экспертизы	285
<i>Черная А. В.</i> Создания угрозы массового заболевания или отравления людей в условиях развития инфекционных заболеваний	289
<i>Шумаев Д. Г., Овинникова Р. В.</i> Экспертная ошибка: понятие и значение	292

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2020
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
V Международной научной конференции
17-18 ноября 2020 г.,
г. Донецк

**ТОМ 8
Юридические науки
Часть 1**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск доц. *Н.А. Тимошенко*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.К. Миронова</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 12.11.2020 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 20ноя155/11.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.